

АРСЕНИЙ ЗАБЕЛИН

I

ВЕЧНОСФЕРА

ТЕНЬ ЯСТРЕБА

Изменит ли что-то жизнь или смерть одного человека? Да, если он император из рода Теллур. Пока жив император, живы и его подданные. Но если он умрет, произойдет божественный катаклизм, известный как гнев частиц. Ахимас Арден добивается аудиенции у императора, однако выясняется, что он при смерти. Нужно срочно предотвратить надвигающуюся катастрофу. Но похоже, придворные жаждут смерти своего правителя и теперь только в силах Ахимаса, раскрыть причину внезапной болезни императора, остановить ее и спасти город от скорой гибели.

Тень ястреба

Арсений Забелин

Глава 1. Свет в конце тоннеля

«...Аб... абордажный лом ва... во все дыры! Якорь те в глотку!» — грязно выругался шкипер Руперт. Он упал на пол с гнилой трехногой табуретки, на которой ранее заснул. От удара шкипер окончательно протрезвел и пришел в себя. Потирая ушибленный бок, он с трудом поднялся и направился в трюм корабля. Там Руперт начал долбить сапогом по бочке из-под квашеной капусты крича:

«Ахимас! Ахимас, мать твоя — каракатица! Чтоб тебя разорвало! Вылазь!»

Внутри бочки послышался шорох и тихий стон. Шкипер взялся своей громадной лапой за крышку бочки и рванул. «Шпонк!» и крышка открылась.

Сидевший в бочке Ахимас, был в состоянии близком к анабиозу и не думал просыпаться. Ему снился сон. После третьего крика: «Вылазь!», Ахимас чуть приоткрыл глаз и увидел над собой огромную, круглую дыру. В ней неприятное, красное, отекающее лицо с многодневной щетиной. Лицо пристально смотрело на него, широко открывало рот и вместе с отвратительным зловонием алкогольного перегара, пыталось изрыгать какие-то слова. Конечно же, слова не были ясны. Ахимас и не хотел, чтобы они стали ему ясны.

Но вот ужас! Не добившись результата, чудище потянуло к его лицу свою страшную лапищу. Тогда Ахимас напрягся, собрался с последними силами и задал не слишком подробный, но крайне уместный вопрос:

— Ну что? — его собственный голос прозвучал хрипло и измученно. Слова небритой морды стали вдруг понятны. И столь же краткий ответ:

— Приплыли!

— А-а-а-а... — Ахимас застонал. — Куда? День, месяц, год какой?

— Уф-ф, однако... — услышал он в ответ. — Сколько же... Й-ик! — шкипер икнул, — ты тут томился. Я уж и забыл. Плыли мы явно дольше, чем думалось поначалу. Поэтому гм... Мне бы самому, кто напомнил, какой тадыть день. Но я знаю, что сейчас мы стоим в порту Эрнбурга. Агенорида мать ее! Стоять здесь будем не дольше 6 часов. Пополним запасы пресной воды и двинемся дальше на юг. День сейчас какой-то там из второй осьмицы месяца посевов. Ну время... Время около 5 утра. Это я тебе могу сказать с уверенностью! Ну что так и будешь там сидеть? Вылазь! А то мало ли, кому-то все же... Й-ик! Надыть будет эта чертова капуста.

Ахимас еще раз осмотрел свою круглую, деревянную темницу, в которой он провел почти две недели, глубоко вдохнул кислый капустный запах и, попытался встать. Все тело одеревенело от длительного пребывания в одном положении. Ахимас не без труда выбрался из бочки и сонный встал перед Рупертом.

На вид ему было не больше 23 лет. Он обладал довольно типичной внешностью. У него не было ни серьезных недостатков, ни особых достоинств. Но была у внешности Ахимаса странность. Один видел в нем интеллигентного аристократа, другой бродягу, третий просто приятного молодого человека, ну а четвертый какого-то невзрачного типа, ничем не примечательную личность. Цвет волос Ахимаса, казалось, тоже менялся от обстоятельств. Словом, каждый воспринимал Ахимаса по-своему. Некоторые, даже находили в нем черты, свойственные жителям Ивенкара. Возможно, описание внешности зависело от того, кто смотрел на Ахимаса, а возможно, от того состояния, в котором прибывали его частицы.

Но в действительности Ахимас был человек обычной, нормальной внешности, к

которой за последнее время прибавились синяки под глазами и колкая двухнедельная щетина.

— Послушай, Ахимас, думаю, разгуливать по столице в том, что на тебе надето, не лучшая идея, если ты, конечно, не хочешь привлекать внимание бродячих псов и городских солдат, что почти одно и то же.

— Да, пожалуй, ты прав. У ближайшего портного куплю себе хорошую одежду.

— Не стоит, лучше прибереги деньжат, а я дам тебе кое-что другое, на первое время. Жди, сейчас вернусь.

Спустя пять минут, Руперт вернулся с одним большим и одним маленьким свертками.

— Что это? — спросил Ахимас.

— А ты разверни и глянь.

Сперва Ахимас взял в руку большой сверток. Замотанный в грубую льняную ткань, в нем лежали штаны средней паршивости, белая сорочка и пара слегка поношенных, но крайне добротных юфтевых сапог.

— Действительно, все это очень кстати. Спасибо, я не забуду этого подарка. В лучшие времена обязательно тебя отблагодарю.

— Ловлю на слове, — уверенно сказал Руперт. — Загляни в маленький сверток. Не знаю, что в нем, но твоя подружка сказала отдать лично тебе в руки и не разворачивать.

— Подружка? — зло переспросил Ахимас и принял из рук Руперта второй сверток. Он был меньше предыдущего, но выглядел куда интереснее. Аккуратно замотанный в плотную, черную ткань, и перевязанный белой, шелковой лентой, этот сверток сразу привлекал внимание.

Ахимас отошел в дальний угол трюма и развернул сверток. В нем оказалась небольшая, похожая на шкатулку, деревянная коробочка, внутри лежало сложенное вчетверо письмо и туго набитый, кожаный кошель. Он развязал кошель, там было много монет разного размера и достоинства: маленькие серебряные с профилем Леопольда IV, среднего размера золотые с аистом, и самые необычные, их было всего три, крупные золотые блинчики с маленьким бриллиантом в центре. Вокруг него были какие-то письмена на неизвестном языке. Ахимас взял в руку письмо:

«Вечно сиять! Уважаемый А, надеюсь ты прибыл в Агенориду без происшествий. Вместе с этим письмом, должен лежать кошель с местной валютой. Агеноридские деньги называются риппэ. Трать их на свое усмотрение. Но береги три крупных золотых монеты с драгоценными камнями в центре. Они имеют собственное название — Кьялу. Разумеется, они названы так в честь великого бога света. Они крайне редки, а ценность каждой из них, равняется пятистам обычных риппэ. Настоятельно рекомендую, не тратить их без особой на то причины. Теперь о твоих задачах:

На первое время тебе лучше раздобыть паспорт с ундоскопией и лицензию на оружие. Подлинность и способ их получения, думаю, не имеют значения. Сейчас в Агенориде сложное военное положение. Рунаборгские солдаты проверяют документы у всех, кто выглядит подозрительно. А ты лучше меня знаешь, кто их интересуется обычно... Тебе особенно не повезло. Я слышала, что наместник стягивает в столицу новых солдат. Поэтому не стоит появляться на крупных, городских проспектах, особенно вблизи государственных учреждений. Около них шанс столкнуться с Рунаборжцами особенно велик. Не исключено, что в городах Агенориды, в скором времени, а возможно, что и уже, появились плакаты розыска с твоим портретом. Даже с учетом твоей внешности, дающей некоторые

преимущества, постарайся не привлекать внимание.

Чтобы достать документы, советую ближе сойтись с местным криминальным миром. Уверена, что в таком крупном городе, как Эрнбург, достаточно умельцев «клепать бумажки».

Вторая и главная твоя задача, уважаемый А, — связаться с его императорским величеством Леопольдом IV. Как выяснилось, он последний, кто лично виделся и разговаривал с твоим братом. Похоже, что император дал ему тайное укрытие где-то в землях Агенориды. Ты же единственный человек, которому император Леопольд, может рассказать, где это место. Встретиться с императором лично, тебе не под силу. Я слышала, что он болен и находится в очень тяжелом, почти предсмертном состоянии. А его покои охраняются лучшими телохранителями.

Но все же есть один эльф ивенкарец, мой старый знакомый. Он способен тебе помочь. Его зовут Мальтомайн Равер-рид, он глава ордена «Трех клинков», точнее, его Агеноридского подразделения. Когда-то давно я помогла ему, можно сказать спасла жизнь. Теперь он обязан мне. Сейчас он управляет клубом-рестораном «Океанская глубина». Это самое популярное заведение среди знати, прошедшей «пересадку», а также среди наемников и авантюристов, вроде тебя. Странно, не правда ли? Пользуясь этим, орден трех клинков, проворачивает через «Океанскую глубину» свои махинации, контролирует пересаженных дворян и использует авантюристов. Словом, место пользуется дурной репутацией.

Мальтомайн почти все свое время проводит в особняке, где и расположена «Океанская глубина». Поэтому проще всего будет встретиться с ним именно там. Однако, при встрече обязательно сообщи ему следующее: «алтимум дженус эквилибриум» — это условный пароль, известный только мне и ему. Услышав пароль, Мальтомайн согласится тебе помочь. Однако должна предупредить! Я слышала, что он, уже на протяжении нескольких лет ведет себя странно, а порой и совсем неадекватно. Словом, будь с ним крайне бдителен, слишком уж он неоднозначная личность.

И последнее, через несколько дней после твоего прибытия, я приеду в Эрнбург лично. Надеюсь, к тому времени, с помощью Мальтомайна, тебе удастся связать с Императором.

Вечно сиять, дорогой А! Искренне твоя ВД.»

Дочитав письмо, Ахимас подошел к факелу, висящему на стене, и сжёг письмо.

«Лучше никогда не оставлять улики», — подумал он.

Затем, в углу, Ахимас стянул с себя грязное вонючее тряпье и одел новые штаны и сорочку. После Ахимас оторвал несколько длинных лоскутов от старой одежды и обвязал обе ступни полосками ткани. Поверх всего этого надел сапоги. Они оказались малы.

«От ходьбы сапоги разносятся и станут как раз мне впору», — подумал Ахимас и вернулся к шкиперу.

— Ну что закончил?

— Закончил.

— Ну вот, совершенно другое дело, теперь хоть на человека похож стал, — похвалил преобразившегося Ахимаса, шкипер.

— Спасибо... — процедил Ахимас.

— Интересное, как я погляжу, было содержимое у того второго свертка м-да, — это Руперт сказал уже с легкой ноткой горечи и зависти в голосе. — Кто бы мог подумать!

Ахимас сделал вид, что не слышал этого.

— Руперт, у меня к тебе несколько вопросов. Давай присядем.

Они сели на низкие деревянные скамьи, поставленные напротив друг друга.

— Валяй свои вопросы!

— Меня интересуют люди, которые могут сделать кое-какие документы. Возможно, тебе известен некто местный, кто поможет? А заодно поделиться другой нужной информацией? Есть кто на примете?

— А то! Сразу понятно, кто тебе нужен. Есть здесь один такой, незаменимый прохвост. Зовут Леонардо Гронго. Сам он бумаги не клепают, но зато в курсе всего в этом городе.

«Посредник значит», — подумал Ахимас.

— Интересно, расскажи о нем подробнее?

— Ну, что тут сказать, старый повидавший всякого в жизни пират. Он плавал во всех западных морях, видал все берега, грабил крупные и богатые суда. И в итоге сколотил себе неплохое состояние. Но его фортуна кончилась, и он покалечил ногу. Сейчас, окончательно бросил якорь в этой дыре. Владеет баром под названием «Звезда Хромого», довольно неплохое место, как по мне, не раз там бывал. В баре всегда полно всяких, разных людей, это и простые, честные моряки вроде меня и наших матросов, и пираты из Агенориды, Луи и прибрежных стран. Со всеми у Леонардо связи.

— Кхм! Ближе к делу! — одернул его Ахимас.

— Ах да. Леонардо, как я сказал, на короткой ноге с городскими бандами и различными подпольными торговцами, оружейниками и многими другими. Если тебе нужно с кем-то связаться, то Леонардо подсобит, не бесплатно, конечно же! Хе-хе!

— Как этот Леонардо, в плане надежности?

— Крысит ли он рунаборжцам о своих посетителях? Нет! За это можешь не переживать! Я лично проверял. Ручаюсь! Он с рунами не в ладах! — шкипер дважды постучал кулаком в грудь. По-видимому, этот жест и должен был отражать то, как крепко он ручается.

— В таком случае, почему ты назвал его прохвостом?

Да, за этим негодяем нехилый, такой должок на большую сумму. Продул мне в «Мокрицу», причем не раз и не два! И после каждого обещал вернуть позже, да с процентами. Уже год прошел с нашей последней игры, а денег нет как не! Тю-тю!

— Ну что же, и на этом спасибо. Можешь рассказать, как отсюда добраться до его бара?

— Да, без проблем. Ты взамен передашь ему привет от меня, а заодно покрепче напомнишь про должок. Так, чтобы подействовало, — сурово добавил шкипер.

«Ну да! Делать мне больше нечего», — подумал Ахимас.

— Значит, слушай, мы сейчас причалим под храмовой скалой. Раньше ты бы мог пойти по пирсу. Там рукой подать до бара. Но загвоздка в том, что дальше, где швартуются солидные суда господ теперь полно солдат. Да не местных, пузатых остолопов, а рунаборжцев. Весь порт сейчас под их контролем.

— Вон оно, как оказывается! Мне такой вариант, не очень-то подходит.

— Тогда тебе придется идти через тоннели под скалой и портовый район. Места дурные! Там, легко заплутать и сгинуть с концами! А уж как там выжить такому господинчику, как ты...

— Да ты за этого господинчика не переживай. С уличными бандитами справлюсь.

— Ну вот и чудненько. Как раз проверишь свои силенки, — насмешливо добавил Руперт.

— Рассказывай давай! — отрезал Ахимас.

— Ну, брат, с тобой посмеяться не выйдет. Слушай внимательно...

Следующие 15 минут, Руперт рассказывал Ахимасу, путь до бара, путаясь и увязая в подробностях маршрута. Из услышанного Ахимас понял, что шкипер сам плохо ориентировался в местности, хоть и пытался показать обратное.

— ...поэтому придерживайся старого доброго правила, всегда иди по самой прямой, и с виду длинной улице. Ну и, конечно, не забывай молиться богам, чтобы не поймать перо в бок или шальную пулю в голову. Хе! Если повезет, выйдешь на маленькую площадь меж домов, там и будет бар «Звезда хромого», — наконец закончил Руперт.

— Да уж обнадежил, нечего сказать, — горько усмехнулся Ахимас.

— Ну уж извините, Ваше Величество! — с издевкой добавил Шкипер. — Третьего пути отсюда нет! Только так, либо стража, либо бандиты. Решай! Но от себя скажу, что рунаборжцы нынче, чисто звери.

«Да, рунам на глаза мне нельзя попадаться». — подумал Ахимас и спросил:

— Оружие у тебя есть?

— Оружие брат, дать не могу, в нынешнее время, оно на вес золота. А тебе уже пора, думаю, что сейчас матросы завтракают в камбузе, и у тебя есть шанс выйти с корабля без свидетелей, когда он причалит.

— Спасибо за одежду, и за то, что помог добраться сюда.

— Да обращайся!

— Пускай, тебе всегда дует только попутный ветер. Прощай!

— Прощай Ахимас!

После этих слов Ахимас встал с лавки и пожал Руперту его здоровенную, мозолистую лапу.

Он поднялся по небольшой лесенке на палубу и осмотрелся. Где-то слышался громкий смех, брань, звон железных ложек об жестяные тарелки. Матросы завтракали в камбузе. Корабль входил в бухту Эрнбурга.

Начинался восход. Сверкающий краешек вечносферы только-только показался из-за горизонта. Его розоватые лучи, пробивли ночную мглу и упали на покрытые мелкой, зеленой порослью вершины двух гор. Где-то вдали, в зарослях терновника и лаванды стали видны развалины древних храмов. Каменные изваяния безмолвно, слепыми глазами, смотрели далеко вниз, туда, где прямо у вод океана раскинулся громадный город. Его проспекты и площади, медленно начинал заливать густой и теплый, утренний свет.

Корабль устаревшей модели «Окунида», на котором Ахимас находился, плыл медленно, чтобы не привлекать внимание. Он использовал лишь силу ветра. Дыма из труб видно не было, а четыре пары гребных плавников по бокам кормы не шевелились вовсе. Ни на одной из мачт не было флага, что в беспокойные времена 1049 года никого не удивляло.

«Окунида» медленно обогнула высокий холм, усыпанный множеством домишек, и направилась к причалу в тени храмовой горы с огромным белым маяком на вершине. Как правило, здесь швартовались суда, не желавшие платить портовый налог, а также корабли с нечистой репутацией. Корабль замедлился, ударившись бортом о большие резиновые отбойники причала. Затем, окончательно замер на месте, бросив тяжелый якорь на дно.

Громадная, каменная скала, нависала над причалом, как хищник над жертвой. Было такое ощущение, что она вот-вот, треснет и всей своей невообразимой массой, обрушится прямо на скорлупки, называемые кораблями. Но, по воле некой, всемогущей силы, скала стояла и даже не предпринимала попыток к обрушению.

Ахимас спустился по трапу на берег. Он обернулся и последний раз взглянул на

корабль.

Ничего примечательного в нем не было — ветхая посуда. Из любопытного лишь название крупными буквами, отлитое из металла странного происхождения: «Свинилья Марьяда».

«Какое неподходящее название», — подумал он и пошел по причалу в сторону небольшого, каменного тоннеля в скале между малюсенькими домишками. В лицо дул прохладный, утренний бриз, такой долгожданный после двухнедельного томления в бочке.

Ахимас вошел в тоннель. Сперва это был обычный, сделанный шахтерами коридор. Грубо стесанный камень и деревянные балки, поддерживающие потолок. К некоторым из них были приделаны небольшие, железные кольца, но лишь в каждом пятом горел факел. Ахимас взял один в руку. Но вскоре все это сменилось идеально круглым тоннелем. Всю окружность равномерно покрывали каменные борозды и желобки. В голове его возникала мысль, что проход этот сделан скорее чудовищных размеров червем, нежели человеком.

Ахимас вышел на большую развилку из пяти пересекающихся тоннелей. «Руперт говорил, что мне нужно в крайний левый проход. — вспомнил он и посмотрел туда, где был, заложенный большими, каменными блоками червячный лаз. Стена была заложена очень давно, и уже успела обрасти плесенью и соляными подтеками. Взгляд его привлекла небольшая щель между камнями. Он подошел ближе. Заглянул в щель. Там была лишь тьма, но чувствовалось слабое движение воздуха. Прислонив ухо к стене и постояв минуты две, Ахимас услышал, что-то вроде рычащего скрипа. Звук был настолько специфичным, что установить его источник не было возможности. И все же это было что-то живое.

«Вот дьявол! — Ахимас отошел от стены. — Неспроста этот тоннель заложен. Ведь это Агенорида, бывшие земли унку... и на этой самой горе раньше стояли их храмы. Неудивительно, что в подземельях могли остаться эти проклятые люди в облике страшных тварей. Не хотелось бы с ними столкнуться. Но остальные проходы, похоже, ведут вниз в глубину горы».

«Рискну!» — решил он и слегка тронул кладку. От стены откололось несколько камней. Они упали на пол и раскрошились. Стена была непрочной. Тогда Ахимас напрягся и ударом ноги, проломил дыру. Ее как раз хватило для того, чтобы протиснуться в тоннель.

Факел освещал круглый ход. Тусклое желтое мерцание на гранитных стенах. Борозды от сегментов червя гиганта. Звуков рычащего скрипа, к счастью, слышно не было. Если в этом тоннеле и обитал страшный монстр, то он уполз обратно в недра. Спереди стал долетать мерзкий запах. Он назойливо проникал в ноздри, заползал глубоко в лёгкие. Глаза начали слезиться.

«Воняет словно из грязной пасти!» — подумал Ахимас. Все мысли, витавшие в его голове, исчезли словно дым на ветру. «Лучше бы я на причал вернулся. Теперь только бы выбраться отсюда, только бы выбраться!»

Внезапно он снова услышал скрипящий рык, но где-то позади. А вместе с ним и громкий звук трения и рушащегося камня. Ахимас обернулся. «Кто-то движется сюда!» — испугался он и побежал вперед. Проход разделился надвое. Слева дул ветер. Ахимас свернул. Существо приближалось. Ахимас миновал поворот, ещё один, и увидел узкий, словно трещина в каре, пролом на поверхность, изливавший потоки света и тёплого воздуха.

Ахимас бросил, тускневший прямо на глазах факел и стал протискиваться в щель. Он оцарапал лицо об грубый базальт, но все же выбрался на свет. В скале послышался скрежет. Сквозь щель он посмотрел в темноту. Что-то черное, невообразимо длинное рыча

пронеслось по тоннелю и скрылось в недрах скалы.

Тяжело дыша, Ахимас вытер пот со лба и осмотрелся. Он находился на небольшой каменной площадке на краю скалы. У самого края стояла странная скульптура, вернее, лишь ее часть. Это была задняя половина коня. От передней сохранились только ноги. Ахимас заметил, что слева от лошади лежала верхняя часть всадника.

«Это воин из народа унку», — подумал Ахимас. Он осмотрел статую.

Странная броня война, была словно создана из растянутых пузырей и облегла мускулистое тело. На голове человека должен был быть шарообразный прозрачный шлем. Но сейчас от него осталось лишь несколько осколков. В руке воин держал обломок копья. Никаких надписей на статуи не сохранилось. За что ее здесь поставили, неизвестно. Но судя по состоянию, подвиг война давно забылся. Он хмурился, глядя вверх, словно ожидая помощи с неба, чтобы подняться. Сколько ему придется ждать, никому не известно.

«Не похоже, что унку сделали эту статую, — подумал Ахимас. — Видимо, это Агеноры, создали ее для унку, когда еще были с ними в хороших отношениях».

Ахимас посмотрел в противоположную сторону. От площадки круто вверх уходила чертовски узкая, как макаронина, лестница. Высокие ступени были вырублены прямо в камне, вероятно, лестница, была древнее самого города и также осталась от унку. Край ступеней, стерлись от тяжелой поступи времени. Приглядевшись внимательнее, в скале справа, можно было заметить, небольшие, прямоугольные отверстия. В некоторых из них выросла трава, где-то грибы плесени, а где-то даже лежал старый, сильно побелевший от времени птичий череп. С противоположной стороны, ничего не было и упасть с лестницы на острые скалы казалось делом совсем нетрудным.

Ахимас предположил, что факел ему больше не понадобится, но тушить не стал, а просто, словно свечу положил на широкую, каменную грудь давно забытому воителю.

Преодолев подъем он оказался в небольшом дворе.

«Фу-у-уф!» — тяжело выдохнул он и вытер пот. Небольшое пространство, окружали хиленькие пиратские халупы, примыкавшие прямо к скале. Это место было чем-то, вроде подготовительного пространства, перед тем, что ждало несчастного путника за ним. Нечто подобное, Ахимас уже видел во многих других, крупных, приморских городах. Это была узкая, шириной в два человеческих тела улочка, засыпанная разного рода отбросами, природного и физиологического происхождения.

Ступая по серо-бурой брусчатке мостовой, Ахимас очень внимательно смотрел под ноги и обходил подозрительно выглядывшие желтоватые лужицы, встречавшиеся повсеместно. Задача не наступить в лужу, усложнялась еще и тем, что в узком разломе между хибарами пиратов, царил крошечный мрак. То и дело он становившийся гуще, по вине белья, развешенного на веревках между окнами.

В один момент Ахимас остановился, прислушался. Сверху доносился странный звук. Он был похож на крик, удушаемого подушкой. Голос был очень высокий и, похоже, принадлежал женщине. Добраться до распахнутого окна на третьем этаже, откуда раздавался крик, не представлялось возможным. Стена, была сложена из гладких кирпичей и не имела явных выступов.

Но, к счастью, все обошлось. Примерно через полминуты, наверху послышался сильный удар, хруст, похоже, что кто-то выбил дверь в комнату. Дальше грубая, морская ругань, звуки ударов, громкий женский крик.

Через несколько мгновений, из распахнутого окна, пафосно сделав кувырок в воздухе,

выпрыгнул человек в черной одежде. Он приземлился на ноги, неподалеку от Ахимаса и поднял фонтан брызг из вонючей лужи. Дерзкий незнакомец, очень прытко заскакал вперед по улице, громко разбрызгивая на стены вонючие лужи. Попытаться догнать и поймать незнакомца, Ахимас не стал пробовать, что, с его точки зрения, было вполне оправданно. Ведь он догадывался, кем являлся этот незнакомец и не хотел наживать себе проблем.

Кое-как отряхнувшись и мысленно проклиная незнакомца всеми известными ему бранными словами, дополненными новенькими, услышанными от Руперта, Ахимас все же продолжил свой нелегкий путь по артериям разврата и зловоний, к бару с грустным названием, «Звезда хромого»!

То ли час был ранний, и грабители еще не устроили своих засад меж домов, то ли боги, которым советовал молиться Руперт, даровали-таки Ахимасу свое покровительство, но, к счастью, дальнейший путь прошел без приключений. И, примерно через четверть часа, впереди снова засиял яркий свет.

Улица вывела его на небольшую площадь, окруженную со всех сторон, двух и трехэтажными домами. Площадь, сильно контрастировала с теми адскими ущельями, из которых только что выбрался Ахимас.

Дома были довольно простыми, но в то же время очень и очень аккуратными. Ровные, белые и бежевые стены из известняка, поверх них дубовые балки, перекрытия, выкрашенные коричневой краской. На втором и третьем этаже балкончики с цветами в длинных горшках, на крыше мансардные окошки, увитые плющом. В одном из них Ахимас с удивлением обнаружил старушку, поливавшую из желтой лейки герань в глиняном горшке.

Это была не старая, мерзкая карга, а скорее милая, добродушная бабуля.

На мгновение Ахимас даже усомнился, в реальности происходящего, возможно это какой-то сон или морок? Он обернулся назад, туда, где была холодная и мрачная, заполненная зловонными запахами улочка, откуда он только что выполз. Все сомнения сразу отпали.

Настроение немного улучшилось. А это было не кстати. Ведь Ахимасу, вот-вот предстояло снова окунуться в места, не столь благолепные и расслабляться не стоило. Постояв несколько минут, восстановив душевное равновесие, а заодно тщательно осмотревшись, Ахимас повернул налево, в сторону дома с небольшой увитой хмелем арке. За ней виднелось невысокое здание с открытой террасой. Это и был бар «Звезда хромого».

Глава 2. Пьяная мгла

Ахимас вошел в уютный дворик. На его краю, у большого каменного балкона, словно на сцене, стоял бар «Звезда хромого». Старое одноэтажное здание. Стены его потрескались от силы жара сковороды небесной. Слева здания была терраса под навесом. Где на выкрашенном чёрной морилкой полу, стояли массивные столы и длинные скамьи. На каждом столе высился натюрморт из пустых бутылок, скелетов рыб, огрызков яблок.

Еще дальше, в глубине террасы, подперев задами ограждение, стояло три «фрукта» особо нетрезвого сорта. Один обгладывал куриную ножку, другой, выпучив глаз, изучал мутное дно пивной бутылки. Третий же просто ковырял перстом указательным в нюхательном отверстии. Хоть каждый, казалось, был занят своим делом, но вместе, все трое мычали какую-то старую матросскую песню. Негромко, но раздражающе.

Ахимасу очень хотелось подойти и посмотреть с балкона на порт, оценить обстановку. Но все же, он решил не привлекать к себе внимание террасных пьяниц.

«Еще затянут в свою гнилую компашку. Вот один из них, настырно, но так, чисто подружески, оплетет тебя своим бледным побегом за плечо. «Выпей!» — скажет он, — «За брата нашего ловца. Вчера мы убили вот текущую рыбу смерха!» Говоря это, он широко разведет побегими в стороны, наивно думая, что показывает тот самый размер. Вид у них сильно увядший. Похоже, что и весь запал уже вышел. Но вот хмельной дух остался».

Ахимас подошёл к массивной двери мореного дуба. На ней висела резная табличка с гербом пивнушки — семиконечной белой звездой на гребне большой, золотой волны, и надпись: «Добро пожаловать в бар Звезда хромого. Здесь вам рады всегда» Ниже висела записка, написанная крупным почерком: «Ульхрюль! Свинья! Верни бочонок падла! Это брюходер, а не ром, сын ты каракатицы!»

Ахимас взялся рукой за большое чугунное кольцо двери. Оно было довольно необычным и изображало червя в пасти рыбы. Рыба приторно улыбалась, как будто червь был не мясным, а шоколадным. Глядя на нее, невольно хотелось улыбнуться в ответ. Но Ахимас просто потянул за червь — кольцо, как бы пытаясь вырвать его из пасти рыбы. Звякнуло. Тяжелая дверь, издав мерзкий скрип, неохотно поддалась.

Свет, проникший в темные недра бара, вызвал недоброе движение. Несколько смазанных фигур мелькнуло во тьме, а несколько взглядов на мгновение уловили появление чужака. Он поспешно закрыл дверь. Существа, лишённые солнечного света, успокоились и вновь впали в хмельной анабиоз. От смешанного запаха рома, кислой капусты, вяленой рыбы и невымытых матросов, Ахимаса затошнило.

Он внимательно осмотрел большой, вытянутый зал, погруженный во мрак. Голые кирпичные стены. Все окна были закрыты ставнями. Свет был лишь от крохотных сальных свечей на столах и лампы с горючим на барной стойке. На одном столе гнила баранья нога, рядом разлагался еще живой человек, уткнувшись мордой в тарелку. На другом столе расплывалась муть пивная. Двое, ещё в состоянии сидеть, но не в состоянии понимать, допивали свое. На веревках у стены висела вяленая рыба. Углы комнаты были обильно приправлены паутиной.

За длинной барной стойкой, на удивление, чистой и опрятной для подобного места стояло двое людей:

Первый, тучный помощник бармена в засаленном фартуке, был лыс до неприличности,

зато борода его была так густа и пышна, будто на нее-то, и мигрировали все волосы с головы. Он довольно бойко вёл разговор с подвыпившим.

Его лицо, казалось, еще довольнее, чем морда дверной рыбы. Под фартуком просматривались контуры идеально круглого как глобус, пуза. За спиной лысого, но бородатого стояло несколько внушительных кегов и небольших бочонков. Ахимас и прислушался. Пьяный посетитель рассказывал:

— Ну я ему и говорю: «Положи падла бочку!» А он вместо этого выдернул пробку пальцами! Пальцами! Без штопора! Вот эдак! И приложился к боченку, словно улить к листу!

— Стаж! — с усмешкой проговорил лысый. Голос у него был глуховатый и как будто пыльный.

— Хе-хе во-во! — язвительно поддакнул посетитель. Да только потом завопил он и бросился к бадье с водой. Нырнул башкой в нее, словно морской икун. И начал непрерывно пить, что плевак пустынный на водопое. Я сперва не сообразил в чем дело. Но потом, как вынырнул этот свин из бадьи, дошло до меня, что это не ром был, а брюходер. Я заржал что твой конь!

— Ну а он что?

— Что-что... Начал мне морду бить!

— И кто победил?

— Я само собой!

— Ну да! Кто бы сомневался! — усмехнулся бородатый.

— Не веришь? — с претензией выпалил посетитель.

— Верю, верю! Остынь — отрезвляюще проговорил бармен.

— А он оклемался-то от брюходера?

— Само собой. Да что ему брюходер то сделает? Этот хряк за жизнь чего только не пил. Хрипеть он только больше стал. Раньше, как порося, хрюкал словеса, теперь словно вепрь ревет. Хе-хе-хе!

Дослушивать захватывающий разговор Ахимас не стал. Третий человек, стоявший в гордом одиночестве на некотором отдалении, похоже, был хозяином этого заведения. И, видимо, отвечал за вина и более изысканный алкоголь. Об этом говорило множество совершенно разных бутылок и бутылочек на полках позади него. Топливная лампа, стоявшая по левую руку, давала достаточно света, чтобы детально рассмотреть его лицо и одежду.

С виду он был моложе своего лысого коллеги, на вид лет сорока. Лицо высушенное, потрескавшееся, чрезвычайно худощавое и вытянутое как у коня. Впавшие щеки и множество морщин в уголках глаз. Особенно важной чертой его лица являлась борода, точнее, бороденка, она была полной противоположностью косматой бородище лысого. Достаточно длинная, насыщенно-гнедого как у кобылы цвета, она свисала словно тряпка. Одежда была вполне типичной для человека этой профессии, если бы не странная деталь. Абсолютно вся она была чёрной. Начиная от грубой льняной рубахи, портов той же ткани, старого, кожаного фартука, болтавшегося на поясе и небольших сапог. Все было чёрным.

«Носит траур? Жутковато, — подумал Ахимас. — Но нужно что-то выпить». Он был небольшим любителем алкоголя, но иногда обстоятельства диктовали свои условия. Ахимас подошёл к бармену в чёрном.

— Вечно сиять! — проговорил он, встав напротив.

— И вам! — равнодушно ответил бармен. У него оказался довольно приятный и хорошо поставленный голос.

— Что налить?

— Что-нибудь лёгкое. Белое бернийское окотио, пожалуй.

— Окотио нет.

— Но как же? Прямо у вас за спиной, — Ахимас указал на темную бутылку.

Бармен не оборачиваясь:

— Ах это так... Чтоб глаз ласкало.

— Ну-у-у... Тогда порекомендуйте из того, что есть, — не растерялся Ахимас.

— Г-хм — хмыкнул бармен

— Или они все для ласкания глаз?

— Ага! Всё пустые стекляшки. Я их собираю. Нравится мне, вот и все...

— Ах... Хм... — Растерянно процедил Ахимас.

— Могу предложить эль бернийский. Он не крепкий, но на вкус весьма неплох, по крайней мере, так принято считать. Ну или... — бармен нагнулся и вытащил из-под стойки большую зелёную бутылку, — Вот! Не бернийское окотио, конечно, но Акатильё! Местного разлива...

Ахимас с сомнением посмотрел на бутылку.

— Ну, пожалуй, мне все же эль.

— Зря! Отменное вино. Не бойтесь! Это не отравка. Себе берег.

— Да я, собственно и не боюсь. — равнодушно проговорил Ахимас.

«Шпук!» Звук выскочившей пробки.

— Ну вот и прекрасно. Пронырливый бармен уже готов был налить вино в дешёвые бокалы, возникшие на стойке как грибы после дождя, но Ахимас остановил его.

— Постойте!

Бокалы выглядели давно невымытыми.

— Давайте, просто из кружек, — Ахимас указал на группу металлических кружек на полке. Они были тщательно вымыты, вычищены и надраены.

— А ну! Верно! Прекрасная мысль. Зачем усложнять? Простым людям они не нужны.

«Да уж не нужны», — мысленно усмехнулся Ахимас. Вино наполнило обыкновенные железные кружки.

— Будем знакомы! Я Леонардо. Леонардо Гронго.

— Очень приятно — ответил Ахимас. — К сожалению, я не могу назвать своего настоящего имени, а врать не люблю. Поэтому называйте меня просто господин А.

— Вот те раз! — разочарованно сказал Леонардо. — Как же это так получается? У нас такие причуды не в почёте. Я думал новое лицо в моем баре. Хороший, наверное, человек! А тут вон оно что... Эх, ну да ладно. Время сейчас такое беспокойное, что пускай... Пускай господин А. Но тогда чур на ты! Так честно.

— Ладно, если без этого не как, то давай на ты, — уступил Ахимас.

— Вот и славно! — воспрянул Леонардо.

— Так, зачем же ты, господин А, пожаловал в мой бар? Не похоже, что выпить.

Кружка с вином все ещё стояла нетронутой. Ахимас наконец взял ее в руку, но пить не спешил.

— Верно. Не за этим. Скажу прямо, мне нужна информация. Тебя рекомендовали как человека, у которого её много.

— Информация разной бывает... — сказал Леонардо, начав протирать бокалы. Но, любопытно узнать, кто меня рекомендовал?

— Некто Руперт.

— Знаю я одного Руперта! — с неприязнью в голосе проговорил Леонардо и нахмурился. — Пьяница, лжец, человек без чести и совести и шулер ко всему прочему.

— Звучит как описание типичного бандита, — усмехнулся Ахимас. — Но все же, описание ему подходит.

— Чтобы совсем прояснить спрошу. Не шкипер ли корабля «Свинилья марьяда» (морской вепрь) твой Руперт?

— Точно.

— Тварь! — уверенно сказал Леонардо, — Да каких поискать! Хоть сразу и не скажешь.

— Как тут не согласиться. Больно уж скользкий тип.

— Но вернемся к тебе. Какая информация интересует господина А?

— В Эрнбурге я человек новый. На первое время мне нужно место где можно переночевать, дешево, тихо и без лишних вопросов. Но главное, мне бы нужны некоторые документы. Думаю, что ты понял о чем я. Заодно Расскажи, где можно разжиться оружием.

— Разумеется, — Леонардо кивнул, — Но и мои услуги стоят денег.

— Безусловно. Сколько?

— Сотня риппе и пять за вино.

Ахимас приготовился было достать озвученную сумму, но Леонардо внезапно его остановил.

— Эн нет! Постой! Не здесь.

Ахимас моментально все понял и завязал кошель.

Ахимас взял в руку кружку, посмотрел на вино. С виду обычное белое, ничего подозрительного. Наконец, он решил попробовать его на вкус. Как ни странно, оно оказалось отнюдь не плохим.

— Ну как? — спросил Леонардо.

— Сносно, — равнодушно ответил Ахимас. Хоть вино ему и понравилось, но хвалить его он не хотел.

— Я ненадолго отойду. Нужно поднять одни записи и еще кое-что подсчитать. Ты, господин А, обожди немного.

Леонардо направился к стене позади барной стойки. Ахимас заметил, что его правая нога была полностью собрана из металлических запчастей и странно шелкала при ходьбе. Было очевидно, что сделано это чудо инженерной мысли не местными.

«Потом спрошу его, что за диковинка такая» — решил Ахимас.

В это время Леонардо потянул за какую-то хитро-мудреную конструкцию в стене. Открылась узенькая дверь, явив взору достаточно чистое и приятное помещение. Леонардо вошел туда. Фальшь дверь закрылась.

Ахимас остался один в уголке бара с коллекцией пустых винных бутылок. Похоже, что действительно, все они были лишь украшением. Вряд ли местные пили, что-то кроме пива, грога да водки.

Он осмотрелся. Незаметно бар начинал оживать. Постепенно от столов отлипли старые посетители. Кто-то приватизировал бесхозную баранью ногу, ранее валявшуюся на столе. Где-то на скамье у стены, из неоткуда, выросло несколько матросов, совсем еще трезвых и злобно уплетавших неизвестного рецепта похлёбку. Стук ложек, монотонное чавканье и хруст костей, разгрызаемых зубами. Лица их были кровожадными как у лесных разбойников.

С небольшой периодичностью каждый из них считал своим великим долгом задержать свой, тяжелый как гиря, взгляд на Ахимасе, смотревшегося в этой обстановке, как плотвичка в одной сети с щуками. И вот когда один из них, заинтересовавшись Ахимасом, решил было встать и подойти, кто-то тронул его за плечо. Ахимас обернулся.

— Я все сверил. Да это будет стоить восемьдесят риппэ. Господина А устраивает такая цена?

— Да вполне, — утвердительно ответил Ахимас. И уже тише добавил: — Если это возможно, было бы неплохо обсудить все это в другом месте. Похоже я не совсем вписываюсь в фауну твоего бара.

Леонардо властным взглядом осмотрел свои пивные владения и с легкой издевкой проговорил:

— Тогда приглашаю господина А в мой личный кабинет, но сперва... — он замолчал, а потом окликнул лысого бородача: — Эй! Кротен!

Лысый вышел из-за пыльных черных занавесей.

— Ты пригляди за баром пока. А еще принеси чего-нибудь нормального пожрать. У меня гость нужный!

Бородач посмотрел на Ахимаса.

— В последнее время новые люди редко сюда заходят. Мы еще не знакомы. Я Кротен Старший, — сказал он и протянул свою шершавую толстокожую, но чисто вымытую руку Ахимасу. Тот крепко ее пожал, сказав:

— Очень приятно.

— Кротен старший боцман, — уточнил Леонардо, — Самый ответственный человек из моей команды.

Ахимас с интересом взглянул в лицо Кротену. «Очевидно, что стряпать и разливать спиртное ему подходит больше, чем резать и грабить. Интересно какие у него частицы? Хорошо когда человек занимается тем, что ему действительно нравится. Чего не скажешь обо мне», — грустно подумал Ахимас.

Вместе с Леонардо, они вошли в то самое помещение, откуда недавно была вынесена карта. Густо-бородый Кротен удалился за мясом для хищных обитателей темных, барных углов.

Слух Ахимаса неприятно кольнули слова «Гость нужный».

Глава 3. На короткой ноге

Таинственная комната внутри оказалась меньше, чем предполагал Ахимас. Если не приглядываться к кривым стенам, ветхим гнилым балкам, поддерживающим потолок и старому, протертому множеством ног полу, то она казалась довольно уютной. Все было чисто убрано. На полу лежал дорогой ковер с цветочным узором. На длинном, узком окне под потолком кто-то заботливо вывесил белоснежные кружевные занавески. Кровать, стоявшая в углу, была аккуратно застелена лоскутным одеялом. Словом, чувствовалось, что кто-то следит за комнатой. Убирается, раскладывает повсюду мелочи для уюта и вешает занавески.

Леонардо, прихрамывая, подошёл к широкому резному столу и сел в деревянное кресло с мягкой зеленой обивкой. Ахимас сел на стул напротив.

— Вот! — прижатая тяжёлой ладонью карта Порт-Эрнбурга легла на стол. На карте было несколько красных точек, по-видимому, они показывали необходимые Ахимасу места.

Вот здесь... — Леонардо грубо ткнул пальцем в одну из точек, — находится ночлежка «Под нетрезвой камбалой» именно то место, которое тебе и нужно. Хозяин — ветхий старик, берет мало. Никаких вопросов! Пришёл, заплатил, заснул, а главное, проснулся. Тут близко. Здесь, недалеко от торговой площади, знакомый нуаран торгует оружием. Скажешь, что от меня и тебя впустят. Если... — Леонардо замолчал на минуту, — если и его Руны не прикрыли. Ну и основное! Вот здесь находится некое заведение — цветочная лавка «Фотосинтез». Тебе нужно прийти туда и сказать флористу, что ты хочешь купить лопух обыкновенный. В ответ ты услышишь, что у них есть «*Arctium lappa vulgaris*» и «*Arctium... Rubra ... Flore... Pleno*» — с трудом выдавил Леонардо.

— Значит, «*Arctium rubra flore pleno*»? — бегло переспросил Ахимас.

— Вроде да. Ох! А ну не путай меня! Мой котелок и так с трудом переварил эту дьявольскую кашу.

— Ну... Тут нет ничего дьявольского. Это всего лишь лопух красный махровый. Иносферные языки действительно кажутся сложными. Но только поначалу.

— Ага! Такс господин А изволит умничать! У тебя что ботанские частицы?

— Частицы ботаника! — поправил его Ахимас и добавил: — И нет, у меня их нет.

Леонардо оперся локтями на стол и с легким презрением посмотрел прямо в лицо Ахимасу.

— Просто не сбивай! Тебе нужно выбрать второй вариант. Как там его? Лопух махровый... Херудит ты хренов! Опосля этого флорист, его зовут Герангерд, предложит тебе пройти с ним. Он отведет тебя к некому Сибаку. Походу это его ненастоящее имя. По мне, так довольно скользкий тип, как и все бюрократии. Но дело свое он знает. Ну вот, собственно, и все.

— Так значит 85 Риппе?

Леонардо утвердительно кивнул. Ахимас достал кошель, не развязывая полностью, нащупал средних размеров монету ценностью в сто риппэ и протянул ее Леонардо. На сдачу получил горсть мелких, медных блинчиков, каждый по одному риппэ.

— Тебе что-то известно про ресторан «Океанская глубина»? — спросил Ахимас.

Леонардо многозначительно кивнул и сказал:

— А как же!

Внезапно вошёл Кротен и поставил на стол две железные тарелки с жареными куриными ножками.

— Жри пока угощаю на халяву, — грозно велел Леонардо.

— Так сколько будет стоить эта информация про ресторан?

— А не сколько! Бесплатно! Но сперва мы поедим, выпьем и поболтаем. Посмотрю, что ты за человек такой. А там и решу, рассказывать или нет, — добавил он самодовольно и начал обглаживать куриную ногу.

— Ну будь, по-твоему. Почему бы и нет, — сказал Ахимас и спросил: — Ты живешь здесь?

— Да, как видишь. Моя старушка мачеха живет на площади рядом и приходит сюда прибираться.

— Хм... — Ахимас и задумался. — Видел я тут пожилую женщину на балконе желтого дома. Она полевала цветы. Эта благополучная картина меня удивила. Ведь портовый район слишком уж неблагоприятное место для размеренной жизни.

— Герань? — перебил Ахимаса, Леонардо, жевавший кусок мяса. — Ну цветы, герань?

— Кажется...

— Да это Теодора — добрейшей души женщина. Когда моя мать умерла от опустошения, отец женился на Теодоре. Она родом из Вайлуры. Видимо, в наш город приехала в поисках лучшей жизни. В те времена, говорят, в Вайлуре беспокойно было и многие тогда уехали искать лучшей жизни.

— Не понаслышке знаю про это, — кивнув ответил Ахимас. — Хорошо ей живётся? Ведь здесь столько бандитов и разного сброда.

— Сброда много, не спорю. Но все знают кто я, и почему не стоит угрожать моим близким! Да и место, где живёт Теодора, в шутку называют площадью «Сытых и старых». Здесь поселились старики тех, кто успел сколотить себе состояние, честным или чаще не очень честным путем.

— А ты выходит один из таких.

Леонардо кивнул.

— Тогда почему же ты сам живешь здесь, в крохотной комнатке?

— Почему? — Леонардо задал этот вопрос так, словно ответ был очевиден каждому. — Хех! Ну честно, попервой в Эрнбурге я снял небольшой такой особнячок, в районе Рельба, с недавних пор там селится аристократия. Атмосферка, я тебе скажу, душная! Чувствовал я себя там хуже огурца в рассоле. Да еще прислуга в доме у меня была, ну чисто разбойники! Так и направили че-нить стянуть. Сбежал я оттуда словом. А тут что... Тут хоть и не дворец, но зато все нужное под рукой. Все лица знакомые, дружеская обстановка. И платить никому не надо, лишь получать!

Знаешь, а ведь у меня есть не только пустые бутылки с красивыми именами, но и полные...

— Звучит любопытно, — сказал Ахимас, кушая куриную ногу.

— Ну, раз уж разговор неплохо клеится, то, пожалуй, можно ещё немного выпить, но что-то легкое.

— Видишь шкаф в углу комнаты? — Леонардо кивнул. — Выбери, что тебе нравится.

Распахнув шкаф, Ахимас увидел две полки, заполненные бутылками разной формы. Его заинтересовала средних размеров, керамическая бутылка. Он взял её и повертел в руках.

Пузатая, тяжёлая, с широким горлышком. Искусная роспись изображала: листья, цветы и упитанного господина с заячьей мордой. Господин держал в правой руке кубок. Над ним была длинная красная лента с надписью «Краго Луи Шарпак. Морковное смакование». Ахимас остался доволен своим выбором. Смакование считалось некрепким напитком, не мутившим разум, но хорошо располагавшим к беседе.

— Смакование? — жуя очередную ногу, спросил Леонардо. — Ну чтож, выбор моего гостя, мой выбор, — сказал Леонардо, разом отпив полбокала.

— Что за протез такой необычный у тебя на ноге? — спросил Ахимас.

— Её мне достал знакомый купец из Осванны. Очень редкая штука!

— Чем ходить всю жизнь с железкой, словно в кандалах, не лучше ли обратиться к медику?

— Я после одного события в моей жизни, больше не доверяю медикам! Да и что же, господин А, ты не слышал? Больше нет в Агенориде хороших медиков. Ведь все они были носителями чистых частиц.

— Ну, как и положено специалистам... — сказал Ахимас.

— Поэтому Рунаборг медиков забрал для реплиморфирования. А вернул сам, наверное, знаешь какими. Так что теперь одни криворукие остались! Сами себе раны зализывать учимся. Мне хоть посчастливилось диковинкой разжиться!

Леонардо вытащил ногу из-под стола, и видимо, чтобы получше продемонстрировать, по-хозяйски положил её на стол. Ахимас изучил её. Гнутые металлические пластины, эластичная ткань и несколько винтов сбоку, вероятно, регулирующих силу прижима, наклон и ещё черт знает что.

— Тонкая работа!

— А то! Механика дело свое делает! Заклинит, починишь!

Горка куриных ножек близ Леонардо внезапно испарилась. Он, не глядя пошарил правой рукой по тарелке там, где ещё недавно была гора мяса. Затем с надеждой осмотрел весь стол. И не найдя ничего скривил плаксивое лицо и, налив смакования, выпил залпом.

— Не потеряй ты ногу, пиратствовал бы дальше?

— Нет, не пиратствовал! Думаешь, я назвал бар «Звездой хромого», потому что я хромым?

— Раз говоришь так, то, вероятно, нет.

— Верно! А почему нет?

Ахимас открыл было рот, чтобы высказать предположение, но Леонардо сразу его перебил:

— А потому что звезда-то путь указывает. Вот когда шторм и не знаешь, куда плыть ты в волнах черных, гроза, ветер и тучи смертные. И вот проблеснёт из-за туч она, яркая. Направишь ты свой корабль прямо на нее и выплывешь невредимый. И ветер стихнет как бы сам собой, волны улягутся. Тихонько так твой корабль уже покачивается на воде. Выплыл ты. Живой остался! Глянешь ты на небосвод, а там она блестит, и еще в воде отражается.

— Красиво, — с уважением проговорил Ахимас.

— Верно. Да и звезда почему, собственно, хромого? — спросил Леонардо. Лицо его

покраснело от алкоголя. — Думаешь тут-то все очевидно? Ан нет! Хром человек, когда одинок! — в его голосе прозвучала грусть. — Слышал, верно, что у отца дети — ноги его! — Леонардо тяжело вздохнул. — Вот мне впору было называть свой бар звездой безногого! — Он горько улыбнулся. По-видимому, проникший в недра души алкоголь, вызвал оттуда скрытые чувства.

«Вот и объяснилось, почему он носит траур», — подумал Ахимас и доел последнюю куриную ножку.

— Я ведь до того, как стать пиратом, был простым рыбаком из Луи, — продолжал Леонардо. — Мой дед, отец были рыбаками. Это мой наследственный талант! И два моих сына тоже должны были пойти по родовому пути. Но судьба сложилась иначе. Они утонули во время страшнейшего шторма. Причиной которого, как я узнал потом, была смерть семьи Теллуров Вайлурских. Они сгорели заживо в своем дворце. Не удивительно, что это почуял бог тьмы и частицы разразились такой страшной карой всему живому! Мои сыновья утонули. А мне, посчастливилось спастись... Посчастливилось... — шепотом произнес Леонардо и на минуту закрыл лицо руками.

— А через год я жену потерял. Она тяжело переживала смерть сыновей. Ее поле утратило всю энергию, и она умерла от опустошения. Я пытался ее спасти и ушел в морской разбой, чтобы накопить денег лечение, хоть убийства и грабеж были мне противны. Но все было впустую.

Никчемный врачиска оказался бездарем без частиц медицинских! Он сделал лишь хуже и умерла моя жена. Умерла страшно и мучительно! Врача я повесил в его же доме и навсегда ушёл грабить в море! — загробным голосом проговорил Леонардо.

Злой и раскрасневшийся он встал с кресла и подошел к железному тазу с водой, стоявшему у стены. Умывшись и успокоившись, он вернулся.

— Ты извини, господин А. Я, как начинаю все это вспоминать, такая ярость берет! Хоть столько лет уже прошло! — сказал он.

— Все понимаю, — сказал Ахимас.

— Много лет я грабил в море. Меня даже выбрали капитаном. Убийства совсем стали для меня повседневностью. Хорг знает сколько, все это продолжалось-бы, не потеряй я ногу. Это окатило меня словно бадья со льдом. Мироздание сказало мне: «Остынь!» И я остыл! — Леонардо уверительно закивал головой, потрясая бородкой.

— И тебе вот так сразу пришла мысль открыть свой бар?

— Не сразу, конечно... Еще какое-то время остывал, разбазаривая награбленное. Денег у меня было много, но тратить их я не умел. Развлекался как мог. Просаживал все на дорогие безделушки, ходил в элитные рестораны, пил вина дорогие. Кутил, одним словом. Так бы все и проел. Но подсказал мне один хороший человек открыть свое дело. Тут то я и понял, что это действительно интересно! Не прогадал!

«Действительно», — подумал Ахимас.

— Из Рельба я перебрался сюда, поближе к порту. Как освоился, позвал своих корабельных товарищей. Многим моя затея не зашла, и они продолжили жить морем, но вот Кротен и еще несколько людей остались на берегу.

— Леонардо, а как так получилось, что ты стал информатором?

Бармен посмотрел на Ахимаса долгим и мутным, как море после шторма взглядом.

— А вот это не твое дело! Да и не информатор я, а просто человек с хорошо подвешенным языком. Рекомендую услуги знакомых из местного подполья заинтересованным. Вот и все. Я же не торгую, скажем, чьими-то данными. Сейчас таким опасно заниматься.

«Да, что-то он мутит», — подумал Ахимас, бросив косой взгляд на вместительный секретер. «Ну и ладно, пускай молчит!»

— Ты обещал рассказать про «Океанскую глубину».

— Обещал! Но вот не пойму я, почему она тебя так интересует?

— Мне необходимо встретиться там с одним человеком.

— Чтож, советую подобрать более подходящее место.

— Почему же?

— Последние пару лет ресторан пользуется не лучшей репутацией. Хотя среди нормальных людей, ресторан уже давно стал свалкой для аристократов — отбросов.

— Видишь ли, был я когда-то там. Давно уже, годика 4 тому назад, им тогда еще владел один старый, уважаемый промышленник. Порекомендовали мне эту клоаку, а я повелся и купил членский билет. Отвалил я тогда, что-то около 3000 риппе. Не понравилось мне там.

— Не понравилось?

— Да, от слов совсем и полностью. Знаешь, господин А, тот, кто построил этот ресторан, конечно, был большой оригинал. Ты, там вроде как в аквариуме находишься. Стены из стекла, а за ними рыбки туда-сюда «шарятся». Но, я как человек прошедший всю жизнь в море, скажу, меня таким не удивишь. А во всем остальном скучно там и кисло. Нормальных людей не сыскать, одни аристократишки! А они меня, что до «пересадки», что после бесили! Помню я напился дорогой выпивки до одури и со скуки подрался с одним «расфуфыром» размалеванным. Он меня отчитывать вздумал! После просто ушёл. С тех пор там и не был. Билет, правда, продлеваю каждый год, без понятия за каким бесом? Сомневаюсь, что я вернусь туда снова, потому что сча там еще кислее! Стрый владелец умер пару лет назад, поговаривают, не своей смертью. И сейчас там какой-то эльф рунаборжец всем заправляет. Говорят, что у него с дыней не все в порядке!

— Психическое заболевание?

— Ну да. Я сам этим не интересуюсь, но слышал, будто он считает себя сразу двумя разными эльфами. Жутко, не правда ли?

— Это называется раздвоение личности. И это действительно страшно. Но, как он при этом может занимать такую должность?

— Да, Хорг его знает. Может, так даже удобнее, первая половина занимается одним, а вторая другим. Да, и это не шутка, похоже, больно уж скверные дела там мутят нынче.

— Какие, например?

— Разные... — многозначительно проговорил Лео. — Он ведь теперь клуб — ресторан. Кроме знати пользуется популярностью среди авантюристов разных. «Комната интересов» называется один из больших залов. Принято считать, что там говорят о политике, частном сыске, других услугах. Ну, например, знатный дворянин может нанять себе профессионального телохранителя. А это, в нынешнее время пользуется особым спросом. Но на деле, я тебе скажу, авантюристы эти, просто бандиты. И услуги у них соответствующие. Не удивлюсь, что и заказные убийства у них обычное дело. Но я и так слишком много сказал. Знаешь, ведь уже даже полиция говорит о том, как бы прикрыть этот «гадюшник», а ты туда лезть собрался. Да только не позволяют им.

— Откуда тебе известно?

— Это все знают.

— Не все... — многозначительно сказал Ахимас. — А кто позволяет?

Эльфа этого, с дырявым котелком, сам рунаборгский наместник посадил. А там, где замешен Рунаборг, добра не жди. Так, что если этот прыщ кто-то и скovyрнёт, то прогневает новую власть. Ну что, я помог тебе передумать двигать туда?

— Хоть и убедительно ты говорил, но нет.

— Чтож, тогда мне тебя искренне жаль. Впрочем, тебе туда попасть все равно не удастся.

— Отчего такая уверенность?

— Оттого, что купить членский билет сейчас, может далеко не каждый.

— Три тысячи риппе, конечно, дорого, но добыть такие деньги можно.

— Одиннадцать!

— Что? — переспросил Ахимас.

— Сейчас цена выросла до одиннадцати тысяч.

— Хочешь сказать, что ты каждый год столько платишь лишь для того, чтобы сохранить за собой право когда-нибудь туда вернуться?

— Нет лишь тысячу! Плачу я потому как, билет этот, неплохая такая инвестиция, как видишь.

— А говорил, что без понятия, зачем платишь за билет.

— Выходит, я приврал.

— Но может есть другой способ попасть туда?

— Да быть тем самым наемником.

— Ха! И как им можно стать?

— Как? Ну, кого попало туда не пускают, знаешь. Они пишут нечто вроде перечня своих заслуг, имена бывших нанимателей и все то, что может убедить правление ресторана в их полезности для дворянства.

«Не будь я в розыске, идеально вписался бы в это общество, — подумал Ахимас. — А так узнают. Купить билет у Лео тоже не выйдет. Моих денег не хватит. Но, может все же рискнуть и написать про себя? Если заявки поступают лично Мальтомайну, то я смогу передать ему пароль».

— Леонардо, возможно ты слышал, кто именно рассматривает этот перечень заслуг?

— Странный вопрос, господин А. Ты, что же еще и хочешь, чтобы твою заявку кто-то определенный изучал? Эн нет, знаешь ли, там целая очередь из желающих, и еще такая же очередь из бюрократов, что их отфильтровывают.

— Отчего такой ажиотаж?

— Так, за время войны столько сброда развелось, что не умеют ничего кроме как убивать. Вот они и не прочь на этом лапы нагреть.

— Раз есть отбор, то выходит, что не каждого бандита с большой дороги туда примут?

— Это как посмотреть. Сейчас то время, когда умение убивать, главное достоинство. Так что сотня трупов в мешке, отличная рекомендация.

— Ну теперь, ясно, что за мясники у них в почете! Но что, если подделать билет? Например, у Сибак, которого ты мне порекомендовал?

— Сомневаюсь... Сибак мастер искусный в своем деле, но это будет трудно даже для него. Эти билеты подделать сложнее, чем любой паспорт! Стоить такое удовольствие будет

почти столько же, сколько купить оригинал! Да и для создания подделки, требуется оригинальный образец.

— Вот так вот ненавязчиво ты подводишь меня к тому, что купить билет, я могу лишь у тебя? — спросил Ахимас и подумал: «Когда ему нужно, трезвеет он моментально!»

— Господин А, не надо так. Я поступлю как хороший человек и одолжу тебе свой билет. Но! — он ненадолго замолчал, — но за помощь в одном дельце. Из нашего разговора я понял, что ты тоже наемник. И похоже, встретиться с тем человеком в «Океанской глубине» для тебя очень важно, а сделать перечень своих заслуг, ты по неким причинам не можешь. Верно? Так что, если тебе действительно настолько необходимо попасть туда, помоги мне.

— Не люблю, когда мной манипулируют, — сказал Ахимас. — Выкладывай! Чего ты хочешь?

— Об этом я бы поговорил вечером.

— Почему вечером? Зачем тянуть?

— Хочу убедиться в серьезности твоих намерений. Я тебе сейчас все расскажу, а ты, вдруг решишь заплатить Сибакку за подделку билета.

— У меня нет одиннадцати тысяч риппе. Если ты, конечно, не соврал про цену.

— Не соврал, — серьезно сказал Леонардо. — Да и работу ты свою будешь делать ночью.

— Стоит столько таинственности нагонять?

— Да расслабься! — неожиданно развязно проговорил Леонардо. — Ничего такого...

— Ну, что же поглядим, — сказал Ахимас. Он понял, что разговор закончен и почувствовал неловкость. — Чтож Лео, приятная получилась беседа! Продуктивная!

— Верно подмечено, господин А!

Наемник встал из кресла и крепко пожал протянутую руку. Он испытал странное чувство, рука словно бы принадлежала не Леонардо, а кому-то намного крупнее и влиятельнее его. У двери Ахимас на минуту задержался, обернулся и спросил у Леонардо, подкидывавшего в камин поленья:

— Одного я не пойму до конца, чем же ты сумел выпросить помилование у местных властей, после своего дурного бандитского прошлого?

Леонардо, не оборачиваясь вкрадчиво проговорил:

— А вот этого уже я не могу тебе сказать, Господин А...

Глава 4. Хищные цветы

Выйдя из уютного райончика «Сытых и старых», Ахимас оказался на одной из крупных городских артерий. Она была переполнена народом, что одновременно было и хорошо и плохо. В такой толпе могли оказаться стражники и люди, способные узнать Ахимаса в лицо, но и шанс затеряться в потоках народа, уйти от недоброжелателей был высок. Чем дальше Ахимас шел по улице, тем больше становилось людей. Косяки простых граждан плыли работать на фабрики, горожанки на рынок, а богатые господа в роскошных экипажах с комфортом двигались в свои министерства.

Крупная улица сменилась меньшей, а потом и вовсе перетекла в узкий переулок вблизи торговой площади. Косяки горожан остались позади. Проход преградило большое деревянное заграждение. Прибитая к нему табличка гласила:

«Осторожно бандитизм! Ведутся работы по ликвидации преступников! Просим вас изменить ваш маршрут»

«Похоже, банда действительно представляет опасность, раз всю улицу перекрыли. Да вот только мой путь прямо. Чувствую, сведенья Леонардо устарели». Ахимас прошел дальше по улице. «Недавно здесь была перестрелка», — заключил он, глядя на следы пуль в заграждениях на дороге и разбитые окна домов.

На углу он остановился. Согласно карте, в подвале дома должен был находиться оружейник. Но дежурившие на входе солдаты, ясно давали понять, что больше там нет ни его, ни оружия. Чтобы лишний раз не попадаться солдатам на глаза, Ахимас свернул на другую улицу.

«Пойду на рынок. Возможно, я смогу найти там хоть какое-то оружие», — решил он, как вдруг заметил впереди три белые фигуры.

Ахимас влез на один из невысоких балконов. По улице, бесшумно, словно коты, прошли элитные стражи руны. Они были одеты в белые мундиры и голубые плащи. Их лица были неестественно розовыми и свежими, будто только что солдаты вышли из сауны.

«От этих можно ждать чего угодно», — подумал Ахимас, провожая взглядом солдат.

Один из них громко втянул носом и сморкнулся, испортив о себе идеальное впечатление.

Все они были вооружены новенькими, заманчиво блестящими винтовками. Солдаты скрылись за одним из углов улицы. Тогда Ахимас тихо спрыгнул с балкона и продолжил путь. В тщетных попытках купить оружие, он обошел несколько рынков Эрнбурга. Оружия нигде не было.

«Похоже, это руны разогнали или арестовали всех оружейников», — думал он глядя как белые солдаты, дежурят у рядов с домашней утварью, опасаясь, как бы кто подозрительный не купил столовый нож. «Бунтов боятся?» — предположил Ахимас, вспомнив волну крестьянских восстаний прокатившихся по Агенориде пару лет назад.

Наконец, он смирился с мыслью раздобыть хоть что-то способное убивать, и просто зашел к цирюльнику, чтобы постричься. У портного он купил новую одежду: жилет, черный сюртук из ретиратичной ткани, стойкой к износу, брюки, белый шейный платок и вместительную суму на одно плечо. Сапоги, подаренные шкипером, пришлись ему по душе. Их Ахимас оставил. А вот сорочка знатно пропахла портовой вонью. Наемник сменил ее. Обновив гардероб, он отправился к подпольному бюрократу.

Цветочная лавка «Фотосинтез» располагалась в уютном двухэтажном доме кофейного цвета на перекрестке двух тихих улочек. Все пространство перед входом было уставлено громадными корзинами с пышными, ароматно пахнущими цветами. Так что уже издалека можно было почувствовать их аромат. Недолго думая, Ахимас отворил дверь с дружелюбной табличкой «Открыто! Добро пожаловать!»

Внутри было очень просторно и царила приятная прохлада и растительная сырость. Большой каменный зал с высоким потолком, поддерживали многочисленные полукруглые арки, увитые различными плющами. У окон стояли крепкие, дубовые этажерки, плотно уставленные цветами в горшках. Рядом с ними были столы с экзотическими хищными растениями и недотрогами кактусами с милыми белыми и розовыми цветочками. Ахимас прошел вглубь зала, попутно рассматривая эту красоту.

У большой стены с яркими душистыми букетами стоял молодой пышноволосый мужчина и выбирал букет. Иногда он наклонялся вперед, к цветам на полке, нюхал их и дотошно оценивал каждую тычинку, затем выпрямлялся и, подперев подбородок рукой, сосредоточенно размышлял.

Мужчина совершенно не обращал на Ахимаса внимания. Больше людей видно не было.

Ахимас решил поискать хозяина сам и направился в арку, выходящую во внутренний двор здания. Там он внезапно столкнулся с флористом. Тот совершенно неожиданно выскочил из неприметной, боковой двери. В руках флорист держал громадный бело-голубой букет. Он закрывал ему обзор.

— Ой-ой! — проговорил он высоким, почти женским голосом. — Великодушенько прошу простить!

— Да все в порядке, — ответил ему Ахимас. — Вы Герангерд?

— Да, Герангерд это я.

— Прекрасно! Вы-то мне и нужны.

— Все это, конечно, очень чудненько, но сейчас, я также нужен тому молодому господину, ждущему букет для своей возлюбленной.

Герангерд подошёл к пышноволосому господину и Ахимас услышал:

— Этому букету, я дал название «Безмятежность небес». Лазурно-голубой выгодно подчеркнет цвет глаз вашей возлюбленной, а белый прибавит легкости и утонченности! — возвышенным голосом проворковал Герангерд.

— Да прекрасный букет. Я покупаю, — ответил посетитель.

— С вас 12 риппэ! — добавил Герангерд неожиданно серьезным голосом. Выгодно всучив букет господину с пышной прической, он вернулся к Ахимасу.

— Так чем могу помочь? — спросил он заискивающим голосом. Ахимас серьезно проговорил:

— Я хочу купить лопух обыкновенный.

— А... — выдохнул Герангерд. — Вы хотите купить *Arctium lappa vulgaris*? Или, быть может, *Arctium Rubra Flore Pleno*?

— Да именно *Arctium Rubra Flore Pleno*, — ответил Ахимас.

— С удовольствием помогу вам. Они растут в моем саду. Прошу пройти за мной, — крайне услужливо добавил Герангерд и Ахимас последовал за ним.

По длинной, заставленной глиняными горшками галерее они вышли в небольшой внутренний дворик дома, где находились стеклянные теплицы и цветники. Свернули направо и спустились по маленькой, каменной лесенке до кованой, ржавой двери. Флорист

остановился и серьезно проговорил:

— Сперва я должен забрать ваше оружие!

— Но у меня нет оружия, — сказал правду Ахимас, что-то заподозрив.

— Это уже мне виднее.

Ахимас крепко перехватил руку Герангерда, которой он намеревался похлопать по его карманам.

— Нет у меня оружия. На! Смотри! — с этими словами Ахимас расстегнул сюртук и вывернул несколько карманов, кроме одного. Предупреждая вопрос Герангерда, он похлопал по этому карману, подавшему звонкий, монетный голос. Флорист улыбнулся и молча кивнул, дав понять, что досмотр пройден.

Он достал из кармана садового фартука маленький стальной ключик и вставил его в щель замочной скважины. Звякнуло и флорист с силой, несвойственной его телосложению налег на дверь. Последняя издала грозный скрип подобный вою охотничьего рога. Узкий подвальный коридор, заставленный садовым инструментом и большими дощатыми ящиками, предстал перед Ахимасом. Здесь смердело навозом. Местную флору и фауну представлял квартет стертых личностей. Трое нелегальных иммигрантов и один мелкий бандит сидели на ящиках.

— Вести себя тихо, прием строго по очереди. Ты за тем господином! Говорить строго по делу. Не хамить и держать себя в рамках. Все ясно? Чудно! — строгим, грубым голосом изрек Герангерд и внезапно захлопнул за собой стальную дверь.

Ахимас бросился к двери и громко ударил кулаком, но флорист его проигнорировал. Ахимас оторопел.

— Хоргов кал! Сукин ты сын! — крикнул он и подумал: «Обо всем этом Леонардо упомянуть то и забыл».

Ахимас отошел от двери, сел на свободный ящик и подобно другим представителям местной сумрачной флоры, стал ждать своей очереди. Прошло не менее часа, прежде чем из-за двери раздался приторный голосок:

«Следующий! Прошусь заходите!»

Ахимас открыл дверь. За ней оказалась малюсенькая комнатка, где помещался только письменный стол, кресло и табуреточка для посетителей. На стене висели чудные часы с гирьками, украшенные нелепой резьбой. В массивном кресле обитом коричневой, телячьей кожей сидел Сибак — властелин подпольной бюрократии, заклёпщик всевозможной «липы». «Искусный мастер», — как про него выразился Леонардо Гронго.

«Вечно сиять!» — лилейным голоском проговорил этот лысый, неприятный человек маленького роста.

Его нельзя было назвать обычным карликом. Скорее он был промежуточным звеном, очень низким человеком. Сибак также не был удостоен иметь красивые черты лица, был лишен волос, стройной фигуры и вдобавок ко всему, был поразительно безвкусно одет. Поверх сорочки, цвета прогорклого масла, Сибак нацепил бордовый жилет из атласа в темно-синюю полоску. Засаленные черные брюки были ему малы и отвратительно обтягивали свиные ножки. Шею Сибак обмотал черным шелковым платком. Он был так туго завязан, что, похоже, не сильно, но настойчиво душил своего хозяина. И довершала образ цепочка из поддельного золота, свисавшая из нагрудного кармана жилета.

Несмотря на такую безобразную внешность, Сибак широко улыбался, демонстрируя зубы, среди которых было несколько золотых. Глазки свои человек, похоже, унаследовал

от предков ракообразных. Настолько они были маленькими и узко посаженными.

— Присаживайтесь, прошу, — сказал человечек, указав лапкой на табуреточку.

Ахимас сел, закинув ногу на ногу и, наконец, проговорил:

— Вечно сиять!

— Вечно сиять! — во второй раз поздоровался человечек. — Меня зовут Сибак. А вас, должно быть, Ахимас Арден?

— Откуда вы знаете? — поинтересовался Ахимас.

— Вам сильно повезло, что вы пришли ко мне именно сейчас, — ответил Сибак, — Утром, по пути сюда, я имел возможность наблюдать, как юный господин вешал на доску ваш портрет, весьма недурно... э-эм... изображённый. Хорошая стрижка, кстати, — добавил он с легкой издевкой, — Отличная от той, что на плакате.

— Что-нибудь еще? — спросил Сибак.

— Да. Мне необходима лицензия на ношение оружия, а также документ о любом из возможных видов политической неприкосновенности. Я могу получить здесь это?

— Разумеется... Разумеется... Сделаем вам паспорт любого государства, кроме Рунаборга. С ними сейчас шутки плохи! А также, скажемс... эм... купеческую грамоту Осванны!

— Осванские купцы, с этого года уже не обладают неприкосновенностью на территории Агенориды.

— Да-да... Верно... Что-то я не подумал...

«Похоже, что как раз таки наоборот подумал», — мысленно заключил Ахимас.

— Вы сможете сделать грамоту представителя промышленности Осванны? Это куда как более важные господа. Их, насколько известно мне, до сих пор никто не трогает.

— Ах... Эм... Дас могу! Разумеется! Можем приступать?

— Давайте начнем. Но сколько будет стоить такое удовольствие?

— Ах... Дас... Цены сейчас уже не те, что раньше... Моментец! Нужно найти счета Где-то они у меня были... Где же они? Где же?

Сибак полез копаться в ящиках стола, но, разумеется, так ничего и не нашел. Наконец, вынырнув, он растерянно сказал:

— Ой! Вы знаете, эти чертовы костяшки вечно куда-то деваются. Вжух и нет! Ищи свищи! Хи-хи-хи-хи! — Сибак притворно засмеялся мерзким, писклявым смехом. — Но вы, эм... не переживайте! Всем новым клиентам, особенно, таким как вы, я даю пятидесяти процентную скидку на свои услуги! Так что? Можем начинать?

— Таким как я... Эх! — Ахимас устало выдохнул. — Начнем же!

«Знать бы от какой суммы эти пятьдесят процентов. Ну да, сожри его рыбоблот. Скользкий гад!»

Для начала нам понадобится ундоскопия вашей личности, — сказал Сибак. — Прошу проследовать за мнойс... — Сибак спрыгнул с кресла и подошел к стене справа. На ней висел серый невзрачный ковер. Сибак отдернул его. За ним оказалась небольшая белая дверь с облупленной краской.

— Прошу... Прошу... — проговорил он, услужливо открыв дверь. Она издала коварный скрип. Ахимас проследовал за Сибакон внутрь. Его лысая голова была на уровне живота Ахимаса.

В комнате не было окон. Множество шкафов с папками документов стояло у стен. В центре находилось необычное приспособление, над которым висела топливная лампа с

плафоном — единственный источник света.

Ахимас подошел к устройству ближе, чтобы внимательнее его разглядеть. Это был Осваннский «Ундоскоп», состоящий из двух больших, металлических приборов на стойках, кресла и белой ширмы позади. В одном из приборов стоящем перед креслом было проделано черное, глубокое отверстие диаметром с монету. Во втором находилась массивная система из линз и рычаги сбоку.

— Присаживайтесь! Подушечку? — спросил Сибак и фальшиво улыбнулся.

— Нет, благодарю! — отрезал Ахимас и сел на кресло.

— Моментец! Я только подготовлю приборчик.

Сибак встал позади коробки с линзами и чем-то щелкнул.

— Все! Когда я нажму на вот этот рычажочек, — Сибак нежно, словно прикасаясь к крылу мотылька, указал на рычаг, — спереди раздастся гул, а через пару минут, он перейдет в писк. Мерзкий такой писк, словно крысе на хвост наступили! Пи-и-и-и! Только громчес! — изобразил он и растерянно добавил: — Я подожду снаружи. Не хочу сбивать прибор! А вы замрите и не двигайтесь, иначе ундоскопия размытой выйдет. Такс вы готовы?

— Да.

— Чудненько... Чудненько... — Сибак улыбнулся и по-ребячьи хлопнул в ладоши.

Ахимас уже не раз сталкивался с «Ундоскопом». Впервые в ордене Онигия Оллания. Также руны активно использовали его для оперативного установления частиц граждан. «Ундоскопом» работал по принципу регистрации отражений волн разной частоты. Прибор спереди, создавал и посылал направленный пучек особых волн разной частоты, а второй прибор, стоящий по левую руку, фиксировал преломления и искажения волн, проходящих сквозь живой организм. Все полученные данные фиксировались на пластинах из особо чувствительного материала. Туда довольно точно проецировалась внешность человека и все его данные, включая силу ветоскамматического поля, тип частиц и многое другое.

Громкий гул, несшийся из отверстия в приборе прямо в лицо Ахимасу, перетек в отвратительный звон и писк. Ушам Ахимаса стало больно и он подумал, что оглохнет. Наемник уже был готов сорваться со стула, но внезапно писк стих. Внутри прибора послышался скрежет и шелчки.

— Все можете встать, — сказал Сибак, неведь когда возникший в комнате.

Ахимас поднялся и тут же понял, что звон не прошел полностью. Часть его засела у него в голове. Вероятно, прибор у Сибака был скверно настроен. Бюрократ вытащил из щели в приборе большую белую пластину.

— Мамочки! — сказал Сибак. — Нус это совсем плохо...

— Что такое? — спросил Ахимас

— Вы точно не двигались во время ундоскопирования?

— Я был неподвижен, — ответил Ахимас и подошёл ближе.

— Смотрите, — сказал Сибак и потыкал пальцем в пластину. На нее было нанесено пять изображений. Три в профиль и два в фас. Рядом были напечатаны пояснения данных. — Я таких частиц раньше не встречал... эм... никогда! А у меня разные клиенты были. Дас! — Сибак вытер пот со лба. — Но таких... Как такие частицы классифицировать? Они вообще не должны существовать! Документ испорчен! — возмутился он, тыкая в скопления цветных точек. — Это не смешанные частицы! Нет! Каждая смешанная частица, на ундоскопии должна включать в себя много разных цветов! Почему у вас эти частицы разбиты на группы и каждая своего цвета? Зачем синяя группа доминирует? А? На месте отчета сплошная

белиберда!

— Мои частицы просто меняются от образа жизни, что я веду, и наделяют меня разными талантами! — Ахимас сделал паузу и перестраховавшись добавил: — Все как завещано в новой вере!

— Да нетс! Нушь это какая-то... Прошу прощения, но про такие частицы нигде не указано, а значит, их не существует! Иначе вы бы тогда все умели! А это, очевидно, не так! У вас вот и энергетическое поле слабое! Оно черным изображено! Нет, я все-таки думаю, это с прибором что-то... Может быть, попробуем еще раз? Подушечку?

— Хорошо давайте! — сказал Ахимас. Сибак положил на кресло подушку.

После второго ундоскопирования результаты оказались такими же.

— Дас, непорядочек! Неладненько! — сказал Сибак рассматривая новую ундоскопию.

— Вы можете с этим что-то сделать? — спросил Ахимас. — Мне нужна ундоскопия со смешанными частицами. Такая, по которой у Рун, не будет ко мне претензий.

— Да, обижаете! Могу это исправить! Но это потребует с вас дополнительных вложений!

— Больших?

— Нет, разумеется! Доплата совсем потешная! Вы же от Гронго пришли! Так что для вас дешевле. Обождите снаружи. Я принесу все необходимое.

Ахимас вышел в маленькую комнатку и закрыл за собой дверь. Тихонько выдвинул правый ящик стола и очень деликатно, по-хирургически тонко, вытянул из-под кипы бумаг и квадратика, потного платочка, крошечный трех патронный «Флоазос Ж-40», дисонический пистолет. Вынул все пули. Сложил их в карман, положил пистолет обратно под бумагу и бесшумно задвинул ящик. После сел на табуреточку, помотал и повертел головой и разочаровался. Внутри все по-прежнему звенело.

Скоро вернулся Сибак. Поместив филейную часть в большое кожаное кресло, он поочередно положил на стол несколько бумаг, черную книжечку паспорта и небольшой керамический медальон. Раскладывая каждую бумагу на столе, он нежно разглаживал ее тыльной стороной ладони. Выложив медальон, он сказал:

— Прошус здесь все! Я кое-что изменил и получил такую ундоскопию, по которой не может быть никаких замечаний!

Ахимас взглянул на изображения. Теперь вместо групп разных цветов, весь он был наполнен пестрыми многоцветными частицами. Каждая такая частица включала всего понемногу и казалась самодостаточной, но наполненный ими организм сливался в единую бледную серую массу.

— Красота же, а не документец! — сказал Сибак, — Все частицы по новому стандарту! Теперь вам нужно лишь указать любое имя и расписаться. Здесь, — Сибак указал на пластину, — заполнить пустые графы.

Ахимас вписал имя Эрнст Рэйнхорн и поставил подпись. Сделав все, что было нужно, Ахимас взял в руку медальон. В круглую стальную оправу был вставлен белый, глянцевый материал. На этот материал продольными полосами разной толщины был нанесен его профиль.

— Что это за медальон? — спросил он.

— Такая удобная вещьца... — В Осванне их недавно вели как дополненьце к паспорту. Она подтверждает его подлинность и упрощает процедуру проверки!

— Каким образом?

— Если приложить его к особому прибору, для проверки, то последний запищит, — пояснил Сибак.

— Знаете, а ведь вы можете помочь мне, еще кое-чем.

— Чем же? Я к вашим услугам.

— Знаете ресторан Океанская Глубина?

— Да мне о нем известно.

— А их членский билет сможете сделать?

— Мня... Эх... Да, конечно, — натянуто проговорил Сибак. — А у вас, я так догадываюсь, есть образец?

— Вы не угадали. Но разве вы не сможете, как-нибудь без него? Раньше вы имели дело с подобным?

— Вы меня обижаете! Смогу! Разумеется, дас... Даже без образца. Но жаль только, что это будет очень дорого стоить.

— Приблизительно сколько?

— Нус... Да... Сейчас моментец, — Сибак, не вставая с кресла, нагнулся и вытащил из-под стола счета. Маленькие черные с белыми костяшками, вырезанными из кости рыбы смерха.

«Опа! Вот это неожиданность», — подумал Ахимас, и как бы случайно задел рукой медальон, скинув его на пол.

— Ох, извиняюсь! — он нагнулся и посмотрел под стол. Сибак беспрестанно дрыгал толстыми, недостающими до пола ногами, обутыми в черные лакированные туфли. Ахимас заметил малюсенький крючок, приделанный к столешнице снизу. «Вот на нем-то они и висели. Все ясно». Вынырнув из-под стола, Ахимас серьезно сказал:

— Знаете, уже неважно. Я передумал.

— Да вы что! Я уже и посчитал все и смогу сделать это всего лишь за...

— Лучше скажите, сколько я уже должен за все вот это? — перебил Сибака Ахимас и обвел рукой документы.

Сибак напрягся, сжал губы, сдвинул брови. Его лоб покрылся складками, и он процедил:

— Моментец...

«Щелк! Щелк! Щелк!» — мерзко заклацали костяшки счет.

Не теряя времени, Ахимас положил все документы в сумму. Тем временем Сибак закончил подсчет.

— Чтож, с вас 1140 риппэ!

— Дорого берете.

— Так и документы непростые.

Ахимас вынул кошель и начал отсчитывать. Он старался класть только простые риппэ, но Сибак, похоже, заметил монеты кьялу в кошельке. Он снова извлёк из ящика любовно сложенный платочек и протер им внезапно взмокшую лысину. В этот раз он заботливо не складывал квадратик из платочка, а жестко скомкал его и бросил в ящик, оставив его открытым. Затем Сибак тихонько проговорил:

— Дас нет, лучезарный мой! Этим вы не отделаетесь. Три тысячи и ни риппэ меньше!

Ахимас одним движением руки сгреб отчитанное обратно в кошель и встал с табуретки.

— Слушай ты, ком сала! Ты знаешь, кто я и не боишься угрожать?

— Попрошус без оскорблений! Вы же не думаете, что ваши угрозы э-э-э.... подействуют?

— Подействуют. А ты хряк, ничего не получишь!

— Хи-хи-хи-хи! Я бы не был так уверен! Ты не выйдешь отсюда, пока я не получу все, что у тебя есть. Дверь заперта. Ее не откроют, пока я этого не захочу. Так что для вас цена отрытой двери три тысячи риппэ. Остальные бумажки, так и быть, дарю. Их-хи-хи-хи! Дорого? — с издевкой спросил он и удовлетворенно добавил: — Да! Хотя, в сущности, зачем вам платить за себя? За вас заплатят другие. И даже больше! Прекрасный, бумажный плакатик сегодня утром пообещал мне десять тысяч за вас!

«Ну это он такой смелый потому как думает, что оружие у него есть», — напомнил сам себе Ахимас.

— Ловко сплел! Да только любой паук башмака боится. Так что я просто тебя раздавлю! — пригрозил Ахимас.

— А вот этого не советую делать... У вас оружия нет. А у меня дас! Есть! — проорал Сибак, выхватив из ящика «Флоазос Ж-40» и направил его на Ахимаса.

Ахимас улыбнулся, глядя на то, как дрожат руки Сибака, а затем резко опрокинул стол, вызвав этим массовый сход канцелярской лавины и потоков чернил, бросился на Бюрократа.

«Щелк-щелк-щелк!» — отчаянные щелчки пистолета.

— Патронов нет?!

Ахимас ударом выбил пистолет из руки Сибака и с силой вдавил его в стену. Наемник жестко вцепился руками в толстую, обмотанную черным галстуком шею. Сибак захрипел и с трудом выдавил:

— Сдаюсь... Сдаюсь...

Ахимас мстительно и очень сильно ударил бюрократа в живот. После чего неохотно отпустил. Сибак рухнул на пол словно мешок с мукой. Ахимас подобрал пистолет и вставил патроны. Затем заткнул за пояс.

— Поступим вот как: — обратился Ахимас к хряку, валявшемуся в луже чернил, — ты звонишь в колокольчик. Я знаю, ты чем-то оповещаешь своего подельника об окончании приема. Он отпирает мне дверь, и я покидаю твою коморку. Поскольку ты уже приобрёл ценный урок, то денег ты от меня не получишь. Это думаю ясно? Ах, да! О твоей подпольной деятельности стоило бы написать властям, но я не буду этого делать. Не из жалости, о нет! Я просто не хочу расстраивать Гронго, имеющего доход с твоей конторки.

— Кхе-хе! — прохрипел Сибак, лежа на полу. Тяжело дыша, он проговорил: — Если... Если не заплатишь, то я выдам Рунаборгу, все сведенья о твоей новой личности!

— А вот и не выдашь! Властей заинтересует откуда у тебя эти сведенья. А уж про то, что за липу ты тут клепаешь, я им донесу, не сомневайся! Меня, может, ты так и подставишь любезный, да только себя вдвойне. Твою конторку закроют, а тебя повесят! И это я знаю точно. Я разбираюсь кому что, и за что положено.

— Тогда я... — начал Сибак.

— Тогда ты сделал неверный вывод. Думаешь, раз я оставил тебя в живых, то не попытаюсь добить? Нет! Услышу еще хоть одно возражение, продолжу начатое. Давить гадов мне даже нравится! Вставай! — рявкнул Ахимас и легонько пнул Сибака в бок. Тот ойкнул, но тут же выполнил требование.

— Собери весь этот мусор и передай-ка мне документы! Да бережно и в папочке.

Сибак, злобно сопя, исполнил приказ.

— Вызывай флориста! Да не смей и рта открыть про то, что здесь было. Помни, пистолет я оставляю у себя, и он заряжен.

— Так ведь...

— Действуй! — приказал Ахимас.

Сибак подошёл к тем самым чудным часикам на стене и три раза дернул за левую гирию.

— Ожидайте! — мерзко процедил он.

Ахимас поднял опрокинутую табуретку. Сел на нее и стал ждать. Сибак больше не проронил ни слова. Двуличный Герангерд вошел и удивился большой луже чернил на полу.

— Что здесь произошло?

— Эм... Да ничего, собственно! Чернильца я пролил... Дас! — сдавленным голосом сказал Сибак.

Флорист с подозрением взглянул на Ахимаса.

— Герангерд, проводи моего клиента на улицу. Мы закончили

Флорист молча проводил Ахимаса до самого выхода из цветочной лавки и грубо проговорив: — Вечно сиять! — уже во второй раз громко захлопнул дверь прямо у Ахимаса за спиной.

Наемник обернулся. Табличка за стеклом сменилась на «ЗАКРЫТО»

Глава 5. Шепот ветра

В девять часов вечера, когда пылающая вечносфера затонула в море, обдав края облаков багряными брызгами, Ахимас вновь открыл дверь бара «Звезда хромого».

Он прошёл столы с шумными, подвыпившими матросами и остановился у барной стойки.

— Вечно сиять, Кротен! — сказал он человеку за стойкой.

— И вам!

— Где Леонардо?

— А Леонардо, вон он, с Ульхрюлем и ещё двумя в «мокрицу» играет.

Ахимас взглянул в указанном направлении. Там, в углу, стол окружила шумно галдящая, толпа пиратов. Они делали ставки. Многие совершенно забыли о выпивке и других видах развлечений.

С таким раскладом были не согласны две девицы лёгкого поведения. Ахимас видел, как они пытались выудить из толпы одного, а лучше сразу парочку жертв. И им почти удалось развести какого-то рыжего, знатно подвыпившего молодца. Но, рыжий никак не мог решить, важнее ему сомнительные плотские утехы или столь же сомнительный выигрыш со ставок.

— Поразительно, — сказал Ахимас, глядя на происходящее, — насколько же может отличаться одно и то же место в разное время суток. Ведь к утру, все снова переменится до неузнаваемости.

— Так, всегда, утром и вечером пьют по-разному. Но итог всегда один. Есть по этому поводу одна старая барменская мудрость. Кто шумно наклюкался вечером, утром словно труп будет лежать под столом. А тот, кто напился утром, напьётся и вечером и также утром окажется под столом!

— Да, глубокая мысль! — согласился Ахимас и направился к столу с игроками, со всех сторон, словно осами, облепленному матросами в полосатых тельняшках. Они нудно жажужжали, когда наемник деликатно раздвинул двух из них. Стол был усыпан чёрными плоскими камушками, монетами и фигурками людей.

В «мокрицу» играло двое на двое. Пират, сидевший рядом с Леонардо, по национальности был эльфом вурфаином — жителем южного Лендруида. Он был одет в бурую меховую жилетку и обладал яркими чертами кабана. Мохнатой, покрытой черными волосами рукой он передвинул три резные фигурки вперед. Завершив ход, и уже предвкушая скорую победу, он коварно улыбнулся, обнажив желтые нечищенные клыки хищника. Его крупные ноздри широко раздувались, всасывая прокисший воздух бара. На стриженной, почти лысой голове торчал гребешок жестких сальных волос. А острые, хитрые глазки под кустистыми бровями, так и бегали, оценивая обстановку на поле. Вонял эльф так же по-свински, как и выглядел.

Если бы не характерные уши, Ахимас и за две жизни не догадался бы, что этот, грязный, костистый и волосатый пират, на самом деле из расы эльфов. Справа от него, ничуть не чураясь запаха и, зажав в кулаке несколько гладких камешков, сидел Леонардо Гронго.

— Вечно сиять! — поприветствовал бармена, Ахимас.

Леонардо обернулся.

— О! Удивлённо сказал он. И тебе. Я ожидал тебя позже. Но раз так, господа, — обратился он к игрокам, — доигрывайте без меня. Дело важное!

— Два на одного? — осипшим голосом спросил эльф.

— Ага. Большие риски, большой улов. И весь тебе, — сказал Леонардо, вставая с лавки.

Вместе с наемником они направились к потайной двери.

— Как прошло с Сибаком? — спросил бармен, когда они вошли в его комнату.

— Неожиданно, — сказал Ахимас. — У нас произошел конфликт. Впрочем, я все равно получил все, что хотел получить, и даже больше. Но, похоже, что клиентов от тебя он больше не станет принимать.

— Да куда этот сморчок денется? Он мелкая сошка, а доход от моих клиентов крупный.

Леонардо, заметив как нельзя к месту севшую на стол муху.

— Крыша над Сибаком, из тех, с кем я в хороших отношениях. Не станет принимать моих клиентов, крыша и обвалится.

— Он с силой саданул ладонью по мухе... — На него же! Ну да Хорг с ним! — добавил он, смахивая мушиный труп на пол. — Я сразу сказал, что Сибак гад скользкий. Так что, если твоими стараниями парой зубов в его грязной пасти стало меньше, я не расстроюсь. Тем паче, что зубы терять ему не впервые.

— Согласен, довольно об этом! — сказал Ахимас. — Мне нужен членский билет «Океанской глубины», а тебе моя помощь, так что рассказывай!

Нервно прохаживаясь взад-вперед по комнате, прихрамывая на механической ноге, Леонардо начал:

— Примерно месяц назад в портовом районе начались странные убийства. Погибло уже 12 человек. Поначалу умирали какие-то неизвестные люди и мне было начхать на это. Но недавно убили сразу несколько моих близких друзей, и я, наконец, взялся за эту дьявольщину.

— Вероятно, ко мне ты обратился, потому как полиции на это глубоко насрать?

Леонардо затормозил и резко крутанулся на механической ноге.

— Вот! Вот именно! На портовый район всегда все обильно срали. Во всех смыслах. За день здесь дохнет не меньше пары десятков. Кому долбанет в голову расследовать смерть дюжины бандитов. «Подохли? Это прекрасно!» — скажет инспектор! — всплеснув руками выпалил Гронго.

— Ну довольно, спектакля! Как это происходит?

— Как?.. А вот как: входит кто-то в комнату, а там труп на кровати.

— Ты ведь понимаешь, что меня интересуют подробности.

— Душит их кто-то. Да еще, сильный бес. Кто-то даже говорил, что это не человек, а проклятый унку. Пробрался мол в Эрнбург через горы! Чушь, да?

Ахимас кивнул и задумчиво добавил:

— Так, значит, душат... хм...

— Не только. Двое были зарезаны. Да еще как! Мать моя Ол'ла! Морда от уха до уха раскроена! Психованный работал!

— Которые по счету были зарезаны?

— Да первые двое. Я не знал их.

— Выходит, кто-то рассказал тебе про них? Кто же?

— Хрюль рассказал.

— Хрюль?

— Ульхрюль. — поправил Ахимаса Леонардо и добавил: — Мы с ним в мокрицу играли.

— А-а-а... Должно быть, эльф?

— Да он.

— Он знал убитых лично?

— Разве, только чуть. А, может, и не знал вовсе. Об этих убийствах сейчас весь порт судачит, мог и наврать.

— Вот это очень плохо, — сказал Ахимас.

— Почему?

— Правда, штука липкая, к ней того и гляди, всякий мусор клеится.

— Точно!

— Убитые знали друг друга? Или, быть может, было то, что связывало их?

Леонардо замолчал, остановился и сел в кресло, потом сказал:

— Разве, что... Все убитые были капитанами.

— Вот это очень важная деталь! — скрестив ладони изрек Ахимас. — Может быть, есть что-то еще? Они знали друг друга? Грабили кого-то определенного? Когда последний раз были в плаванье?

— А я почему все это знаю! Пожалуй, что не знали, или знали, но некоторые. Грабили кого-то определенного? Хах! Грабили тех, кто побогаче, пока купцы не перестали плавать сюда из-за войны! Мои знакомые уже две недели торчат в порту!

— Но в целом среди них не было старых моряков, окончательно поселившихся на берегу?

— Нет, таких как я, точно не было! — сказал Леонардо.

— Тогда радуйся, Леонардо, тебе, вероятно, не грозит опасность.

— Ох, как же я рад... Ты лучше скажи, зачем их убивают?

— Пока я могу предположить, что кто-то пытается спровоцировать начало беспорядков в порту, панику и бунты. Ну или нечто вроде того. А убивают, похоже, не просто случайных капитанов, а весьма себе конкретных. Но тут я уже не могу ничего сказать без более подробной информации. Возможно, убитых связывало еще что-то?

— Черт, да что может связывать пиратов? Разные кланы, разные порядки. Не нужен мне твой анализ. Ты просто убей того выродка или выродков! А еще лучше, поймай и доставь ко мне, а я уж тут повеселюсь, — кровожадно сказал бармен.

— Легко сказать, — смутился Ахимас. — Нужно сперва выйти на его след, — сказал он и подумал: «Что-то Леонардо неохотно делиться информацией! Но определенно знает больше».

— За нас уже вышли, — прервал его размышления Леонардо. — Сегодня утром, совсем незадолго до твоего прихода, ко мне заглянул знакомый. Его зовут Питео. Он рассказал, как чудом избежал смерти. Убийца, оказывается, действует самым раннем утром, когда спят абсолютно все. Ну или почти все... Вот Питео не спал. Убийца через окно влез в его комнату, но в кровати обнаружил лишь девицу, с которой мой знакомый проводил ночь. Питео отошел отлить. Это его и спасло. Возвращаясь, он услышал, как этот упырь душил его мамзель подушкой. Питео вышиб дверь и попытался вырубить убийцу.

— Но у него это не получилось, и убийца выпрыгнул в окно. Так?

— Верно. Откуда ты знаешь?

— Имел честь наблюдать этот акт, по пути сюда.

— Так, что же ты мне не сказал, господин А?

— Так мало ли в портовом районе преступлений. Я же не инспектор. К тому же знаю я,

кто это был.

— Да? И кто это?

— Убийца из трех клинков. Они личные ассасины Рунаборга.

— Дьявол! Этих еще не хватало! И что же получается, они не успокоятся, пока не перебьют всех главарей?

— Не-е-е-т! — вкрадчиво сказал Ахимас. — Не думаю, что им нужно это. Они убивают лишь определенных людей. Но вот так сидя на стуле, и не скажешь, кто в их списке. Мне нужно больше информации.

— Ой, как все мерзко-то а-а-а... — протяжно пожаловался Леонардо.

— Все еще отвратней, чем ты думаешь. Два первых и десять последующих убиты разными людьми. По-видимому, кровавые убийства, совершал неопытный человек. Его жестокий почерк привлек чересчур много внимания. И наверху, остались недовольны результатом. Поэтому доделать дело, был направлен другой ассасин, — вслух рассуждал Ахимас. — Но и он облажался.

— А что, если этот урод решит загладить промах?

— Правильный вопрос задаешь, Леонардо. Убийцы часто возвращаются на место преступления! А этот гад выполняет задание. Ему придется докончить дело, чтобы отчитаться!

И так подведу итог. Несколько капитанов, каким-то образом навредили клинкам, или что страшнее Рунаборгу, поэтому и поплатились. Убивают их грязно, трупы не прячут. Вероятно, хотят, чтобы началась паника и беспорядки в порту. Но, похоже, что на дело посылают не слишком опытных убийц. Возможно, для проверки способностей. Я предлагаю просто устроить засаду в доме, где недавно было покушение. Я считаю, что убийца вернется!

— Рискнем, да? Ну, возможно, ты и прав, — сказал Леонардо. — Можно будет послать нескольких крепких ребят из моей старой команды...

— Не-не-не! — остановил его Ахимас. — Твои ребята сильно шумные. Я видел, что убийца, передвигается по крышам. Ему хорошо видны улицы и окна домов. Поэтому, твои ребята быстро выдадут свое присутствие. И не пытайся убедить меня в обратном. Тут тихо надо работать.

— Эх, ну хорошо! Как же, по-твоему, господин А, надо засаду устроить?

— Лучше всего без помощи грубой силы. Я устрою магическую западню, — сказал Ахимас.

— Интересно... — сказал Леонардо и сильно подался вперед. — Неужто ты, ко всему в придачу еще и маг? Я слышал, что их совсем мало осталось.

— Не прочь быть таковым, но нет Лео, я не маг.

— Так как, скажи, ты без частиц этих?.. Как там они звались-то?.. Обгони... наори...это они... Как-то на «э»... Как же?.. — Леонардо начал неприятно щелкать пальцами, сиюсь вспомнить странное слово.

— Этари, — наконец подсказал Ахимас, прервав четные потуги собеседника.

— Во! Точно! Говорю же на «э»! И как же ты чародействовать без них будешь?

— Да я не маг, в моем организме не содержится частиц этари. Но это и не потребуется. Я просто хочу заключить одну магическую сделку. «Три клинка» — церковный орден. Когда-то они не создавали хаос, а следили за порядком и соблюдением правил. Поддерживали равновесие сферы и боролись со злом, хоть и по-своему. Но, как обычно, это бывает, в погоне за справедливостью нетрудно перейти черту, и оказаться там, где быть не

дозволено. Так они получили врага среди существ из иного пространства. Один древний могущественный демон, чье имя я не могу произносить, будет очень не против растворить выродка, нарушителя границ из «трех клинков».

— А почему ты не можешь назвать имени этого демона?

— У него бесчисленное множество имен. Если ты вступил с демоном в контакт, он назовет тебе одно из своих имен, но отныне ты не вправе говорить его другим людям.

Леонардо уставился на Ахимаса безумными глазами.

— Рыбоглотовы кишки! Боюсь узнать, что еще ты умеешь!

— Ха! Потому то я как тот демон, не говорю своего настоящего имени! — сказал Ахимас, коварно улыбнувшись. — Но ты меня не бойся!

Леонардо замолчал и спустя минуту кашлянув сказал:

— К-хе! Как ты это все устроишь? Возможно, я смогу помочь?

— Тебе не обязательно знать детали. Ты лучше скажи, какая сегодня ночью будет погода?

— Да ясная вроде, — озадаченно ответил Гронго

— А ветер будет?

— Мы у моря, тут почти всегда ветер.

— Тем лучше. Теперь слушай, я сейчас отправлюсь спать в ту ночлежку, что ты мне рекомендовал. Утром меня должны ждать двое твоих самых надежных людей. С собой пусть возьмут мел и мешочек пепла. Это понадобится мне для магической ловушки!

— Решил, все же прихватить помощников? Это верно, — ухмыльнувшись сказал Леонардо.

— Исключительно как проводников, — отрезал Ахимас и спросил: — Где сейчас Питео? Дома? Передай ему его задачу.

— А что у него за задача?

— Я создам в комнате магическую ловушку, а он должен будет притворяться спящим. Причем делать это придется как до появления убийцы, так и тогда, когда он попадет. Словом, до конца.

— Довольно рискованно.

— Пусть он держит под подушкой оружие, на всякий. Опасность в другом. Никто не должен видеть, происходящее внутри магической западни! В том числе и Питео. Это способно повредить разум.

— Лады, я постараюсь донести до него эту мысль, — ответил бармен и добавил: — Хорошо бы, все действительно прошло так гладко, как ты говоришь.

— Все пройдет как надо, — заверил его Ахимас.

— Не доверяю я демонам.

— Доверься мне.

— Спокойной ночи, господин А!

— Спокойной она точно не будет, — загадочным голосом проговорил Ахимас, выходя из кабинета Леонардо.

Оказавшись на улице, он взглянул на восток. Там, меж двух гор, всходила полная темносфера. Ахимас странно улыбнулся и устремился к проему меж домов.

Тяжко и душно в вечернем порту. Брусчатка щедро отдает жар, накопленный за день. Воняет подсохшими помоями. В краткий промежуток времени, предвещающий ночь, улочки

всегда полны. Люди, толкаясь меж отвесных стен, спешат поскорее скрыться в своих тесных клоповниках. Их дорогу бесшумно пресекают стайки крыс, влекомые жаждой поскорее отгрызть кусочек недавно сдохшего кота.

А где-то совсем рядом, за углом, кричит человек. Ему не повезло, столкнуться с бандитами. Теперь бедолага тщетно зовет на помощь, только усугубляя свое положение. Бандиты крикунов не любят. Да и не придет к нему никто. Словно камень, человечки оплывут опасное место. А на бурой брусчатке мостовой появятся очередная темная лужа. Она высохнет под жаром вечносферы, и затрется подошвами сапог.

Густая тьма растеклась, окончательно утопив город в ночи, а Ахимас вынырнул в широком и пустынном дворе. С правой стороны располагалось ветхое, даже по меркам портового района, трехэтажное здание с мелкими окошками. В некоторых горел тусклый, недобрый свет, неясного происхождения. Ахимас приблизился к входу. На сосновой двери висела резная табличка, с порядком выцветшим изображением. На табличке довольно посапывающий матрос, словно одеялом укрылся раскрасневшийся, мило улыбавшейся камбалой. Отель «Под нетрезвой камбалой».

«Поразительно! Что только не навывдумывают!» — Ахимас взялся за дверной молоток и звучно ударил четыре раза.

Никто не ответил на его стук. Тогда Ахимас вошёл сам. И обнаружил спящего на стойке приёма хозяина. Старичок мирно посапывал, прикрывшись листом газеты «Столичный сплетник». Заголовок первой страницы гласил: «История гениальной девочки 9 лет. Как талант обернулся для нее приютом в тарнокоммунистическом городе Духовность «19-828», а для отца «пересадкой». Газета столичный сплетник узнает подробности».

Ахимас легонько тронул старика за плечо и поприветствовал:

— Вечно сиять!

— А что? Что такое? — старичок вскочил на ноги опрокинув кружку давно остывшего чая. Жидкость залила газетные Листы.

— Осторожно, — сказал Ахимас.

— А-а-а... альбатрос обсосанный! Вам чего надо? — изрёк он недовольно и стал рыскать в поисках тряпки.

— Номер надо.

— Уф! — засопел старичок и полез куда-то под стойку. Вскоре он вынырнул, держа в руке обрывок грязной тряпки. — Номер, номер... — проворчал он, вытирая разлитое. — Чай не видели, что заняты все?

— Пряма-таки все? С улицы видно, что всего несколько окон горят.

— Так ведь поздно. Спят люди!

— Спят, значит?

— Дас!

— Посмотри внимательнее, — сказал Ахимас и постучал себя по карману с кошелём. Тот издал мелодичный, приятный слуху звук.

— Ну... — поколебавшись сказал старичок. — Помнится, номер 6 свободен...

— Вот видишь... А что с ним не так, раз все остальные заняты?

— Да там, были какие-то проблемы... Запомнил...

«Поздно идти другой ночлег искать подумал Ахимас. — Поживу здесь пока».

— Скажи, добрый, человек, — Ахимас сделал паузу после слова «добрый». — А видно ли темносферу Ивенкару из окна шестого номера?

— А вам зачем? — полюбопытствовал старичок.

— Надо! — оборвал Ахимас.

— Надо, надо... Да видно не хуже, чем из других. А может и лучше даже.

— Неплохо. Этого пока достаточно. Ахимас достал из кошелька 20 риппэ и положил на стойку.

— Старик ослабил и вручил ему, чуть тронутый ржавчиной ключ.

— А скажите, любезный, что так народу много, раз все номера заняты?

— А как же! Много. Сейчас мореходство встало. Многие корабли вообще не выпускают из порта. Вот матросы и куролесят на берегу. Оттого то и мой отель битком.

— Мореходство стало, говорите?

— Это все новые рунские порядки.

«Не врет, — подумал Ахимас. — Всё это весьма в духе Рунаборга».

— Давно так?

— Да, почитай недели две уже. Но это ещё мальки. Рыбки позже будут. Порт и ведь совсем закрыть могут!

«Похоже, что дело движется именно к этому». — подумал Ахимас, взяв ключ. «Но зачем? Рунаборг чего-то опасается? Эрнубург под их полным контролем. Флот Агенориды, разбит. Кого им еще опасаться? Не пиратов же? Хотя две недели... Леонардо также говорил про две недели, что его дружки торчат на берегу. Совпадение?» — размышлял Ахимас, идя к своему номеру.

Он поднёс ключ к замочной скважине, усыпанной следами взлома.

«Ну ясно, что он имел в виду», — подумал Ахимас и толкнул ветхую низенькую дверцу. Та, не издав ни звука ни скрипа, открылась.

Ахимас пригнулся, чтобы войти. Дверной проем был сделан карликами для карликов. Подняв голову, он увидел малюсенькую комнатку с низким закопчённым потолком, и кривыми стенами. На потолке висела пара старых, давно покинутых осиных гнезд. Мебели в комнате было немного. Кровать без спинки с грязным одеялом и набитой соломой подушкой, стол, стул и сундук без крышки. Он закрыл дверь, вставил ключ в замочную скважину и попытался его повернуть. Ключ намертво застрял.

«Дьявол!» — Ахимас выругался и подпер стулом ручку двери.

Сюртук он повесил на большой, вбитый в стену гвоздь. Затем поднял набитый сеном, грязный матрас и положил под него «Флоазос Ж-40». Сделав все это Ахимас прошелся к окну и раздвинул пыльные черные занавеси. Вид из окна был удручающий. Ветхие, на глазах разваливающиеся хибары с проломленными черепами крыш. Лужи мочи и кала на мостовой, грязь, а справа остов сгоревшего двухэтажного дома с черными глазницами окон. Ахимас распахнул окно. Стекла в рамах «дрязгнули» и в комнату ворвался леденящий ветер ночи.

Ахимас посмотрел на небо. Темносфера медленно, но, верно, совершала свой обычный маршрут. Наемник поежился.

«Холодно, однако же. Но пора!»

Ахимас стянул с себя сапоги и небрежно бросив их на пол, встал босиком на грязные шершавые половицы и широко развел руки в стороны.

Ветер ночи! Ветер страха!

Ветер времени из тьмы безвременья! — произнес он слова призыва.

Главами твоими всевидящими, сущими ликами, смерть плетущими.
Главами в волнах снующими, дыры безпространства рвущие,
И в пространстве на месте увязшие, спокойной живым вселяющие.

Смывалось, снималось,
Во прах превращалось,
Сливалось, сдиралось,
из тьмы поднималось.

Явись Ветер ночи! Ветер страха!
Ветер времени из тьмы безвременья!
Ворвись! Согни стебли жизней человеческих!
Память душ людских укради! Возвратись!

Хочу узреть я вновь,
Одно из лик твоих бесчисленных.
Желаю отдать тебе я кровь
Преступивших грань безвременья

Увязший во времени вихрь,
Вихрь летучий,
И вихрь недвижимый, несущий безвременье,
Ведущий сферу в забвенье!

Я свободен ото всех сомнений!
Я вечный странник, как и ты!
Ты вечный спутник мой!
Окутай меня волной сновидений!

В глазах Ахимаса потемнело, а комната, вокруг поплыла. Синие ночные краски стекли водопадом. Шатаясь, как во время шторма, он вроде бы дошел до кровати. А дальше ничего не было. Просто тьма.

Когда тьма отпустила Ахимаса, он слегка приоткрыл глаза. Та самая комната, и тело его, и ноги на месте, укрытые одеялом. Он поднял голову и его как льдом сковало от удивленного.

Всю площадь распахнутого настежь окна занимала огромная голова на невысказанно долгой шее, уходящей во тьму ночного неба. Лунный диск, как бы просвечивал, сквозь эту, не полностью материализованную голову. Глаз не было. А были черные, пустые глазницы. Они осматривали комнату в поисках Ахимаса. Трупная, полупрозрачная бледность покрывала лицо. Серые и растрепанные, длинные волосы, струились с головы сперва на подоконник, потом на пол, где и растекались. Губы скрывались в густой бороде, и нельзя было понять, что они выражали.

Голова, казалось, была неподвижна. Но и это было не так. Внимательно приглядевшись, Ахимас увидел, что она медленно поворачивается в его сторону. Движение было невообразимо, болезненно медленным. Для этого существа время текло по иным законам,

созданным им самим. Наконец, движение прекратилось, и черные пятна глазниц, сквозь которые даже лунные лучи не в силах были пробиться, остановились на Ахимасе.

Голова, также неестественно медленно, в ином временном цикле открыла рот — еще одну беспросветную пропасть и, громким, басистым шёпотом, растягивая гласные, сказала: «Недрааа Саамихааа Чооон яяяхит».

Ахимас понял, что голова произнесла все наоборот. Голова тоже поняла свою ошибку.

— Тихая ночь, Ахимас Арден, — исправилась она и улыбнулась, черной, ротовой дырой.

— Гур Три ветра, — сказал Ахимас и удивился. Его голос стал странно осипшим, словно чужим. Долгая борода демона колыхалась в воздухе.

— Во истину, ночь безвременья! — сказал Ахимас и прислушался. Ни звука не было вокруг. Кто-то разом заглушил все скрипы, шорохи и существ живых.

— Услышал я твой зов, твою молитву, — сказал демон Гур Три ветра. — Чего ты хочешь? Неемааз в таадтоо воотооог ооогеч и? И что готов отдать взамен? — сказала голова, открывая рот медленней, чем были произнесены эти слова.

— Ветер ночи, превратно понял ты меня, — ответил Ахимас

— А-а-а-ах — выдохнула голова. — Так что же?..

— Раствори одного из тех ничтожных, чье время ты и так пресечь желал.

— Давно уж не жажду я быстротечных душ.

— Но этот, один из ордена "Трех клинков".

— Вот что?.. Желаете даровать мне кровь одного из тех, кто преступил грань безвременья? Ясно. Выходит, это не сделка... А-а-ах! — выдохнул демон Гур и Ахимаса обдало потоком ледяного воздуха.

— Так, где же он? Где тот, кто предназначен мне?

— Завтра утром будет в одном из местных домов.

— Время вечносферы, — поморщился ветер. — Нет власти моей вовремя оное. Тогда могу лишь созерцать, оплетать, а растворять я не могу. Но ведь ты знаешь, что сделать требуется, верно? Серой тьмой огня уснувшего, усей ты пол и символ ветра начертай, тогда приму твой дар, Ахимас Арден.

— Благодарю, властелин безвременья.

— Для иного человека ты стараешься, — проговорил демон Гур.

— И что, если так?

— А-а-ах... Но быть не может, что ты не хочешь ничего для себя? Не утаил ли ты желаний тайных? Я чувствую их... Желания... Быть может, алчешь преступить пространств и времени волну? Иль рано для того? А-а-ах... Верно... Рано... — сказал ветер грустно. — Сейчас, желаешь ты узнать где он... Тот, кого давно уж ищешь.

— И кого же я ищу?

— Ты ищешь брата.

— А ты действительно знаешь, где он? — спросил Ахимас.

— Знаю, верно.

— Что ты хочешь? Мою память? Часть моей жизни?

— Не в этот раз! О нет...

— Так что же?

— Еще не знаю...

— Демон Гур, вездесущий ветер ночи, не знает, чего он хочет?

— Не знаю... Верно. Того, не знаешь даже ты еще. Никто не знает. Не существует оно пока. Но будет однажды.

— Я не могу заключить с тобой сделку, не зная, чего ты от меня хочешь, ветер ночи.

— Просто верь мне...

— Вам демонам нет веры. Я-то уж знаю, что никогда вы не даете человеку того, что он искренне, и всем сердцем желает. Вы даете лишь подделку, иллюзию желаемого.

— Ах... Но я не демон... — обиженно сказал ночной ветер Гур.

— Ты властелин безвременья, я помню. Но даже это не меняет дела.

— Разве обманывал я тебя до сей волны? Я верный спутник твой! Ты так сам сказал! Всегда Онигия Оллания адепты верили... Верили мне! И ты, верил...

— Речь не шла о моем брате. И тогда ты знал чего хочешь.

— Выходит, ты отвергаешь мое предложение?

— Э-эх... — тут уж выдохнул Ахимас. — Я еще не решил...

Ночной ветер взглянул на Ахимаса и широко улыбнулся черной дырой рта!

— «Оняотсоп еонемерв есв»! Все временное постоянно, Ахимас Арденн. — До скорой встречи, — сказал он и понесся в далекую, звездную тьму вселенского океана Ол'ла.

Глава 6. В западне

Ахимас открыл глаза и увидел, что лежит на полу, вытянувшись в сторону кровати.

«Хоргов кал!» — выругался он и вскочил.

Болел правый бок, которым-то, он, видимо, и ударился об пол при падении. Ахимас подошёл и сел на так и нетронутую кровать. Он глянул в окно. Там далекая темносфера закатывалась за горизонт океана.

«Почему я очнулся на полу? И кровать не тронута? — спросил он сам себя. — Я же лежал на ней и физически чувствовал происходившее. А хотя да, все это было в кусочке иного измерения, кармане, так называемом подобии безвременья. И, видимо, наша встреча произошла только там, но не случилась в реальности».

Он поднялся с кровати и подошёл к тазику на столе, невесть, когда принесенным хозяином ночлежки. В отражении он увидел себя. Стриженого, выбритого, но за ночь приобретшего тёмные синяки под глазами.

«Демоны!» — сказал он раздражённо и умылся.

Окончив водные процедуры, Ахимас подошёл к окну, чтобы закрыть его и заметил странный тонкий блеск. На подоконнике лежала прядь седых волос. Он взял прядь в руку, но та бесследно растворилась, словно снег по весне. Он резко захлопнул створки окна и поспешно отошел.

«Не существует оно пока. Но будет однажды. Что он имел в виду?»

«Но пора бы собираться», — подумал он и достал из-под матраса «Флоазос ж-40». Ахимас снял с гвоздя и надел сюртук и вышел в прокуренный коридор. Наемник спустился по узкой скрипучей лесенке вниз, прошёл мимо спящего старика гостиница и вышел из ночлежки, «Под нетрезвой камбалой».

На улице, в стелившемся по земле утреннем тумане, его ждала пара уже знакомых ему пиратов. Толстый лысый Кротен, державший в руках топливную лампу, и эльф Ульхрюль. Он сидел на карачках и метал кортик в туманную землю.

Кротен прислонился к стене дома рядом, и скучающе наблюдал за товарищем. Лампа отбрасывала свет на его лицо, отчего он, вероятно, из-за бороды, был похож на Гура ночного ветра.

Ахимас обратился к нему:

— Вечно сиять!

Обернулись сразу оба пирата, и синхронно поприветствовали его:

Ульхрюль встал и засунул нож за пояс. Подошёл ближе, протянул Ахимасу руку и все тем же осипшим голосом представился:

— Меня зовут Ульхрюль.

— Очень приятно. Леонардо сказал, что я не говорю своего имени?

— Нет.

— Так вот, я его не говорю. Так что зови меня просто господин А.

— Господин А! — повторил Ульхрюль с насмешкой. — Тогда я мать Ол'ла.

— Скорей уж брюходера любитель, — сказал Ахимас.

— Откуда ты сук... знаешь?

— Леонардо на двери бара повесил записку, — вмешался молчавший до сих пор Кротен. — Он велел тебе хряку, вернуть бочку. Но ты наакался словно...

— Пора идти, — перебил нравоучения Кротена, Ахимас.

Кротен выдохнул и кратко ответил:

— Пора.

Трио выдвинулось к месту засады.

— Пепел и мел прихватили? — спросил Ахимас.

— М-да, прихватил, — ответил Кротен и потряс туго набитым мешком.

— Зачем так много?

— Больше — лучше!

Помолчав, Кротен все же спросил:

— Но я так и не пойму, зачем все это?

— Да, зачем?! — вставил осипшим голосом Ульхрюль.

— Леонардо не рассказал?

— Нет! — снова хором ответили пираты.

— Чтож, так даже лучше.

— Лучше для кого? — спросил Ульхрюль.

— Для меня, разумеется, — сказал Ахимас и добавил: — И для дела.

— Для дела... — проворчал эльф.

— Ульхрюль? — обратился к пирату Ахимас.

— У-у-у! — промычал эльф.

— Кажется, это от тебя Леонардо узнал подробности убийств, так?

— Наверное!

— Значит, да.

— Значит, наверное! — отрезал эльф.

— От него, от него, — сдал друга Кротен.

— Убитые были знакомы?

— М-да, знали несколько из них друг друга.

— Несколько? Но я слышал, что все они грабили только суда Агенориды? — задал провокационный вопрос Ахимас. — Зачем грабить соотечественников, когда в стране такое тяжелое время?

— Агеноридские? Да брехня! Где живешь, там не сри! — прохрипел Ульхрюль. — Никто этим не промышляет! Все, у кого тыква еще не сгнила, теперь только рунские корабли щиплят! Они самые жирные!

— Значит, я спутал и убитые, на самом деле, грабили Рунаборгские корабли?

— Да как пить дать! — подтвердил Кротен. — Это все большие капитаны!

«Да, выходит, я правильно предполагал, — подумал Ахимас. — Грабят только рунские корабли, и кто-то долгое время поощряет это. Поэтому Рунаборг закрыл порт, чтобы никого не выпускать. И Леонардо, не может не быть в курсе всего этого. С его то ремеслом! Почему он скрывает? Может он на кого-то работает? Не просто так старому разбойнику дали осесть на берегу! Особенно в такое время. Но на кого он может работать?»

— Пришли! — сказал Кротен.

Узкая черная дверь в сплошной стене невысоких трехэтажных домов, предстала перед Ахимасом. Кротен постучал. Внутри послышались осторожные шаги.

Дверь открыл хозяин со свечей в руке. Это был человек сорока пяти лет со смуглым лицом, чёрными кудрявыми волосами и лёгкой, такой же аккуратно подстриженной, но чуть белёсой от проседи бородой. Словом, типичный моряк из Луи, среднего возраста.

— Кротен? — нервным голосом спросил человек. — Кто эти двое?

— Это Ульхрюль! — мой старый, надежный друг, ответил Кротен. А это наемник, который должен поймать убийцу.

— Очень приятно! Питэо, — представился хозяин и пожал руку Ульхрюлю. Затем протянул ее Ахимасу. Наемник, молча пожал ее и сказал:

— Здесь, я бы не стал стоять с зажжённой свечей.

— Это почему?

— Привлечем внимание раньше времени.

— У-у-у... Да, верно. Зайдем скорее в дом.

Пираты и Ахимас зашли внутрь. Хозяин запер дверь.

— Так, отлично! Вы, — Ахимас обратился к Ульхрюлю и Кротену, — останетесь внизу. Если все пройдет хорошо, то даже не потребуетесь. Но если, что-то пойдет не по плану, я крикну одно из двух: «красный» или «черный». «Красный» — означает, что нужно подкрепление наверх. «Черный» — убийца сбежал. В этом случае вы оба бежите на улицу. Сейчас проверьте оружие и будьте готовы. Все ясно?

— Только два слова? Может случиться что-то иное? — спросил Питэо.

Ахимас взглянул на него и ответил:

— Маловероятно, но не исключено. Если произойдет нечто непредвиденное, мне будет некогда орать и все обстоятельно им объяснять. Поэтому красный и чёрный. Запомнили? — снова обратился он к Кротену и Ульхрюлю.

— Да.

— Дурака только не валяйте. Дело серьезное.

— Лады, — сказал Ульхрюль.

— Отлично.

— Кротен, давай сюда мешок.

Ступени лестницы, ведущей наверх, оказались так некстати скрипучими. И, от каждого, даже самого лёгкого шага, по тёмному пространству разносился гадостный скрип. Наверху хозяин показал Ахимасу две скромно обставленные комнаты, одна из них была кухней, другая спальней.

«Капитан Питео живет небогато. Вероятно, жилье съёмное», — подумал Ахимас, изучая комнату. «Небольшая двуспальная кровать с неубранной постелью стоит в дальнем углу. Хорошо, так безопаснее. Что еще... Стол, стул, сундук, комод. О! Ковер на полу. То что нужно! Маловат, жаль. Но можно будет положить поперек. Занавески на окна задернуты. Хорошо. Ткань плотная, свет не пропускает, свечу не увидят».

— Так! — многозначительно сказал Ахимас. — Питэо, покажите мне оружие, которое вы приготовили?

Питео молча вытащил из-под подушки недорогой, «реаксический» пистолет и показал Ахимасу. Тот взял его в руку, повертел, проверил обойму и вернул хозяину.

— Пойдет, — было его заключение. — Отдайте мне свечу и оставьте ненадолго.

Лишь только пират ушёл, Ахимас поставил увесистый латунный подсвечник на стол, убрал с пола ковер и начертал на досках «символ ветра» — особую магическую руну. Прикрыл её ковром, чтобы не было видно.

Развязав туго набитый пеплом мешок, он взял в ладонь пригоршню. Прошёл по всем углам комнаты и в каждом, насыпал чуть-чуть, шепча при этом заклинание:

«В час восхода вечносферы, даю тебе полную власть над местом оным властелин

безпространства. Яви безвременье! Гур энос сан тива ночия. Гур энос сан тива ночия. Гур энос сан тива ночия».

Фраза, которую он повторил трижды, была магическим ключом. Выбраться из ловушки можно было, лишь отгадав его.

Окончив обряд, он подошёл к окну и посмотрел в узкую щель меж занавесок. Назойливо светлело. И вот улочку покрывал уже не темно-синий мрак ночи, а легкая голубоватая утренняя дымка. Напротив окна была черепичная крыша соседнего дома.

«С неё-то он и попал сюда», — подумал Ахимас. «А окно, из-за духоты было открыто всю ночь», Ахимас аккуратно открыл его и в комнату ворвался ночной ветер. Когда он заполнил комнату, Ахимас тяжело вдохнул и сказал: «Верный спутник мой, готово все». И в ответ, еле слышный, одобрительный вздох: «А-а-ах»

Ахимас вышел из комнаты и сказал стоявшему под дверью пирату:

— Сейчас вы ложитесь в кровать, но не засыпаете, а лишь делаете вид. Пистолет держите под подушкой. Но без крайней необходимости не применяйте! Я не хочу, чтобы вы застрелили убийцу. Его должен убить некто иной.

— Леонардо, что ли? Отдашь его ему? — спросил Питео. — Я бы и сам, мог убийца кишки выпустить.

— Нет, не Леонардо. И никому либо из пиратов. Вам не удастся повеселиться с убийцей.

— Досадно.

— Ничуть. Попав в ловушку, он погибнет, пожалуй, одной из самых мучительных, смертей. А на вашем месте я бы не стал даже смотреть. Продолжайте притворяться спящим.

— Что за бредятина? — спросил пират. — Ты наёмник, за кого меня принимаешь?

— За разумного человека, надеюсь, — честно сказал Ахимас.

— Я моряк! Капитан! По-твоему, я буду прятаться под одеялом, пока рядом творится откровенная дьявольщина? Да я дохрена такого повидал...

— Тише. Вас могут услышать. Послушайте дело, конечно, ваше, но я советую сделать так, как будет безопаснее. То, что вы увидите, может навредить даже самой стойкой психике.

— Лады... Возможно, ты прав. Но и моя психика не паклей делана.

— Хорошо, если так... — устало сказал Ахимас. — Время уже подходит. На улице начинает светлеть. Ложитесь, а там уже и решите.

Питео удалился в комнату. Ахимас закрыл дверь и взял мел в руку. Он начертал на двери символ «исток» и проговорил заклинание на иносферном языке:

Есеф сия ан гросс уния. Вега Гур зиман. Огава лан вен свенья.

Он поставил стул около двери и внимательно прислушиваясь стал ждать. Из умывальника, где-то неподалеку с одинаковым гнетущим ритмом капала вода. Капли ударялись о жестяной таз, стоявший на стуле. Какое-то время Ахимас старался не обращать внимания на эти звуки. Но вместе с напряжением в ожидании убийцы, росло и раздражение Ахимаса. «Дяньг-дяньг-дяньг», — капли били по дну таза. Но неожиданно звук стих. Вдруг, громко: «Дяньг!» Дрожь пробежала по телу Ахимаса. Он встал, подошёл в угол, из которого доносились неприятные звуки и вылил в таз всю воду из умывальника.

В это время, капитан Питео, неподвижно лежал, притворяясь спящим, как и было сказано. Внезапно он услышал тихие шаги позади. Убийца, влез в его комнату и подкрадывался к кровати. Пират напрягся и уже хотел вытащить пистолет из-под подушки,

думая, что ловушка не сработала. Но вдруг из-за двери раздался возглас Ахимаса: «Тираель идош!»

Наемник активировал символ на двери. Символ разразился снопом белых искр, пеплом осыпавшихся на пол. Ахимас почувствовал движение воздуха в комнате, словно что-то или кто-то начал втягивать его сквозь щели закрытой двери.

Питео тоже почувствовал странное движение ветра, а через секунду услышал жуткий сдавленный голос убийцы. Пират не выдержал и вскочил с кровати, забыв про пистолет. Пространство немисливо исказилось. Совершенно все в комнате искривилось, сворачиваясь в спираль. И, вместе с этим всем, страшно хрипя, скручивался убийца, уронив на пол заряженный арбалет. Вся кожа Питео покрылась мурашками размером с горох, а спину залил холодный пот.

«Сейчас его разорвет!» — подумал он с ужасом.

Но убийца не думал так легко сдаваться. Кряхтя, скрипя и брызжа слюной, он орал неведомые слова:

«Сана вега онис. Вана турния! Панепра, Хувил, Тиматур, Мсах!»

«Богов в помощь призывает!» — подумал пират, от ужаса не в силах сдвинуться с места.

Ему почудилось, нет, он увидел, что всю комнату оплетают змеи. Но то были нечеловеческие, головы на невероятно длинных шеях. Моряк на мгновение закрыл глаза от страха. А открыв их вновь, увидел, как тело убийцы менялось вместе с расплывавшимся в комнате пространством. Он словно растворялся и терял четкость. Даже так, ассасин по-прежнему не сдавался и продолжал выкрикивать все новые и новые, непонятные слова и фразы.

«Он подбирает ключ!» — понял Ахимас за дверью ожидавший окончания растворения. «Сейчас он...»

«Гур огава лан вен свенья!!!» — громкий вопль убицы!

— Сломал!!! — с ужасом выкрикнул Ахимас и вынес ногой дверь.

На его глазах, ассасин сильно ударился о стену, отброшенный потусторонней силой. Он упал на пол, перевернув стол. Пират, оцепеневший от увиденного, стоял и трясся.

— Хватай его! — крикнул Ахимас и подскочил к убийце!

«Б-а-а-ан!» — резкий удар подсвечником в лоб Ахимаса.

«А-а-а!» — заорал Ахимас, в глазах у него потемнело.

Убийца подхватил с пола арбалет и вскочил на ноги. Питео отпрыгнул, в попытке увернуться. Скорый арбалетный болт вонзился ему в предплечье. Пират заорал. А убийца вспрыгнул на подоконник и перемахнул на соседнюю крышу.

Ахимас поднялся на ноги и подбежал к валявшемуся около кровати пирату. Темная кровь хлестала из его раны.

«А-а-а-а!» — стонал Питео.

— Че встал?! Лови этого ублюдка! Я справлюсь!

— Красный, нет черный, — судорожно соображал Ахимас. — Хорговы кишки! А-а-а уйдет! — выкрикнул он, кинувшись к окну, но, на момент обернулся на стон раненого пирата. — Красный! Красный! — заорал он как можно громче и перемахнул на крышу соседнего здания.

Вдали он увидел стремительно движущаяся фигуру в серой одежде. Ахимас заметил, что убийца был невысокого роста.

«Это же совершенно другой человек!» — понял он и ускорился, чтобы нагнать. Ахимас,

несся, летел, минуя острые волны крыш, ущелья улиц и узкие трещины переулков.

«Вперед! Вперед! Давай, давай!» — задыхаясь, он мысленно подгонял себя, маневрируя меж печных труб. Ассасин становился все ближе.

«Я его догоняю! Вот-вот!»

Убийца развернулся и прямо на ходу выстрелил из Арбалета. Ахимас своевременно отпрыгнул в сторону. Укрылся за кирпичной трубой. Болт, визжа, пронесся совсем рядом. Ахимас схватил пистолет и нацелился на убийцу. Тот понял намеренья наемника и нырнул за небольшой простенок.

«Спрятался!»

Ахимас пригнулся и вовремя! Мимо пронесся еще один болт.

«Его надо ранить! Не убивать! Он мне нужен! Он все расскажет!»

Ахимас выглянул из-за угла печной трубы и выстрелил, целясь в руку.

«Мимо!»

Справа вновь пронесся болт арбалета.

«Мимо!»

Ахимас высунулся слева и выстрелил! Ассасин заорал.

«Попал!»

Ахимас кинулся к укрытию убийцы. Но тот снова, во второй раз, преодолев болевой шок, выскочил и побежал, понесся. Ахимас попытался выстрелить в след, целясь в ногу. Но пистолет заклинило.

«Так некстати, черт! Сибак свинья! Дрянной его пистолет!» — выругался он.

На черепице лежал арбалет, который убийца обронил. Ловко подхватив новое оружие, Ахимас устремился вслед за ассасином.

«Остановись! Ты безоружен!» — прокричал Ахимас

Убийца не остановился. Вместо этого он забрался на крышу высокого, заброшенного строения. Промелькнула его короткая рыжая борода. Ахимас последовал за ним. Ассасин добежал до края крыши и спрыгнул вниз на полуразрушенную кровлю соседнего дома. От его приземления часть черепицы обвалилась.

Ахимас добежал до края и тоже прыгнул. За секунду до этого он понял, что погоня окончена. И уже летя вниз отчаянно выстрелил в след убийце. Еще одного приземления старая крыша не выдержала и проломилась под Ахимасом. Он устремился в черную пустоту. За мгновение до конца все-таки заметив, что арбалетный болт прилетел незнакомцу прямо в голову. Тот, шатаясь, рухнул вниз с парапета крыши. Дальше ничего не было. Лишь на секунду, нет даже на долю секунды, Ахимас почувствовал резкий, невероятно болезненный удар по голове. После тьма поглотила все.

Глава 7. О расстворении

«Огоннецебо емн лад ен ит», — прошептала одна из глав ночного ветра. Слова были произнесены наоборот.

«Ты не дал нам обещанного» — сказали многие и многие главы с безжизненными лицами на долгих шеях, летавшие в пустоте вокруг Ахимаса. Они кружили, постепенно сжимая кольцо и приближаясь к нему. Их шеи все удлинялись и удлинялись, опутывая собой все пространство. Становилось душно.

«Не растворить ли нам тебя? Иль рано для того?..»

Круг сжимался все плотнее. Одна из голов, приблизилась и шеей, словно питон, опоясала Ахимаса. Он начал задыхаться. «Вот, еще мгновение и я... — подумал он. — И что дальше? Я уже в пустоте. Черной пустоте. Дальше только беспространство. Ни черный ни белый, никакой».

— Растворить? А-а-х... — выдохнула голова и пустыми глазницами посмотрела ему в лицо. — Ты мне еще нужен! А может, нужен я тебе... Но надо наказать тебя! Пльви... — сказала голова и ослабила хватку. Он начал падать в глубину водоворота летавших голов.

Ахимас открыл глаза и увидел тусклый свет настольных канделябров. Прямо перед ним стоял большой прямоугольный стол, покрытый синей атласной скатертью. Стол был обставлен множеством дорогих блюд.

«Это дворец» — понял Ахимас и осмотрелся. Действительно, он в обеденном зале дворца, в замке Эбинорг. Белокаменные стены, высоченный с кессонами потолок отделанный мореным дубом с резным узором и черный камин в глубине зала. В нем трещат ароматные сосновые поленья, сваленные горкой.

— Что ты там увидел? — спросил добрый женский голос. Ахимас перевел взгляд на говорившую. Это была его мать.

— Да нет, ничего особенного, — ответил он и понял, что говорит детским голоском. Ахимас посмотрел на руки. Увидел пухлые маленькие ладошки, а затем глянул вниз, там коротенькие ножки в кожаных туфлях с серебряными пряжками, дрыгали туда-сюда, не доставая до пола.

«Сколько же мне лет? Десять, может, одиннадцать?» — спросил он сам себя. С противоположной стороны стола сидел Иохим — его старший брат. Упитанный, светловолосый мальчик пятнадцати лет. Обычно жизнерадостный и беззаботный, сейчас он был не весел и меланхолично ковырял вилкой жаренного перепела. Похоже, что у него не было аппетита.

Ахимас обвел стол взглядом. Вся его семья была в сборе. Во главе стола сидел император Виктор VI, — его отец. Виктор был мужчиной 45 лет с красивым, хорошо выбритым лицом, и добрыми серыми глазами. Он, как обычно, был одет в дорогой, но ужасно старомодный синий камзол.

Слева от отца сидела мать — Фелиция Гроссенгемская. Она была одета в скромное, серо-жёлтое платье с оборками и, как и Иохим, была не весела. Ее, по обыкновению живые и веселые голубые глаза, сейчас выглядели туманными и неясными. Мать не пила и не ела. Правой рукой она крутила долгую прядь своих прекрасных каштановых волос.

Тут Ахимас понял, что за столом не ел совершенно никто, кроме отца. Виктор VI, не

обращая внимания на гнетущую атмосферу, продолжал отрезать все новые куски от жареного оленя. Ахимас понял, почему все грустны и понял, что за этим столом не хватает его сестры.

— А где Теодора? — робко спросил он.

— Твоя сестра примеряет наряды для свадьбы, — ответил отец хорошо поставленным голосом. — Скоро она присоединится к нам. О! А вот и она!

В зал вошла красивая девушка 19 лет. Хоть с виду, она была худой и хрупкой, однако походка ее была твердой и уверенной и сразу выдавала дочь дома Теллуrow. Девушка держала идеальную осанку и смотрела на всех собравшихся холодно и, даже несколько высокомерно. Теодора приблизилась к столу, и все начали ей аплодировать.

— Ахимас, похлопай сестре, — сказала матушка. Ахимас громче всех захлопал в ладоши. Но аплодисменты родных прервала Теодора.

— Как вам мое платье? Я решила, оно лучшее!

— Ты всё же выбрала белое? Напрасно! Океанический голубой и только голубой, — отец сделал здесь акцент и продолжил: — всегда был цветом невест дома Теллуrow!

«Отец, как обычно, старомоден как вудуинская черепаха», — подумал Ахимас.

— Ну что за предрассудки и стереотипы! — встала на защиту дочери, Фелиция. — Да, раньше, во времена расцвета империи, то, во что была одета самая завидная невеста сферы и играло важную роль. Но сейчас?.. Сейчас какое это имеет значение?.. Не лучше ли, чтобы девочка порадовала себя напоследок?.. Взгляни как к лицу ей это белоснежное платье!

И действительно, в простом и чистом, как первый снег, платье с длинным шлейфом, Теодора выглядела существом иных сфер, ангелом воплоти. Платье прекрасно подчеркивало красоту ее голубых, унаследованных от матери глаз и роскошных белокурых волос, спадавших на плечи и грудь.

Отец неодобрительно хмыкнул.

— Присаживайся Теодора, что ты стоишь словно кукла.

Теодора с обиженным видом села.

«Почему они говорят так, словно пытаются нарочно кольнуть ее побольнее?» — подумал маленький Ахимас. И, похоже, не только он один.

— Отец, зачем ты говоришь бедной Тео такие обидные слова? Мало ли кому какой цвет платья больше нравится! — встал на защиту сестры Иохим

— Сядь, Иохим! Не носи чушь. Тут дело принципов! — приказал Отец.

— Отец, не вы ли два дня назад сказали мне, что я вольна сама выбирать и платья, и угощения, гостей и вообще все на этой свадьбе, кроме жениха, разумеется.

— Теодора, послушай, — сказал отец, очень мягко успокаивая дочь, — чтить традиции, пожалуй, одно из самых важных, что может быть в этом мире. Если бы люди продолжали соблюдать установленные правила, сегодня Теллуры бы по-прежнему управляли всем Валлервенном. Распад империи, следствие нарушенных правил! Так что в этой свадьбе вину наших непокорных предков, нарушавших запреты.

— Неужели от того, какое платье я выберу, мир рухнет?

— Конечно, нет родная, — ласково ответила ей мать.

— Мир, не рухнет, пожалуй. Но скажи откуда это платье? Ведь не из Вайлуры, так?

— Да. Это новая модель лучших осваннских модельеров.

— Вот! Осванна! Хаилины, главные разрушители традиций! До их переселения в Валлервен все шло по правилам! А ты поддерживаешь их? Оденешь Вайлурское платье!

— Отец, — снова заступился за сестру Иоахим. — Вот здесь я не согласен с вами. Вы преувеличиваете. Нет ничего страшного в платье. Да и хаилины, они всегда были верными вассалами империи! Они соблюдали установленные правила и развивали потенциал частиц! Не стоит все новое, сразу относить к плохому и даже опасному.

— Не учи отца! Тем более, ты ошибаешься. Да Осванна, всегда была послушным вассалом империи. Но соблюдать правила и развивать таланты частиц это одно, а рушить вековое равновесие своими ненужными изобретениями совершенно другое! Их постоянный прогресс развалил нашу империю, созданную на традициях! И недавно они начали выпуск этого, реаксического оружия! Я совершенно уверен, они знают, что война уже на пороге, и хотят на этом заработать!

— Война случится в любом случае! — сказала Теодора. — С оружием или без. Палки и камни в ход пойдут. Слишком мало частиц осталось в людях и слишком много ненависти накопилось! Все наше равновесие, для некоторых оказалось ровнее, чем для других.

— Ты путаешь равновесие и равенство. Это не одно и то же. Люди изначально рождены неравными. А ты, для будущей невесты знаешь, уж слишком много лишнего.

— Просто вы мне дали хорошее образование, отец.

— Да сгинь оно в безпространстве!

— Да и кто сказал вам, что я ей стану?

— Что?! — не выдержал отец. — Мы всё решили. Слово отца — закон! И ты была согласна.

— Была, но теперь передумала!

— Теодора, послушай... — обратилась к ней мать. — Забудь то, что я тебе наговорила. Ты же знаешь... Мы все знаем, что эта свадьба, этот союз, сейчас важнее личного счастья.

— Фелиция?.. — перебил ее отец — Что вы такое сказали Теодоре? Вы рассказывали ей те нелепицы про графа Балаша? Вы попусту ее пугаете.

— Да, матушка мне все рассказала, — ответила Теодора. — И ни только она. Все острова знают про этого упыря, женоубийцу. Им уже детей на ночь пугают. Скажи, Ахимас, как няня рассказывала тебе про графа Балаша? — Теодора впервые обратилась к маленькому Ахимасу.

— Ну да! — подтвердил Ахимас. — Граф набивает чучела из бывших жен. В его замке есть целая потайная комната.

— Вот видишь! Даже я такого не знала!

— Выдумки для детей, все это.

— Но в этой выдумке есть доля правды!

— Все здравомыслящие люди знают, что первая жена графа, была убита. Вторая умерла при родах. А третья, просто была авантюристка и, как кто-то, сбежала с одним бродягой в Ронатику, — говоря последнее, отец кинул двусмысленный взгляд на жену. И та, слегка, еле заметно покраснела. Ахимас догадался, что отец, снова припомнил жене ее давнюю измену.

— Ну уж третья жена, точно не просто так сбежала! — не успокаивалась Теодора и вскочила на ноги. — Отец, поймите, он страшный, ревнивый упырь!

— Не носи чушь! Вы все, не несите чушь!

— Это не чушь. И это лишь по вашей слепой и смрадной вере, я выхожу замуж за этого стареющего маньяка. Никому! Ровным счетом никому он не нужен! Несмотря на его земли и богатство, ни одна дама, да что там, ни одна навозная пастушка не выберет его в мужья... Все это лишь из-за вашей трусости и гордыни отец! Вы боитесь Рунаборга! Боитесь новог

мироустройства, боитесь какого-то выскочку Фольредора! И только из-за того, что взбрело в его воспаленную голову! Правда считаете, что он отнимет у вас последний, жалкий клочок земли? Вы говорили, что отдаете меня Балашу, за объединение Вайлуры? Говорили, что хотите союз перед надвигающейся войной?

— Да.

— Так вот, я выйду замуж за него! Выйду, чтобы доказать, что вам не потребуется его помощь... Нет! Помяните мое слово! Никому наша покрытая паутиной забвения Вайлура и даром не нужна. Никто не станет на нас нападать. Единственный, кто хочет ваш изъеденный жуками трон, это и есть граф Балаш. Не сомневайтесь, он его получит.

— Нет! — выкрикнул Отец растерянно.

— Да, отец! Да! А мы все, скоро сгнием здесь вместе с этим замком!

Последние слова, громким эхом пронесли по залу. Ахимас осмотрелся. Все окрасилось в серо-бурые тона. Перед глазами поплыло, а в ноздри ударил едкий запах гниющей плоти. Позади, в камине, вместо сосновых пален, бледным пламенем горели руки. На безымянных пальцах, зеленым, мертвенным золотом сверкали кольца. С лиц всех родных сползла кожа, оставив лишь белые черепа. Скелет отец кричал:

— Свадьбе быть! Я так сказал! Я так сказал! — кричал он все громче, потрясая своды зала! Из его глаз ползли длинные белые черви.

Внезапно Ахимас увидел, что это вовсе не черви, а головы на невообразимо долгих шеях. Они падали на пол и расползались во все стороны. Одна из голов заползла Ахимасу под одежду. Ахимас закричал. Она была скользкая и холодная. Ахимас начал судорожно подпрыгивать на месте и хлопать руками всюду, в четных попытках поймать ее. Голова ночного ветра, незаметно прильнула к его уху и прошептала:

— А-а-ах! И ведь была права... Ахимас схватил ее за скользкую шею и отшвырнул подальше.

Отец стоял посередине зала разведя руки в стороны и, запрокинув свой череп, орал без языка:

— И свадьбе быть!!!

Потолок зала трескался и рушился на уже мертвых и пока еще живых.

Глава 8. Утративший частицы

Кто бы мог подумать, что возвращаться в реальность может быть настолько больно. Ты ещё не открыл глаза, но уже чувствуешь, что голова твоя треснула подобно глыбе льда. Она хрустнула, медленно так, надломилась с протяжным скрипящим щелчком и поползли две половинки в разные стороны. Ахимас ощущал холод и слабость во всем теле, чувствовал сильное опустошение. Пропал огонь и смысл внутри него. Все, что было вытекло и теперь плавало где-то в беспрозрачности.

«А-а-а!» — жалобно застонал он, приходя в сознание. — Почему так холодно и мерзко?

— Мерзко? — спросил, удивлённый старческий голос.

— Да... — ответил Ахимас, не открывая глаз. Холодно, голова болит, жажда мучает и чувство такое, будто сбросил шкуру! Я словно бы забыл все, что знал и, похоже, разучился делать все, что умел! И какой теперь смысл?.. «Д-р-р!» — Ахимас застучал зубами.

— Сейчас на улице жарко! — сказал старческий голос. — А вы глаза откройте и тогда может смысл вернется!

Сквозь две щелочки Ахимас увидел, что находится в совершенно незнакомой комнате. Она маленькая, но чрезвычайно уютная. Много старинной резной мебели и цветов в горшках. На столе большой цилиндрический аквариум.

Ахимас пригляделся. Там, в замкнутом пространстве деловито кружили чопории — мелкие черно-белые рыбки, напоминавшие господ в сюртуках.

Ахимас перевел взгляд на ноги, укрытые одеялом в горошек. По левую руку от него на табуретке сидела низенька, опрятной внешности старушка в чепчике.

— С возвращением, — сказала она с чуть заметным вайлурским акцентом.

— О-ох... — вздохнул Ахимас и сел на кровати. Где я сейчас?

— Вы в моём доме.

«Логично», — подумал, Ахимас.

— Вы родственница Леонардо. Так?

— Да. Меня зовут Теодора Гронго.

— Как? Как я оказался у вас? Помню... Крыша обрушилась, и я упал. А потом... Потом помню... Да нет, ничего...

— К сожалению, я не знаю подробно, но, похоже, вас завалило обломками. Ко мне вас принесли люди Леонардо.

— И долго я был без сознания?

— Около двух дней.

— Ого! — вырвалось у Ахимаса, и он попытался встать.

Но рука Теодоры помешала ему.

— Лежите, лежите. С вами два дня все было просто ужасно! Ваше тело побелело и стало ледяным, словно вы умерли. Я слышала, что в такое состояние могут впасть «опустошённые» люди! Такие люди могут и не выйти из него! Хорошо, что все обошлось! Сейчас вы выглядите почти нормально! Но вам все равно нужно восстанавливать силы. Они ой как нужны в вашем беспокойном деле, — сказала Теодора.

— Так вам Леонардо рассказал кто я? — спросил Ахимас.

— Нет я это, и сама поняла. Вы наемник! Я за жизнь видела достаточно людей вашего ремесла. Может вам принести что-то?

— Благодарю, разве что горячей воды.

Теодора встала и спешно подошла к дымящемуся чайнику на столе. Налила воды в стакан и передала Ахимасу. Он жадно выпил и попросил ещё. Она налила, а он снова выпил. Наконец, увлажнив внутренности, и согревшись, он подумал:

«Да наверное, это отвратительное чувство внутри, из-за того, что частицы нивелировались! Они очистились, чтобы я выжил? — подумал Ахимас. Обычно они поглощают заряд моего поля, чтобы меняться и менять мои умения. Но сейчас частицы, опустели. Странно. Похоже, они это сделали, чтобы дать мне энергию для выживания. От этого и холод. Все силы, видимо, ушли на восстановление организма. Но ничего. Все исправится».

— Леонардо упоминал, что вы родом из Вайлуры? — спросил Ахимас, желая отвлечься от своих мыслей.

— Да, это так... — печально ответила Теодора. — Болтлив стал Леонардо.

— Я тоже из Вайлуры. Но я с далёкого детства там не был. Может, вам известно, как там сейчас?

— Сожалею, но про нынешнюю Вайлуру, мне известно не больше, чем вам. Ведь я покинула ее скалистые берега, когда Виктор VI был еще на престоле. А сейчас я только знаю, что материковая часть под властью Рунаборга, а островной правит граф Балаш. Да правит так, что без его личного дозволения никто ни въехать, ни выехать за пределы островов не может. Поэтому люди Валлервенна и не знают про нынешнюю жизнь на островах. Если это вообще, можно назвать жизнью.

— Быть может, вы слышали про Теодору Теллур — дочь Виктора VI, что за мужем за Балашом. Как она?

— Теодора Теллур? — Честно сказать не слышала об императорской дочери со времени страшного пожара 1037 года в Эбинорге. Вечносфера всем погибшим душам! — набожно сказала Теодора. Слава надзирателям, если с ней все хорошо! — сказала Теодора. — Теллуры и так почти исчезли с земель Валлервена.

— Нет, пока не исчезли. Еще есть Леопольд IV Конин Арде и Натаниэль Ронский.

— Леопольд VI тяжело болен. У него нет наследников. Рунаборг просто позволил ему поправить напоследок. Ну а что про Натаниэля. Этот да, он смог укрепиться за горным хребтом и пока что держится. Но я сомневаюсь, что он носитель частиц равновесия. Их, род, потерял частицы уже давно.

— Но если в Валлервенне не останется ни одного чистого Теллура, то и всем живым существам недолго жить! — сказал Ахимас.

— Ох... Вы ошибаетесь. Выход есть всегда. Хоть наша сфера и последняя в рыбе, но я думаю, что четыре бога надзирателя сумеют нас спасти!

— Вы очень оптимистичны для вашего возраста.

— В моем возрасте без оптимизма, жить нельзя.

Где-то на лестнице послышалась громкая речь и тяжелые шаги.

— Кажется это к вам, — улыбнувшись сказала Теодора.

В комнату один за другим вошли Кротен, Ульхрюль и Леонардо.

— Ну, что и требовалось доказать! Живучий он! Денежки попрошу! — сказал Ульхрюль Кротену, своим неприятным осипшим голосом.

— С возвращением господин А! Крепкие же у тебя косточки! — поприветствовал его

Леонардо.

— Приму это за комплимент, — ответил Ахимас с легкой ноткой обиды.

— Так, комплимент и есть! Ты бы видел, из-под каких обломков мы тебя вытащили! Другой бы, переломал бы все конечности. Ну а ты справился! Хотя видок у тебя был хуже, чем у умруна!

— Ладно, допустим. Сейчас я действительно чувствую себя сносно, лишь голова трещит и частицы страдают! Ну а что там с Питео?

— Жив, — ответил за бармена, Кротен.

— Мы его неплохо так подлатали. Будет ещё один боевой шрам.

— А что с его разумом?

— Да все лучше, чем с твоей дыней после падения, — съязвил Ульхрюль

— Да соображает он нормально, правда пока не говорит, как все случилось.

— Но мы это у него все равно за кружечкой спиртного, вытянем хех! — усмехнулся Ульхрюль, встав у двери.

— Поправляйтесь! — сказал Кротен напоследок.

— Спасибо.

Когда два пирата вышли, Леонардо сказал:

— А прошло то все не гладко! Я, господин А, чуял, что демонам верить не стоит.

— Ох... — выдохнул Ахимас. — Так не в демоне же дело!

— Так в чем?

— Просто убийца вовсе не из ордена «трех клинков».

— Отчего такая мысль? В день нашей встречи ты говорил другое.

— В тот день я и видел другого человека. Не он угодил в западню.

— Может, ты просто не разглядел? В погоне поди некогда всматриваться.

— Нет, это точно разные люди. Тип, что угодил в мою ловушку, был сильно ниже ростом и одет был иначе. Да еще рыжую бороду я заметил! Такую деталь трудно пропустить!

— Но тогда кто он?

— А Хорг его знает, — сказал Ахимас. — Самому интересно. Он освободился, подобрал ключ к моей ловушке. Про ключи, известно лишь единицам. Это магия ночного ветра. Клинки не знают про них. Я бы осмотрел тело на наличие каких-то важных деталей.

— Ну... — начал Леонардо, — Тут проблема! Мы его труп в бухту бросили!

— Да зачем?

— Да не хочу я рисковать! — вспыхнул Леонардо. — Но ты, знаешь, я осмотрел его распластаный по мостовой труп. Это мужичек моих лет, северянин. Роба у него такая бандитская.

— Северянин говоришь? В Черном доминионе, магия в почете. Вот он похоже и выучился. Ты нашел при нем какие-то вещи?

— Только болты от арбалета и кинжал.

— Не пойму, зачем ему арбалет, если он душил своих жертв? Засады же он не ждал, — рассуждал Ахимас.

— Душил? Ты ведь сам сказал, что он был маленького роста. А видел какой здоровенный Питео?

— Видел. Ты правильно мыслишь.

— Может, он хотел пустить болт прямо в голову, пока Питео спал? — предположил Леонардо.

— Мимо! Зачем ему тратить болты? У него же был кинжал! Логичнее было... — Ахимас замолчал на минуту. Он почувствовал, что внутри него что-то изменилось и наполнило весь его организм. — Слушайте, Гронго.

— Просто Леонардо... — поправил наемника, бармен.

— Не суть важно. Я вот думаю. А не тот ли это человек, что зарезал первых двух жертв? Да, кинжал может носить каждый... Но я считаю, что клинки, занервничали и решили отвести от себя подозрение.

— Так, — сказал Леонардо, — продолжай.

— Тот ассасин, которого я видел выпрыгнувшим из окна, допустил ошибку. Он оставил в живых свидетелей, Питео, меня, и еще куртизанку. Целых трое! Много, не правда ли?

— Немало, — согласился Леонардо.

— Так, пошли дальше. Тот, что зарезал первых двух жертв, теоретически мог быть и не ассасином. Он тоже допустил промах, за что и был заменен. Мы про этот промах, просто не знаем. Но он мог быть весьма существенным.

— Я могу разузнать больше информации о зарезанных.

— Это могло бы подтвердить или опровергнуть мою гипотезу, — согласился Ахимас и продолжил: — Клинки решили, что нужно убить Питео. Убить в любом случае. Но решили больше не рисковать своим человеком, а послали того первого, уже совершившего ошибки. Как я уже сказал, хотели отвести подозрение от своего ордена. А, может, просто хотели вывести его из игры. Он поэтому и не выглядел как член их ордена. Если бы полиция взялась за это дело, то...

— То они бы решили, что это просто псих или маньяк.

— Вроде того, — согласился Ахимас и добавил: — Ты доволен результатом?

— Доволен ли я, зависит от того, прекратятся убийства или нет.

— Я не могу этого гарантировать, — ответил Ахимас. — Но не думаю, что клинки скоро возьмутся за старое. Это глупо. Если они настроены, довести дело до конца, им придется выждать время.

«Если только они уже не довели дело, — подумал Ахимас. — Ведь сколько капитанов было в их списке? Может, именно 13?»

— Значит, нам нужно быть готовыми, — твердо сказал Леонардо и добавил: — Чтож, господин А, пускай не все прошло гладко, но, билет теперь твой. — с этими словами, он вытащил из большой кожаной сумы, стоявшей рядом с кроватью, аккуратный бумажный конверт, чуть пожелтевший от времени. Ахимас принял конверт из рук и сразу же вскрыл его.

Внутри был прямоугольный кусочек серебряного картона. Ахимас повертел его, ловя свет. Многослойная поверхность изобиловала всевозможными водяными знаками и хитроумными вшитыми защитами. Ажурный шрифт гласил: «Предъявитель данного билета, является законным членом группы А, ресторана «Океанская глубина» и имеет расширенное право доступа ко всем предлагаемым услугам. Членство заверено лично Гвений Гносий Дангидросс. Подлинность билета гарантирована сертификацией ЛТП, и защитами: РОГП 1 ОБ Шманн и Зверинг. Идентификационный номер 88-021-19-ЛГ».

— Тонкая работа скажи. Леонардо подтолкнул его плечом.

«Тонкая...» — подумал Ахимас и спросил:

— Кто такой Гвений Гносий Дангидросс?

— А, это бывший владелец ресторана.

— Так если он бывший, проблем с доступом не будет?

— Да нет! Не должно. Вот! — он перевернул билет. — Видишь эти ромбики. Каждый год, к такому ромбику шьется эмблемка. Так что проблем не выйдет.

— Предположим. Что такое группа «А»?

— Господин А, — Леонардо усмехнулся, — группа «А» — это купившие билет. Есть еще группа «Б» — это те наемники.

— Понятно. Можешь подсказать точное время, я не вижу в этой комнате часов?

Леонардо вытащил из внутреннего кармана знатно потертые часы на цепочке.

— Девять часов.

— Вот оно как. Слушай, Леонардо, мне кое-что от тебя нужно...

— Ну?

— Карта которую ты мне дал, где она?

— А, это у Теодоры спросить надо. Куда-то она все твои вещи складировала. А ты, что же свалить намылился?

— Уйти? Да, собрался, — отрывисто и серьезно ответил Ахимас.

— Да ты что! Тебя день назад только из-под обломков выскребли! Лежи!

— При других обстоятельствах, я бы так и сделал. Но мне нужно торопиться. Иначе этот билет, мне будет уже не нужен.

— Но подожди, по крайней мере, до вечера.

— Зачем?

— А ты, выходит, и не знаешь, что сегодня в городе происходит?

Ахимас непонимающе посмотрел на Леонардо.

— Рунаборг сгоняет всех горожан на парад.

— Что ещё за парад?

— Да очередной парад «Новой веры». Празднуют черт знает какую годовщину. Куражатся над нами, простыми людьми. По проспекту Баль-Бинарэ, от площади Религио и до самого дворца маршем пройдут солдаты мира, платформы и техника. Потом, этот упырь, наместник у дворца выступать будет. Но вот на кой ляд им парад?

— Политика. Я что-то слышал, про подобные парады в других, захваченных рунами странах. Аполо Фольредору постоянно нужно напоминать про себя и свою проклятую религию! Рунаборг хочет, чтобы все население Валлеврвена стало носителями смешанных частиц. Они называют это «человек духовный»! Так, что наверняка какой-нибудь новый бред про таланты представят!

— Да, Фольредор — гадина склизкая! Всех, кто до сих пор что-то умел, извел подонок! Но ты мне скажи, зачем вчера, рунаборгские солдаты ходили по улицам и долбили во все двери? Они вручали обладателям чистых частиц бумажку такую голубенькую с голубем, повестку мира на парад. И теперь все должны присутствовать на этом балагане! Зачем обладателям одного таланта быть там, если это устроено для бездарей, что поддерживают Рунаборг?

— Это в самом деле что-то новое, — сказал Ахимас. — Не удивлюсь, что это некая хитрость! От рун всегда жди беды! Возможно, они хотят что-то сделать с этими людьми. Во сколько парад начнется?

— Ну, в районе двух часов дня.

— Тогда я успею.

— Успеешь... Успеешь... Рунам в застенки! Да, вижу, ты уперся! Не? Не слушаешь

моего доброго совета?

— Нет. У меня мало времени.

— Ну и ладно валите господин А. Авось и пронесет. Эльфа только опасайся, того, что рестораном владеет.

«Забавно, ведь мне к нему и нужно», — подумал Ахимас и сказал:

— Ты не первый, кто мне это советует. Значит, с ним, действительно не все чисто.

— С ним нечисто все! Так, я я тебе скажу.

— Сможешь обозначить на карте маршрут к ресторану? А я пока соберусь.

Ахимас поднялся с кровати и прошел к аквариуму. За ним стоял ранец. Он достал из него карту и десять риппэ. Сзади подошёл Леонардо и молча принял из рук Ахимаса то и другое. Он сел за стол и стальным пером, набросал на карте линию и красный крестик, точь-в-точь как на пиратских картах.

— Стаж, — вырвалось у Ахимаса. Он вспомнил, как это говорил Кротен про Ульхрюля. Леонардо на момент обернулся.

— Ага, — согласился он, а затем, сделав еще несколько надписей на оборотной стороне пергамента, вручил карту Ахимасу.

— Рыбы голодны, — сказал Бармен Леонардо и отправился рыться в ящике стола, видимо, в поисках корма. Попутно он рассказывал Ахимасу детали маршрута.

Наконец, найдя плоскую жестяную банку в недрах стола. Леонардо взял из нее пригоршню сушёных, красных червячков и коварно, подобно Хоргу — злобному богу тьмы запустил эту массу в аквариум к рыбёшкам. Черно-белые чопории, жадно накинулись на кроваво-красное угощение.

Глава 9. Под куполом

День в самом деле был самый неподходящий для того, чтобы преодолеть путь в совершенно противоположную точку Эрнбурга. И виной всему был готовящийся парад. По улицам гарцевали конные отряды рунаборжцев. Какие-то военнопленные нуараны таскали большие деревянные ящики туда-сюда, катили в гору тяжелые повозки, накрытые непроницаемой тканью, а простые горожане неспешно, подобно прудовым улиткам, угнетенно ползли вверх, в сторону проспекта Баль Бинаре. Их вялое движение сопровождалось пристальным вниманием небольших группок солдат в белых мундирах, дежуривших на каждом углу во главе с рунаборжским офицером.

И вот одна из таких групп, дежуривших почти у самого проспекта, заинтересовалась Ахимасом. Они остановили его и вежливо приказали подойти ближе.

— Назовите ваше имя! — велел старший офицер в идеально белом мундире. Он широко демонстративно улыбался.

— Эрнст Рэйнхорн, — Ахимас назвал новое имя.

Офицер потребовал документы. Лицо Ахимаса ему показалось знакомым. Глядя на него, офицер нахмурил лоб, но продолжал улыбаться из-за чего, его собственное лицо стало еще менее естественным. Он долго пытался вспомнить. Но, словно что-то не давало ему. Внешность Ахимаса не совпадала полностью ни с одним знакомым ему образом. Когда Ахимас протянул ему ундоскопию и медальон, офицер тщательно ее изучил. Он несколько раз прикладывал медальон к особому прибору, издававшему звон, а затем спросил:

— Вы впервые в Эрнбурге?

— Можно и так сказать. — ответил Ахимас.

— А я вас видел где-то раньше?

— Вероятно, в Осваннских газетах.

— Какова ваша цель посещения Агенориды?

— Торгово дипломатическая миссия. Я промышленный представитель.

— Да, конечно же! Представитель, — сказал офицер, расслабив наконец лоб. — Для чего вам оружие? У вас же есть лицензия?

— Да, вот этот документ, — спокойно ответил Ахимас.

Изучив документы, Рунаборжец сказал:

— Тут указана самооборона. Для чего вам самооборона?

— Время беспокойное.

— Как беспокойное? — Искренне удивился Офицер и переглянулся с другими солдатами. На лицах всех читалось недоумение. — Индекс счастья в Агенориде растет с каждым месяцем! А сегодня, люди особенно счастливы, ведь пройдет великий парад! Как тут кто-то может проявлять Агрессию? Нет, вы точно вводите нас в заблуждение! Вы же не озвучиваете эти в корне неверные мысли другим гражданам? Да? — лицо офицера помрачнело.

— Нет, офицер. Я вообще не люблю свои мысли озвучивать.

— Хм, — сказал офицер. — А это подозрительно! Человек, который много думает, но не говорит что думает!

— У нас в Осванне принято думать о науке и технике! — успокоил рунаборжца Ахимас.

— Да, просим прощения! Важному лицу вроде вас это совершенно позволительно! И,

даже оправданно! Но, вы тоже приходите на парад, господин Рэйнхорн! Уверен, это поможет в вашей деловой миссии!

— Обязательно приду!

— Хорошего дня!

— Вечно сиять! — попрощался Ахимас.

Но когда он уже отходил, офицер вновь его окликнул:

— Пойдите!

Ахимас обернулся. Офицер пристально взгляделся в его лицо. Он снова подумал, что где-то уже видел этого человека, но так и не смог вспомнить.

— Нет, все в порядке. Идите. — вновь сказал он.

Площадь, куда Ахимас направлялся, называлась Религио Квенси. По пути туда он потратил немало нервов. Центр проспекта Баль Бинарэ, был оцеплен солдатами. И Ахимасу пришлось пробираться окольными путями, сворачивая из одного переулка в другой. В одном из них Ахимас встретил мальчика, лет 12, который расклеивал плакаты розыска с его, Ахимаса портретом. За 60 риппэ, он купил у мальчика всю стопку плакатов. И безжалостно разорвал.

«Кто знает, как бы все обернулось, попадись такой плакат на глаза солдатам. Меня не спасли бы даже документы Осванны», — рассуждал он, уже стоя на площади Религио Квенси. Здесь высилось два величайших храма Агенориды. Собор первого света Кьяла и собор четырех надзирателей. Впрочем, величие собора Кьяла стремительно уничтожалось неумелыми рабочими. Они сбивали с порталов, ведущих внутрь собора, белоснежную кость рыб смерхов. После провозглашения новой религии она потеряла духовную ценность, но пробредшую немалую материальную.

Немного понаблюдав за рабочими, Ахимас взглянул выше. От площади на вершину горы протянулись рельсы. По ним ходили кабинки фуникулера — еще одного чуда, изобретенного хаилинами.

На фуникулере Ахимас добрался до района Лагип Лоа, что считался самым престижным в Эрнбурге. Он располагался почти у самой вершины горы. Отсюда открывался вид, на весь Эрнбург, да что там Эрнбург, вся зеленая чаша залива Элин, была как на ладони, и даже где-то там в дали юга, в дыму и туманах виднелись силуэты проклятых гор Аркафт. Лагип Лоа, был застроен милыми, словно бы кремовыми особнячками, окруженными регулярными садами, с причудливо стриженными кустами, изображавшими обитателей глубин океана.

Особняк Дангедросс, был одним из самых высоких строений в районе. Его небесно-синие стены и ажурные башенки были видны еще издали. Лишь только Ахимас, поднялся на гору, он понял, куда нужно двигаться.

Ахимас остановился у широких кованых ворот с золотым гербом. За воротами рос густой тропический сад. Кроны южных древ, вывезенных из запретных лесов старосферов унку надежно скрывали особняк от прохожих зевак. Виднелась только стеклянная крыша, ультрамаринового цвета игравшая бликами в лучах солнца. Перед воротами особняка было полно экипажей, новой реплимортизированной аристократии и прочих важных и занятых людей. Цветастые гербы на дверях экипажей и напыщенные лица слуг, ожидавших господ, отчетливо давали это понять.

Среди экипажей сильно выделялся один, что не имел ни лошадей, ни кучера. Это был самоходный, механический экипаж из Осванны. Ахимас, уже видел подобные, когда был в

этой чудной стране прогресса. Изящное, сделанное с любовью и заботой о мелочах транспортное средство, сверкало на солнце латунными механизмами мотора, расположенными над передним — ведущим колесом. Корпус экипажа был окрашен матовой краской чернильного цвета.

«Интересно, кто же это угодил в сети ресторана «Океанская глубина»? Хотя, может, это некто из знати, решил щегольнуть диковинкой? Сейчас я это узнаю».

Ахимас открыл ворота с золотой ракушкой на гербе и погрузился в тенистый, обволакивающе ароматный сад, полный ярких экзотических растений, вывезенных, откуда-то с берегов заповедного леса старосферов. Где-то в ветвях, громко кричали наглые птицы и здоровенные южные бабочки бойко опыляли бутоны.

Выбравшись из-под тени деревьев, Ахимас оказался на небольшом зеленом холме, где стоял тот самый особняк Дангедросс — единственный и неповторимый властелин Района Лагип Лоа. Здание, голубого цвета с построенное в прогрессивном осваннском стиле. Без преувеличения одно из красивейших в столице Агенориды. Тропический сад скрывал это сокровище от недостойных взоров извне.

Ахимас поспешил к входу с высокой мраморной лестницей. Там уже образовалась небольшая очередь из нескольких аристократов. Ахимас занял место позади пожилого, господина.

— Вечно сиять! — поприветствовал он подошедшего и сдержанно улыбнулся.

«Пересадыш или же нет?» — задумался Ахимас, изучая его лицо. С первого взгляда пожилой аристократ не был похож на жертву реплиморфирования.

Все, кто подвергся реплиморфированию, всегда и везде выглядели неестественно, неуместно и искусственно. Выразить простые человеческие эмоции, им было невероятно трудно. Пересадыши легко могли засмеяться, когда происходило что-то откровенно аморальное, или начать изливать все типы эмоций в то время как все окружающие спокойны и сдержаны. Поэтому они, чаще всего, предпочитали накинуть на свое лицо что-то усредненно-дружелюбное и не менять этого выражения без крайней нужды.

Лица реплиморфированных зачастую были болезненно-бледными или, наоборот, чересчур розовыми, словно они вышли из сауны. Рядом с пересадышами обычный человек чувствовал себя не в своей тарелке и не знал, как себя вести.

Ахимас, посмотрел на господ и дам, прятавшихся в тени от лучей вечносферы. Их кожа блестела и казалась как бы подтаявшей словно воск. По-видимому, энергия, посылаемая вечносферой, сегодня была особенно сильной.

«Да, поэтому то я так быстро и оклемался», — подумал Ахимас, вспомнив, как ужасно он чувствовал себя проснувшись.

Все ожидали, пока двое слуг у входа, проверят членские билеты. Слуги были здоровенными, выше любого нормального человека нуаранами — жителями восточных окраин Валлервена. Эта пара великанов, с фиолетовой, гладкой словно чешуя рыбы кожей была одета в дорогие темно-синие ливреи. Нуараны так дотошно проверяли билет, старого аристократа, что Ахимас даже начал переживать. Лучи вечносферы били прямо в его лицо. Ахимас заметил, как оно начало слегка плавиться. Внезапно произошло что-то странное. Ухо дворянина, отвалилось и упало на мраморный пол.

— У вас ухо упало, господин, — пробасил один из нуаранов и наклонился за ухом. Потом, любезно протянул господину. Тот нервно выхватил его из рук у слуги. Но прицеплять обратно не стал, а достал из внутреннего кармана сюртука белый шелковый платок и

трепетно завернул ухо в него. После этого Нуараны виновато расступились и пропустили господина внутрь.

«Все-таки пересаженный», — подумал Ахимас.

Подошла его очередь. Здоровяки как, будто уже удовлетворившие острую потребность в досмотре, не стали уделять его билету особого внимания, сверили серийные номера, даты и еще что-то. Хотя надпись: «Заверено лично Гвений Гносий Дангедрос», на момент и смутила одного из них. Во всяком случае, после проверки билета, он потребовал у Ахимаса его ундосокопию.

«Неужели узнали? — подумал Ахимас. — А на что я вообще рассчитывал?»

Однако увидев, что частицы Ахимаса смешанные и соответствуют понятию о так называемом «духовном человеке» расступились, сказав:

— Эрнст Рейнхорн, прошу, проходите! Ваш коллега уже ожидает внутри.

— Благодарю, — с достоинством ответил Ахимас, выцепив из рук верзил билет и документы. «Мой коллега? — подумал он. Эти двое точно меня с кем-то спутали. Не может быть, чтобы меня ждал кто-то».

Внутри Ахимаса и нескольких реплиморфированных господ встретили двое слуг эльфов в синих жилетах. Они повели всех по длинному белому коридору с колоннами и роскошной отделкой. Свет попадал сюда сквозь высокую стеклянную крышу. Все остановились перед высокими белыми дверьми, целиком вырезанными из костей рыб смерхов.

«Сколько же такие могут стоять! — подумал Ахимас. — Даже мой отец не позволял себе так деньгами разбрасываться». Двое услужливых Эльфов, отварили двери сразу, не дав ему морально подготовиться к предстоящему чуду.

Ахимас замер на месте. Перед ним предстал циклопических размеров зал уставленной несколькими десятками белоснежных столов. Зал словно дорогой десерт, был накрыт прозрачной полусферой, стеклянного купола. Его держал почти незримый серебряный каркас, больше напоминавший паутину. За стеклом была толща воды. Огромный аквариум опоясывал весь зал. В темной воде плавало великое множество самых разных, самых запоминающихся обитателей морей и океанов. Были тут и громадные опаснии и шустрые пестрые карнавалисы и даже страшные черные осьминоги! Они притаились где-то за камнями, и надеялись остаться незамеченными для других обитателей аквариума.

Ахимас, наконец, отошел от дверей, и слуги эльфы мягко закрыли их.

В самом зале было не меньшее разнообразие всевозможных форм жизни. Аристократы, официанты и официантки эльфийки, сомелье, слуги нуараны. Все, как в спектакле, играли свои роли.

Не было только музыкантов. Их, впрочем, заменило чудо, порождённое прогрессом. В самом центре зала, издавая мягкие мелодичные звуки, напоминавшие дуэт арфы и флейты, стоял большой и странно выглядящий аппарат.

К шарообразному, медному корпусу вели гнутые трубы как у органа. Внутри, за небольшими решеточками, прятались мелодично вибрировавшие пластины, напоминавшие рыбы жабры. Это был новейший осваннский Войсомат Нотосигизматор. Такие аппараты уже составляли достойную конкуренцию камерным оркестрам в подобных этому, элитных ресторанах.

Сейчас, в зале, Ахимас насчитал чуть менее сотни человек. Но, ему уже было не по себе при одной лишь мысли, как много народу, может собраться здесь одновременно.

«И почти все они реплиморфированные!» — подумал он, оглядывая посетителей.

Пройдя мимо круглых, накрытых белоснежными скатертями и сервированными лучшим лендруидским серебром столов, он остановился у войсомата. Ахимас заметил, что в дальней части зала, расположена арка ведущая во второй зал. Там был бар и какие-то люди играли за столами.

«Вероятно, там собрались те Авантюристы, которых упоминал Леонардо», — подумал Ахимас и услышал голос позади:

— Благородный господин!

Ахимас обернулся. Там стояла молодая, темноволосая эльфийка — официантка в синей жилетке. Она повторила обращение:

— Благородный господин!

— Да? — сказал Ахимас.

— Господин, зарезервировавший столик номер 12, просил меня передать, что он приглашает вас присоединиться к нему.

— Как зовут того господина? — спросил наемник.

— Он не назвал имени.

— Любопытно, — подумал Ахимас и направился к названному столу.

Столик номер 12, стоял у самой прозрачной стены, за которой плавали рыбы.

За столом в мягком синем кресле, освещенным большой, напольной лампой, сидел хаилин. Это был высокий, благородной серой масти волк. Он был красив, спокоен, даже холоден и создавал впечатление успешного, уверенного в себе зверя. Одет, хаилин, был дорого, но сдержанно. И единственным белым предметом одежды был, шелковый шейный платок с серебряной пряжкой. Все остальное деловой, фрак из хорошей бархатной ткани, сорочка и брюки были серыми и словно бы подчеркивали цвет его шерсти.

— Ахимас! Вечно сиять! — обратился к нему хаилин, лишь только заметив. Его голос, как у всех Хаилинов, был несколько неестественным, внутриутробным с отчетливым рычащим призывом. Сказывалось иное строение горла.

— Бирон Бененгрей? — удивился Ахимас. — И да светиться во все времена! Я никак не ожидал встретить вас сейчас, в Эрнбурге так еще и в этом ресторане.

— Но, а вот мне, напротив, некий внутренний голос подсказывал, что здесь я могу встретить вас, Ахимас.

— Я, очень рад нашей встречи, но у меня сразу к вам есть просьба.

— Какая?

— Ахимас, несколько сбавил голос и произнес: здесь, не могли бы вы называть меня Эрнст Рейнхорн

— Хм, вашу просьбу, пожалуй, нетрудно понять. Так, что Эрнст, не желаете составить мне компанию?

— С удовольствием, Бирон, — сказал Ахимас и сел в такое же уютное синее кресло напротив.

— Я слышал про вашу проблему, Эрнст, но признаться не в курсе, насколько все эти обвинения в ваш адрес, обоснованы, — начал беседу Бирон Бененгрей.

— Сильно преувеличены, Бирон. Я не пытался его убить...

— Что же, с каждым годом закон, все больше становится беззаконием, — согласился Хаилин.

Но, может, поделитесь подробностями?

— Такое, не принято высказывать вслух, особенно в таком людном месте... Да и

слишком уж мутная история, чтобы портить ей нашу чудную встречу. Лучше скажите, Бирон, не ваш ли это механический экипаж стоит у ворот?

От этого вопроса Бирон очень оживился и его хвост, как будто застучал по спинке кресла.

— Да это мой Данлоро 47 года выпуска. Модель, пожалуй, не самая новая, но безусловно, самая надежная из всего модельного ряда. А что же вы, Эрнст думаете, впечатляет?

— Боюсь, меня впечатлит совершенно любой механический экипаж, ибо я в них совершенно не разбираюсь. Да и при всем желании, достать, что-либо подобное за пределами вашей, Бирон, страны совершенно невозможно, — расстроено ответил Ахимас.

— И это очень, безумно досадно! Ведь с каждым годом у нас производят все больше экипажей и к 1060 году, мы в Осванне планируем, совершенно отказаться от конной тяги.

— Звучит слишком амбициозно, чтобы быть правдой!

— Пожалуй, действительно, сказано громко! Но, до сих пор мы всегда выполняли поставленные задачи! Да, мне ли вам говорить про реаксическое оружие. Армии всех стран, вооружены нашими образцами! — Бирон указал на себя.

— Ну, тут вам, почти никто не скажет спасибо! — серьезно сказал Ахимас.

— Оставим в стороне этический вопрос. Не мы это устроили. Мы придумали, вы применили. Вот, закончится война, так мы будем вам механические экипажи поставлять! Путешествовать по Валлервену станет в разы быстрее! Агенорида, Рунаборг, Ниндэйл!

Ахимас, снова услышал, как хвост застучал по спинке кресла.

— И в Вайлуру?

— Нет, к великому сожалению нет. Вайлура уже давно больше не является нашим приоритетом. Да, и маловероятно, что при нынешнем ее положении, механические экипажи будут пользоваться хоть каким-то спросом.

— Бирон, вам не кажется, что механический экипаж, звучит не слишком лаконично?

— Пожалуй. А вы, что же готовы предложить достойное название?

— Как насчет автомобиля? Автоматический и мобильный!

— Звучит, несколько лучше, хоть и не идеально. Но, боюсь, не от меня зависит, то как их будут называть. Хотя все равно, спасибо! Я подумаю над этим вариантом. Кстати, Эрнст, я хочу вас угостить. Здесь прекрасное вино, у них обширные винные погреба!

— Это неплохая идея. А вы здесь бывали раньше?

— Когда-то давно.

— Ну, а вот я в «Океанской глубине» первый раз, — сказал Ахимас.

— Тем более, повод попробовать. Здесь есть очень редкое вино, называется «Хэн Лаваре».

— Да, такое вино не в каждом ресторане подают, — согласился Ахимас.

— Официант! — Бирон окликнул молодого эльфа, проходившего мимо соседнего столика.

— Да, господин?

— Принесите нам два бокала «Хэн Лаварэ».

Когда официант ушел, Бирон обратился к Ахимасу:

— Эрнст, а я-то думал, что вы завсегдатай этого заведения.

— Почему вы так решили?

— Но, вы же из того самого ордена. Я знаю, что вы один из лучших в своем деле. А сюда

как раз приходят, чтобы нанимать лучших специалистов!

— Вы считаете, что они хорошие специалисты? — скептически спросил Ахимас.

— Так говорят.

— Но, это не так, возразил Ахимас. Большинство из них, породила война. Это просто предприимчивые дезертиры и бандиты, побочные продукты словом.

— Хм, мне рассказывали другое. Но вашему мнению, Эрнст, я, пожалуй, доверяю больше. Да, к слову, где эти специалисты?

— Обернитесь, Бирон. Видите, арку с противоположной стороны? Там находится другой зал, в котором и предпочитают обретаться эти люди, — указал Ахимас.

Рядом появился официант с серебряным подносом. Одной рукой он поставил оба бокала на стол и налил вина. Ахимас обратил внимание на бутылку. Она была черной словно вселенский океан, на ней были изображены золотые звезды и серебряная темносфера.

— Прощу, господи! Я всегда к вашим услугам.

Когда официант отошёл, Бирон продолжил разговор:

— Ну, а что вы думаете, про само заведение? Ну или, скажем этот зал.

— Я провел здесь еще слишком мало времени, чтобы сформировать мнение. Но, этот зал выглядит просто волшебным!

— Да, это потрясающе! — согласился хаилин. — Совершенно невозможно представить другое такое место.

— А этот огромный аквариум! Эти рыбы! — восторженным голосом сказал Ахимас.

— В самом деле Эрнст! Да вы взгляните на эту маленькую рыбку, что за стеклом. В ней настолько причудливо сплелись божественные частицы, что она, напоминает скорей механический аппарат, чем живое создание!

И действительно, маленькая, размером не более бутылки вина рыба, за толстым стеклом аквариума, выглядела как странное механическое устройство. Впереди у рыбы был длинный роговой нарост, напоминавший антенну. Круглые, неестественно-стеклянные глаза пристально смотрели на Ахимаса, странные, глубокие прорези на месте жабр, вибрировали. Тело было покрыто чешуей цвета меди. Двигалась рыба, совершенно неестественно, стараясь все время находиться неподалеку от столика, где сидели Бирон и Ахимас.

— Очень странное создание, — сказал Ахимас, и выпил глоток вина. — Неужели, даже такое можно встретить в природе?

— Чего только не водится в глубинах океана, — поддержал Бирон. — Быть может, это древнее существо осталось нам от старосферов унку?

— От чего-то я так не думаю, — возразил Ахимас.

— Ну да и ладно! Как вам вино?

— Чудесное вино. Такое вино, должно быть стоит не меньше 2 тыс. риппэ.

— Вы почти угадали, — сказал Бирон и пытливо взглянул на Ахимаса своими желтыми волчьими глазами. — Послушайте, Эрнст. Я, конечно, понимаю, ваше мнение относительно местных наемников и этого заведения. Но я так понимаю, что вы все же пришли сюда именно, чтобы найти заказ?

— Нет Бирон, не совсем за этим. Но я понимаю, к чему вы клоните.

— Вы весьма проницательны. Что вы думаете о том, чтобы поработать на меня?

— Зависит от того какая это работа? Вы промышленник и, вероятно, вам нужен телохранитель?

— Нет, Эрнст, сейчас вы ошибаетесь. Как с моей должностью, так и с вашей задачей.

— Вы меня заинтриговали.

— Недавно меня назначили новым министром всей осваннской промышленности, при дворе Леопольда IV.

— Примите мои поздравления, Бирон. Вы заняли, как никогда, высокое положение.

— Благодарю, Эрнст. Я тоже рад, что мои личные заслуги, наконец, оценили. Но была у этого и другая причина. С недавнего времени начались странные проблемы с производствами в Грегорбонне. Должно быть, вы знаете, там расположены наши крупнейшие фабрики. Мы поставляем на заводы и шахты, оборудование и занимаемся автоматизацией и контролем процессов, в обмен и получаем свой процент от прибыли.

После начала войны, и аннексии Агенориды, объемы производства сильно возросли. Рунаборг подписал с нами пакт, по которому 70 процентов всего произведенного и добытого идет на поддержание их армии. Все заводы сейчас работают на пределах своих мощностей, чтобы удовлетворить такой непомерный спрос. Вероятно, поэтому произошло две серьезные аварии. Теперь крупнейший завод и шахта Грегорбонна, выведены из строя. Один министр в правительстве Агенориды, считает, что это были спланированные диверсии. Но другие члены правления, включая Рунаборгского наместника, напротив, отвергают предположение о диверсиях.

— А что вы, Бирон, думаете?

Совет Осванны, поручил мне провести независимую инспекцию. Сегодня, кроме меня, во дворец должен прибыть грегорбоннский бургомистр. Он представит собравшимся важную информацию по этому делу. Я же, должен быть максимально непредвзят, чтобы сделать правильное заключение.

— Но быть непредвзятым вам не удастся? Иначе зачем вам нанимать меня.

— Вы правы. Но дело не только в этом. Есть куда более существенная проблема. Я договорился встретиться с другим хаилином этом ресторане. Он директор той фабрики, на которой случилось последнее происшествие. Воздержусь от слова диверсия. Пока воздержусь... — добавил Бирон с запозданием. — Он должен был сообщить мне важную информацию, на основе которой я планировал сделать выводы. Но директор так и не появился в назначенное время. Жду я его очень давно. Возможно, с ним что-то случилось.

— Так вот почему слуги, проверяющие билеты у входа, приняли меня за вашего коллегу.

— Простите что? Эрнст, как это могло произойти? — с недоумением спросил Бирон.

— Дело вот в чем, — с этими словами, Ахимас вытащил, висевший на шее медальон и ундоскопию.

— Позвольте взглянуть?

— Прошу.

Хаилин, молча изучил документ и медальон.

— Так вы тоже представитель промышленности? Опасную вы игру вы затеяли, Эрнст, — сказал Бирон, переходя на шепот.

— Вы, ведь понимаете, что это вынужденные меры? — прошептал Ахимас.

— Я, прекрасно это понимаю! — возразил Бирон Бененгрей. — Но, и вы должны понимать, если вскрыется что это...

— То, хуже уже не будет, — возразил Ахимас. — Тем более, вы, должно быть, слышали, что сулят за поимку некого Ахимаса Ардена... — добавил наемник еле слышно, — Так, что Бирон, лучше скажите, с чего вы решили, будто это вскрыется?

— Но, это же очевиднейшая липа. Простите за вульгаризм, — сказал Бирон Бененгрей и

протянул документы, обратно Ахимасу.

— Однако, совсем недавно, рунаборгский офицер, посчитал все подлинным.

— Боюсь, вам просто повезло. Это может вызвать дополнительные проблемы нам обоим.

— Что вы предлагаете?

— Как можно быстрее избавиться от этого предмета.

— Это исключено, учитывая то, сколько оно стоило. Но, спасибо за вашу заботу, Бирон, — сказал Ахимас, снова переходя на обычную речь. Он выпил оставшееся в бокале вино, а затем добавил: — Вы говорили про директора фабрики.

— Я не могу успокоиться. Эрнст, я опасаясь, что с ним могло произойти нечто ужасное.

— Почему вы так решили? Может, просто что-то не сложилось?

— Да, я бы так сильно не беспокоился, но есть один нюанс. Он сообщил, что если не придет в назначенное время, то его нет в живых, — сказал хаилин нервно.

— Бирон, возьмите себя в лапы! Точнее, руки... — поправил себя Ахимас. — Не стоит паниковать преждевременно. Он все еще может обнаружить себя. Но если с ним действительно, что-то стряслось, то ни о какой непредвзятости уже и речи быть не может. Вы заинтересовали меня этим делом. Мы давно знакомы, и я готов помочь вам, но я, все же должен спросить, какой будет моя награда?

— Эрнст, я, конечно, могу заплатить вам. Заплатить немало. Но, у меня есть к вам другое предложение...

Бирон, встал с кресла, подошел и наклонился к самому уху Ахимаса, так что его влажный волчий нос, оказался совсем близко.

— Скажу вам по секрету, в ближайшие три месяца, Осванна планирует закрыть границы для граждан других стран. Уж слишком много беженцев с войны! — произнеся это, Бирон сел обратно в кресло.

— Меня, назначили на пост министра, на сравнительно небольшой срок. Я решу все проблемы с производствами и через два месяца, вернусь на родину. Вам, Эрнст, я предлагаю отправиться со мной. Мы обеспечим вам прекрасную жизнь в Осванне и дадим много денег.

— Бирон, это звучит очень заманчиво. Но, пока, что я вынужден отказаться. У меня есть неотложное дело, здесь в Агенориде. И пока, я не выполню его, я не покину этой страны.

— Выходит, вы предпочитаете деньги?

— На данный момент, да.

— Хорошо, Эрнст, я уважаю ваш... — тут Ахимас перебил хаилина и странно взглянул на аквариум.

— Бирон, зря мы все-таки, обсуждаем все это здесь.

— Почему же?

— Возможно, вся эта благолепная атмосфера ресторана, и создает ощущение безопасности. Но, все же это заведение пользуется очень плохой репутацией.

— О чем вы? — насторожился Бирон и прислушался. Ахимас увидел, как динамично задвигались его острые уши.

— Вы же знаете, что нынешний владелец «Океанской глубины», антимон Трех клинков?

— Равер-рид? Да, знаю. Но, при чем здесь это? Ресторан и орден защитников церкви, вещи разные.

Тут уж Ахимас наклонился к пушистому серому уху волка:

— Однако, они неплохо сочетаются. Дело, в том, что за нами могли следить. Раньше в этом ресторане не было никакого «зала интересов» с наемниками. Он появился при Раверриде. Я считаю, что ему, за чем-то нужно держать в одном месте и влиятельных аристократов, и опасных людей. Все это слишком подозрительно. Все постоянные посетители этого ресторана, реплиморфированные. Да и наемники, могут сотрудничать с клинками. Поэтому за нами спокойно могли следить. И вот, к примеру, эта рыба за стеклом... Видите ее?

— Та странная рыба?

— Да. Вот именно что странная. Почему она здесь? Она совершенно не участвует в жизни аквариума. Будто и дела у нее нет, кроме как крутиться неподалеку от нас.

— Но, это же чепуха. Вам кажется.

— Отнюдь. Ее поведение, как-то не свойственно рыбам. Эх, Бирон! Вы так хорошо разбираетесь в технике и как же вы не понимаете... Сами же говорили, что она похожа на механизм.

— Пожалуй, с ней действительно что-то не так.

— Поэтому, Бирон, нам стоит немедленно сменить тему разговора, на что-то более безобидное. А еще лучше, будет встретиться сегодня вечером, в каком-то тихом месте. Возможно, от бургомистра Грегорбонна, вы узнаете что-то новое, про эти странные аварии. Также, нельзя исключать, что ваш коллега все-таки найдется.

— Эрнст, вы правы. Предлагаю встретиться в дворцовом саду, в 19 часов.

— Нет. Это плохое место, — отрезал Ахимас. — Там слишком много Рунаборгских солдат. Мне опасно появляться там. А за вами могут следить. У вас есть записная книжка? Я напишу другое место. Бирон вытащил из внутреннего кармана книжку в добротном кожаном переплете и угольный карандаш.

Ахимас принял это, и быстрым, жестким почерком записал: Портовый район, площадь «Сытых и старых». В 9 часов вечера, у бара «Звезда хромого».

Ахимас вернул записную книжку хаилину, тот прочел и спросил:

— Не слишком ли это опасное место, в такое позднее время?

— Для нас нет. У меня там есть уже проверенный знакомый. Главное, шанс слежки там минимален.

— Ахимас Арден? — послышался голос за спиной.

Наемник похолодел, но обернулся. Там стоял эльф.

— Вы ошиблись, — холодно отрезал Ахимас и уж было намеревался вернуться к разговору с Бироном.

— Как вам будет угодно, господин Эрнст Рейнхорн. Прошу прощения за так некультурно прерванную мной беседу.

— Что вам угодно? — спросил Ахимас и еще раз обернулся.

Теперь, помимо слуги, там стояло два огромных нуарана в ливреях.

«Когда они там возникли?» — подумал озадаченный Ахимас.

— Господин Мальтомайн Равер-рид, приглашает вас к себе в кабинет. Вы, конечно, можете отказаться. Однако, господин Равер-рид, предупреждает, это может иметь для вас дурные последствия.

— Я не собирался отказываться, — сказал Ахимас. — И сам планировал к нему прийти.

— Рад, это слышать.

— Бирон, к сожалению, нам придется, прервать нашу беседу.

— Ахимас, я вас понял. Удачи вам и до скорой встречи!

— Вечно сиять!

— И да светиться во все времена!

— Прежде чем отправимся к господину Риду, могу я вас спросить? Не знаете ли вы, как называется та удивительная рыба, что прямо сейчас уплывает от нас? — спросил у слуги Ахимас.

— Господин, вы про ту крохотную рыбку? — официант указал рукой.

— Именно.

— О, эта дивная рыба, называется «магнитола медно-чешуйчатая».

— Магнитола? Какое удивительное название.

— Полностью с вами согласен, природа столь многогранна. Но, прошу, пройдемте скорее за мной. Господин Равер-рид, просил нас поторопиться.

«Еще бы! Такая рыба в сеть попала!» — подумал Ахимас, в сопровождении верзил нуаранов следуя по удивительным галереям и коридорам особняка Дангедросс.

Глава 10. Две души

«Значит, это кабинет Мальтомайна Равер-рида?» — подумал Ахимас. Они стояли у высокой белой двери в конце западного крыла.

— Общайте господина Ахимаса Ардена, — сказал официант паре огромных, сильных слуг нуаранов. Верзилы с гранитными лицами осмотрели все его карманы, прохлопали от макушки и до пят и забрали «Флоазос Ж-40». Убедившись, что теперь Ахимас не представляет угрозы, один из них сказал:

— Порядок!

Из-за двери доносились голоса. Двое спорили:

— Так ты все понял?

— Да заткнись ты, уже! — ответил ему второй. — Я лучше тебя знаю!

— Знаешь, говоришь? Да ты до сих пор не усвоил, где твое место! — возразил первый голос.

— А я тебе! — пригрозил второй.

— А-а-а! — из-за двери послышался стон.

Слуга постучал в дверь. «Тук-Тук-Тук!»

— Господин, с вами все в порядке?

Не дожидаясь ответа, один из нуаранов распахнул. Слуга кинул Ахимасу:

— Проходите, скорее!

Ахимас вошёл. Это была большая красная комната с высокими окнами и длинными книжными стеллажами у стен. Тут было много дорогой, белой мебели вырезанной из кости рыбы смерха, широкий стол, огромная модель сферы, зовущаяся глобусом и синяя расшитая узором ширма.

— Господин Равер-рид. Вы в порядке? — повторил слуга.

— Да... Да... Все в порядке. Полном! — ответил раздражённо, кто-то находившийся за ширмой. — Я слушаю, что тебе?

— Господин, он прибыл.

— Кто там прибыл?

— Ахимас Арден.

— Арден? А наёмник, понятно.

— Это господин Мальтомайн, просил пригласить к нему Ахимаса Ардена, — пояснил слуга.

— Ну все ясно. Раз Мальтомайн то, конечно... — сказал холодный, надменный голос. — Прошу подождать минуту.

— Хм, — сказал Ахимас и задумался. «Неужели он действительно не в ладах с головой?»

Спустя минуту из-за ширмы вышел хорошо одетый, чуть выше Ахимаса ростом, красивый эльф ивенкарец.

На вид ему можно было дать не больше тридцати четырех. Его волнистые золотые волосы спадали на плечи. Уши Мальтомайна казались длиннее, чем у многих Эльфов. А бледно-бирюзовые глаза, были колкими словно битое стекло. Подобными чертами обладали представители эльфов потерянных народов. Чьи предки из-за гордости отказались селиться на пустынном юге Валлервена и ассимилироваться с местными. Эльфы потерянных народов

предпочли странствовать по свету.

Кожа Мальтомайна казалась неестественно бледной. Это было странно. Ведь под палящей эрнбургской вечносферой, было просто невысказано не потемнеть. Однако, Мальтомайну это все-таки удалось.

«Выходит, он действительно, почти не покидает этого особняка», — отметил, про эльфа Ахимас. Он взглянул на книгу, которую держал Мальтомайн. «Проблемы совместимости душ».

Мальтомайн встал напротив Ахимаса и приятным мелодичным голосом поприветствовал:

— Вечно сиять! Меня зовут Мальтомайн Равер-рид.

— Вечно сиять, — ответил Ахимас и добавил: — Очень приятно!

— Прошу, проходите, присаживайтесь, — сказал Мальтомайн любезно и указал на зеленую софу, а после обратился к слугам, стоявшим у Ахимаса за спиной: — Вы все свободны! Идите!

— Слушаюсь вас, — ответил слуга эльф, и изящно поклонившись, бесшумно закрыл за собой дверь.

«Как подозрительно он любезен. Учитывая, что обязан отправить меня в Анбелонген на расправу к Фольредору» — подумал Ахимас и прошел мимо громадных, доходивших до потолка стеллажей, уставленных книгами. Наемник задержался перед толстым дубовым столом. Все предметы на столе, словно были двумя враждующими лагерями. В правом лагере стояла белая мраморная чернильница. Красивая, но ужасно непрактичная, рядом стакан стальных перьев. В горшочке рос пурпурный склочник, капризное южное растение. Поверх стопки черных папок с грозной надписью секретно лежал томик «Новой веры» в серебряном переплете. Все эти предметы показались Ахимасу типичными для такого эльфа как Мальтомайн.

Но на другой половине стола были предметы, совершенно неожиданные. А именно: губная гармошка, охотничий кинжал в ножнах, череп лисицы подле недопитой бутылки кипарисового «лепормитак» и картинка эротического содержания в рамке.

Между правым и левым лагерем стола стоял странный аппарат, немногим больше черепа. Выглядел он как стеклянная полусфера в оправе, скрепленная с металлическим ящичком. На корпусе ящичка была кнопка, рычаг и подобие крохотного штурвала. Ахимас, нажал на кнопку. Аппарат зашумел и издал странный, ни на что не похожий звук. Полусфера засветилась, и он увидел на ней очертания предметов и людей за столами. Все было расплывчатым, не четким, словно в мутной воде.

— Арден, ничего не трогайте! — сказал, бесшумно подкравшийся Мальтомайн.

— Прошу прощения.

— Присаживайтесь. Позади вас удобная софа, — сказал он и выключил аппарат. Кнопка щёлкнула и изображение пропало.

Ахимас сел на предложенную софу. Мальтомайн устроился в мягком кожаном кресле напротив. Подлокотники были вырезаны из кости рыбы смерха, и изображали драконьи головы. Такое помпезное кресло идеально ему подходило.

«И это антимоном религиозного ордена «Трех клинков»?» — удивленно подумал Ахимас и обратил внимание на одежду Мальтомайна. Он был одет модно и дорого. Совсем не так аскетично, как подавало одеваться антимоно «Трех клинков». Никаких тебе галахид светотени и религиозных атрибутов. По костюму Мальтомайна, напротив становилось

очевидным, что хозяин пользовался своим положением и брал от жизни лучшее.

Во всяком случае, глядя на то, как идеально на Мальтомайне сидел темно-коричневый сюртук, лучшей ткани с длинными фалдами и белыми, фарфоровыми пуговицами, у Ахимаса сложилось именно такое мнение. Под сюртуком был надет ярко-алый жилет, с геометрическим узором. Дополняли картину, белый шейный платок с золотой булавкой и туфли. Модные черные мужские туфли идеально начищенные и сверкавшие словно ртуть.

— Желаете чаю? — обратился к нему Мальтомайн.

— Чаю? — удивился Ахимас, несколько неуместному предложению.

— Да чаю. Есть зеленый, черный, красный, и многие другие.

— Почему вы со мной так любезны?

— А почему бы мне не быть с вами таким любезным? Вы, Арден, ведь все равно не покинете этого здания. Если только я вас сам не отпущу. А я вас не отпущу.

— У вас, выходит, уже и планы на меня есть?

— У меня, пожалуй, нет на вас планов. Я не питаю к вам личной неприязни. Планы есть у его первосвященства Аполо Фольредора.

— Может, поделитесь?

— Поделиться его планами? — удивленно спросил Мальтоман и лукаво улыбнулся. — Я мало об этом знаю. Насколько мне известно, вы обладаете особыми частицами. И нужны Фольредору для каких-то новых экспериментов.

— Каких-то еще?

— Возможно, вы сами лучше меня понимаете каких. Ведь ранее он уже экспериментировал с вами.

— Да, экспериментировал... — сказал Ахимас и задумался: «Фольредор, хотел, чтобы мои частицы мимикрировали под частицы равновесия. Он хотел, чтобы потребность в правителях Теллурах совершенно отпала. Да! Но неспроста же он посадил меня в тюрьму? Ведь у него так и не получилось изменить мои частицы под равновесие. Что же еще в его голову взбрело?»

— Его первосвященство, снова увлеклись изучением частиц?

— Вероятнее всего. Вы же знаете, насколько для него важно создать идеального «духовного человека». Но вы скоро это сами узнаете. После нашей беседы, Арден, я под конвоем отправлю вас в Рунаборг. А пока мы можем побеседовать. Так вы желаете чаю или же нет?

— Нет, вынужден отказаться. У меня нет аппетита.

— У меня аппетит есть. Страшно люблю чай, — с этими словами, Мальтомайн встал и подошел к странной металлической трубе, висевшей на стене у камина. На конце у нее было изогнутое расширение, напоминавшее рог.

«Заварите нам серого бернийского чая!» — сказал Мальтомайн в это чудное приспособление.

— Я, кажется, сказал, что не буду! — вставил Ахимас.

— О, прошу простить, я не вас имел в виду.

— Здесь есть еще кто-то? — спросил Ахимас. Но Мальтомайн проигнорировал его вопрос. Вместо этого, в ожидании чая он снова сел в кресло и стал рассуждать:

— Я не понимаю. Как так могло произойти, что вы Ахимас Теллур Вайлурский, несчастный бастард, последний из ордена Онигия Оллания попали в мое заведение? Это просто удача?

Ахимас молчал. Тем временем Мальтомайн продолжал: — Нет это не удача. Что-то вам потребовалось здесь? Клиентов искали? Вы ведь уже общались с Бироном Бененгреем? А впрочем, вы его совершенно случайно встретили.

— Откуда вы знаете, с кем я беседовал?

— Официантка передала вам его приглашение и сообщила мне об этом.

Тут Ахимас снова обратил внимание на странный прибор на столе Мальтомайна.

— Разрешите вопрос? Этот прибор у вас на столе... Что это?

— Это? — спросил Мальтомайн, указав на странный прибор. — Система связи.

— А с кем можно связаться, через такой аппарат?

— С любым человеком, у которого есть такой же.

— Вероятно, таких мало?

— В Агенориде только два у меня и заместника. А почему вы спросили про аппарат?

— Да, так. Неожиданный интерес.

Мальтомайн испытующе взглянул на Ахимаса и на минуту замолчал.

«Кажется, он понял, что я знаю про странную рыбу», — подумал Ахимас.

— Так зачем вы здесь, Арден? — спросил Мальтомайн после паузы. — Если не ради Бененгрея, то ради чего вы решили рискнуть своей свободой, и пришли в мое заведение?

— Я вас удивлю.

— Неужели? Ну, попробуйте.

Но тут, в комнату беззвучно вошла служанка. Перед собой она катила столик на колесиках. На нем стоял фарфоровый сервиз. Столик остановился перед креслом с господином Мальтомайном. Служанка, изящно налила чай в две из них и удалилась. Ахимас с интересом оглядел сервиз.

С виду все чашки были похожи, зеленые с белой каймой. Однако на каждой был свой уникальный рисунок. Они изображали зверей. Здесь был олень, волк, лис и кабан. Ахимас посмотрел на чайничек. Там было изображено странное существо. Оно объединяло, черты всех четырех зверей и имело лицо человека.

— Подарок от епископа Лаорского, — сказал Мальтомайн и налил чай в чашку с лисом. Отпив, он сказал: — Серый бернийский чай. Один из моих любимых. Так, вы Арден, кажется, намеривались меня удивить.

— Да. Я здесь ради вас.

— Меня? Действительно, удивили!

— У нас есть общая знакомая. И она просила сообщить вам это: «алтимум дженус эквалибриум».

— Валери, — сказал Мальтомайн изменившимся голосом.

— Она самая, Валери Дитерле.

— Не ожидал я от вас услышать ее имя.

— А я от нее ваше, — отзеркалил Ахимас.

— И что вы в близких отношениях с Валери? Что вас связывает?

— Достаточно близки. А к чему эти вопросы?

— Да так. Неважно, — уклончиво ответил Мальтомайн. — Так что Валери просит для вас?

— Видите ли, Мальтомайн, я не случайно в Эрнбурге.

— Неужели? — сказал Мальтомайн, с ноткой колкости.

— Именно. Я очень озабочен состоянием императора Леопольда. Насколько я слышал,

он находится в предсмертном состоянии. Я как близкий родственник, хочу увидеть его. Он один из последних Теллуоров в Валлервенне, мне очень важно поговорить с ним. Нет, я обязан с ним поговорить.

— Даже, несмотря на состояние вашего дальнего родственника, решение навестить его, выглядит несколько надуманным. У вас явно другие цели. Вы хотите узнать от него что-то?

— Вроде того.

— Что же? И когда, вы последний раз разговаривали с ним?

— В том то и дело, что я не видел его с самого детства. Он наносил визит к нам в Эбинорг. Валери, сообщила мне, что вы единственный, кто может мне помочь связаться с больным. Это очень важно для меня.

Мальтомайн молча выслушал и, не допив чай, сказал:

— Я действительно многим обязан Валери, но вы Арден, заработали себе слишком плохую репутацию. Сейчас организовать вам аудиенцию с императором, будет очень непросто. Я бы сказал почти невозможно. Тем более, у вас даже нет достойной причины для этого. Мне нужно хорошо подумать о том, что вы просите. Поговорите пока с моим братом.

— Братом?

Не успел Ахимас опомниться, как произошло нечто страшное. От этого зрелища по его спине побежали мурашки. Холодные, кристально-бирюзовые глаза Мальтомайна, словно лишенные мышц, закатились и почернели. Они начали крутиться в глазницах. Длилось это всего несколько секунд. На их место выкатились другие глаза, теплые карие. Ахимас не поверил увиденному. Не дожидаясь реакции наемника, эльф сообщил следующее:

Не дожидаясь реакции наемника, эльф сообщил следующее:

— Вечно сиять, Ахимас Арден. Мое имя Эдвиан. Эдвиан Равер-рид.

— Маль... Мальтомайн? — неуверенно спросил Ахимас, до сих пор пребывая в состоянии шока.

— Нет, Эдвиан. Мальтомайн удалился ненадолго, хочет подумать наедине. Так что у нас с вами есть возможность познакомиться.

— Мы уже знакомы.

— Нет, нет. Это вам так могло показаться. Я сейчас все объясню.

Эдвиан с каким-то удивительным призрением взял в руку чашку с лисом, где был недопитый чай. Отпив немного, он сказал: — Как же он меня достал со своим чаем. По двадцать раз на дню пьет его.

— Он?

— Да он, Мальтомайн. Мы братья. Я старший, он младший. И как бы покорректнее выразится... А хотя все равно не выйдет. Словом, я мертвый!

— Ну, продолжайте. Меня это пока не удивляет, — растерянно продолжал Ахимас

— Я погиб несколько лет назад, при весьма неприятных обстоятельствах. Но Мальтомайн нашел способ, вернуть мою душу, поместив ее в свое тело. И теперь мы, те, кто мы есть! Мальтомайн и Эдвиан.

— Вы ведь не шутите? Я, конечно, слышал от Валери, да и не только от нее, про ваше раздвоение личности.

— Вы не думали, что раздвоение буквально?

— Именно!

— Но, вы же не думаете, что ваши органы чувств обманывают вас? Впрочем, можете не верить. Как хотите. — Эдвиан встал с кресла и подошел к столу, где стоял пурпурный

цветок. Долго не раздумывая, он вылил остатки чая в горшок несчастному растению. На место чая он налил в чашку «лепормитак» из стоявшей рядом откупоренной бутылки.

Вернувшись, он отпил алкоголь и спросил:

— Так что думаете, Мальтомайн я или же нет?

— Определенно нет. Сейчас я все понял. Но как это возможно?

— Вот, это вы лучше у Мальтомайна спросите, как он вернется. Он лучше вам расскажет.

— И каково это, делить одно тело на двоих?

— Не так трудно, как вы думаете, — Эдвиан, снова выпил глоток алкоголя. — Это довольно специфичное ощущение, которое не так-то легко передать словами.

— От чего-то я вам верю.

— Мы не можем существовать одновременно, приходится меняться поочередно. То он этим телом управляет, то я. Не слишком удобно, конечно... — Эдвиан закинул ногу на ногу.

— Он сейчас слышит нас?

— Можно и так сказать. Если я к нему лично захочу обратиться, то он, разумеется, меня услышит. Но, когда мы с вами говорим, он слышит не так отчетливо, как вы себе представляете. Если попытаться описать... Ох... Ну представьте, что вы в комнате, без окон и дверей. И откуда-то из-за стены доносятся слабо различимый разговор и звуки окружающего мира.

— Представил.

— Но это очень приблизительно. Повторяю!

— А все-таки кто в этом теле главный?

— Главный? Пожалуй, что он. Все же его тело!

— И вы спрашиваете его разрешения, если вам хочется побыть у руля?

— Не совсем. Мы на особом уровне чувствуем, потребности друг друга.

— Выходит, что у вас никогда не бывает разногласий?

— Нет. Разногласия у нас бывают. Редко, очень редко, к счастью. Если это случается, происходит очень страшное. Как бы обе души пытаются занять главенствующую роль и происходят странные сбои.

— Сбои?

— Да, это как будто бы вспышки молний внутри разума. Внутренние муки и разногласия, отражаются на лице. Тело в буквальном смысле может переключиться.

Ахимас подумал: «Выходит, в тот момент когда я вошел, у них был спор. Лицо Мальтомайна было странно напряженно. О чем они спорили?»

— Как же вы выходите из этого положения?

— Выходим? Нет... Выходим... — Эдвиан странно задумался, подперев подбородок ладонью. В другую он взял чашку и допил «лепормитак».

Ахимас, вы думаете, что кто-то из нас сдается и соглашается с оппонентом, но это не так. Если, мы не можем прийти к компромиссу, в голове возникает словно бы чей-то неслышимый, но осязаемый глас. Он и говорит, как поступить.

— Неслышимый глас? Как это может быть?

— Это опять-таки, нельзя описать словами. Но, после того как глас изречет решение спора, он словно бы стирает свое звучание из нашей памяти, оставляя только смысл. Но, от чего-то наша голова начинает болеть, когда я пытаюсь вспомнить этот глас. Ох, больно. — Эдвиан приложил ладонь ко лбу.

— Может быть, вы, Ахимас, расскажете о себе? Я слышал, что вы известный наемник, и недавно сбежали из заточения в тюрьме. И мне было бы очень интересно послушать об одном вашем расследовании... Ой, Мальтомайн говорит, что уже закончил размышления. Как не вовремя он хочет вернуться! Продолжим наш разговор позже.

Глаза эльфа, снова почернели и закружились внутри глазниц, но на сей раз в обратную сторону. Спину Ахимаса снова покрыли мурашки. В этот раз как будто даже больше. Тьма ушла, и движение замедлилось. Ахимас снова увидел знакомые, кристальные и колючие, как у него самого глаза.

— Признаться, я немного послушал ваш разговор и вынужден признать, что зря дал слово брату. Он сказал лишнее.

— Ма... Мальтомайн, вы хоть отворачивайтесь, когда происходит это...

— Это? Ах, вы про смену. Прошу простить. Я слышал, что вы знакомы с магией. Думал, вы к такому привычны.

«Ну понятно, что он на улицу не показывается. Так можно целую толпу распугать», — подумал Ахимас.

— Знаком. Но такое вижу впервые. И как вы вообще это смогли сделать с братом?

— А вам это действительно так важно знать?

— Принципиально.

— Разумеется, это сделал не я. Большого вам знать не нужно.

«Он лучше вам расскажет», — вспомнил слова Эдвиана, Ахимас.

Мальтомайн посмотрел на чашку с лисом, откуда только, что его внутренний брат пил «лепормитак». На его лицо отразилось отвращение и он, налил чаю в другую с изображением оленя.

— Никак он не научится.

— Разрешите бестактное предположение? — не удержался Ахимас. — Я правильно понял? Щетки для зубов у вас тоже разные?

— Что за нелепость? Я, пожалуй, воздержусь.

— Мальтомайн, может такое быть, что Эдвиан сделает нечто реально серьезное, но без вас. И это потом вам не понравится?

— Пока что подобного не было. Мы доверяем друг другу.

— А что, если такое все же произойдет?

— Нет. Я же в теле главный. К чему эти вопросы? Мы вернёмся к основной проблеме?

— Да, разумеется.

— Арден, можете ответить мне на вопрос? Если бы вы могли спасти жизнь Леопольду, вы бы сделали все возможное?

— Да я бы сделал все, что в моих силах.

— Отлично, Арден. Тогда давайте поможем друг другу.

— О чем идет речь?

— Именно о том, чтобы спасти императора.

— Рунаборг ведь не заинтересован в сохранении власти за Теллурами. Или я ошибаюсь?

— Ошибаетесь. Леопольд, старый правитель. И он совершенно лоялен к нашей политике. При нем довольно просто нести народу Агенориды идеи «Новой веры». Почему мы должны отнимать у старого больного правителя его последние годы на троне?

— А чем именно император болен? И как давно?

— Уже почти год. Я не помню, как именно называется его заболевание, однако знаю, что он связанно с критическим ослаблением энергетического поля.

— Ветовастатит я так догадываюсь? Людей, у которых эта болезнь еще называют «опустошёнными».

— Откуда вы это знаете?

— С каждым годом таких людей в Валлервене становится все больше. И кстати, говорят виной ваша «Новая вера».

— Не понимаю, к чему вы клоните? При чем здесь наша вера? Ведь она вдохновляет людей, а не отнимает у них силы!

— Понимаете, — уверенно сказал Ахимас. — Но меня интересует, почему император лежит прикованный к кровати? Ведь опустошенные часто ведут обычный, стабильный образ жизни. А император, так вообще не должен быть болен ветоваститом. Ведь с незапамятных времен и церковь и простые люди молились за императорский род, думали о правителях, отдавая им часть своей силы.

— Вы просто забыли! Теперь по нашим новым догмам все молитвы за императорский род считаются ересью! Силы молитв нужно давать только четверем надзирателям! А Теллуры — просто люди.

— Но можно было бы для спасения Леопольда IV пойти против правил?

— Это не поможет императору. Ведь у него особенно острая и нестабильная форма болезни.

«Что-то мне подсказывает, что и без того старый и ослабленный император, получил сильное «опустошение», лишившись молитв и энергии подданных. И пусть отвергают это...» — подумал Ахимас.

— Насколько острая?

— Настолько, что у него в последнее время не хватало сил даже говорить, а иногда и дышать!

— Вам не кажется, что при подобных заболеваниях, больной умирает в течение двух, самое долгое трех месяцев?

— Я не врач. К тому же императору уже много раз становилось хуже. И лишь силами талантливого рунаборгского лекаря Эбара Лорэ, его удавалось спасать. Во многом благодаря новому осваннскому препарату.

— Что еще за препарат? Насколько он действенен и безопасен?

— Мне не известно название. Но, раз вы говорите, что при остром «опустошении» люди долго не живут, то, значит, он помогал.

— Помогал? — с подозрением спросил Ахимас.

— Именно что! День назад ему снова вели его. Но уже вчера ночью, обнаружилось, что с императором произошло что-то странное. Мало того что препарат, похоже, не подействовал, так он вызвал какую-то страшную и непонятную реакцию! По словам присутствовавших, тело императора почернело и покрылось слизью! Он, словно начал плавиться!

«Плавиться? — подумал Ахимас. Что-то подобное же происходит с реплиморфированными людьми при воздействии сильной энергии. Но не может же император быть реплиморфированным? Те более, что у него, наоборот, нехватка энергии!»

— Вы не присутствовали?

— Нет, разумеется. Там были наместник Истериан Пьескуиндер, Дорий Эйрингросс и

еще несколько министров.

— Вы, Мальтомайн, сказали, что мы поможем друг другу. Что вы имели в виду?

— А вот что! Наместник, склонен считать, что это была попытка убийства императора. Он подозревает нас, орден «Трех клинков». Мне бы хотелось доказать чистоту, свою и ордена.

— Как парадоксально это звучит, учитывая, что вы оба подчиняетесь Фольредору.

— Он считает, что незаметно провернуть убийство императора, проще всего именно нам. Потому что именно мои лучшие люди охраняли покой императора до сегодняшнего дня.

— Да, но разве у ваших людей есть мотивация для убийства?

— Разумеется, нет! Это бред! И я даже знаю, кто привил его наместнику — Дорий Эйрингросс.

— Глава армии Агенориды?

— Да он. Вы, должно быть, знаете, что орден «Трех клинков» сравнительно недавно был независимым и боролся против власти Теллууров. Наместник теперь считает, что люди из нашего ордена хотят вернуть те времена.

— Убив старика императора? — переспросил Ахимас. — Слабый мотив. Хотя, если учесть роль клинков в «Пиджетейской катастрофе», то, конечно, смысл появляется... Где сейчас ваши люди? Те, что охраняли императора.

— Арестованы. Наместник лично допрашивает их.

— Ну хорошо, наместник подозревает ваш орден. А кого подозреваете вы?

— Ну, наследников, желающих скорейшей смерти императора нет. Рунаборг, заинтересован в сохранении власти за Леопольдом, поэтому все, кто связан с нами, не подходят. Я мог бы предположить, что это кто-то из Черного доминиона. Они единственные кому это на руку. Но нет ни малейшего доказательства в пользу этого предположения.

— Ну а что же лекарь? Ведь это он вводил препарат, я верно понимаю. — уточнил Ахимас. — Не мог же он действовать в одиночку?

— Его уже допрашивали. Сейчас он находится под домашним арестом.

— Что он рассказал? И насколько он надежный медик?

— Допросом занимался Эйрингросс. Мне известно мало. Лекарь отвергает свою вину и причастность к кому-либо. Это похоже на правду. Ведь он сам сообщил о странном ухудшении здоровья императора. Если был замешан в этом, то молчал бы. Он лицо проверенное и лечил императора с самого начала. Его кандидатуру одобрил лично Аполло Фольредор.

«Лекарь может быть невольным участником заговора. А лекарство могли и просто подменить», — подумал Ахимас

— Ампулу, или в чем там было лекарство, исследовали?

— К сожалению, это невозможно. Она просто пропала.

— Ампулу нужно найти и исследовать. Вы сказали, что лекарь под Арестом. В таком случае кто ухаживает за императором? Какое его нынешнее состояние?

— Было мало времени, чтобы выбрать достойного медика. Поэтому Анна Филиппа поставила на этот пост местного молодого специалиста.

— Кто этот местный лекарь?

— Его зовут Цимих. Он тоже рунаборжец по происхождению. И судя по его досье и ундоскопии, он неплохо зарекомендовал себя. К тому же Анна говорит о том, что Цимих

когда-то лечил и ее отца.

— Кто такая эта Анна?

— Сестра Дория Эйрингросса. Она министр науки. Поэтому ее мнению, доверяют.

— Очень любопытно. Анна Филиппа проходила процедуру реплиморфирования?

— Нет, не проходила, — ответил Мальтомайн.

— Но разве вы не боритесь с любыми носителями чистых частиц?

— Боремся. И до нее руки дойдут.

— А что этот Цимих, справился с задачей?

— Да, лекарь ввел ему другое лекарство и сообщил, что император в норме. Сегодня утром императора проверили люди наместника. Пока повода к беспокойству больше нет.

— А что с его странными симптомами?

— Говорят, что они почти исчезли. Император остыл и затвердел.

— В том, что вы рассказали, действительно есть странные детали, Мальтомайн. Но, и сам препарат вызывает у меня вопросы. Реакция, что последовала, была слишком нетипична. У меня появились некоторые предположения, кому все же выгодна смерть императора. Не знаю насчет того, выгодно ли это Черному доминиону, но раньше я бы решил, что это выгодно Рунаборгу!

— Нет, говорю же. Мало того что это будет нарушение пакта и вызовет бунты, так тем более, убить человека из рода равновесия! Вы знаете, что во всем Валлервене таких осталось лишь двое!

— Поздно же Рунаборг это понял! А из всей вашей истории, мне показалось странным этот врач Цимих. Почему он? Просто потому, что он Рунаборжец и его порекомендовали Эйрингроссы? Да, вам не кажется, что эта фамилия слишком часто фигурирует?

Внезапно раздался стук в дверь.

— Заходи! — сказал Мальтомайн.

Дверь открылась и в дверь вошел низкий человек в черной одежде с плащом и в капюшоне. На груди его была вышита небольшая красная эмблема, три сведенных остриями в одну точку клинка, окруженные кольцом. В руках человек держал черную папку.

«Это ассасин из его ордена», — подумал Ахимас.

— Ваше высококодеяние, господин Антимон.

— Слушаю. Что тебе?

— Господин, здесь новый отчет из Грегорбонна. — человек в черном протянул Мальтомайну кожаную черную папку. Антимон принял ее, открыл и, быстро пробежав глазами, сказал:

— Прекрасно. Теперь скройся!

— Слушаюсь! — сказал человек и бесшумно направился к двери.

«Интересно, что за документы ему принесли?» — подумал Ахимас. Мальтомайн положил папку на свою половину стола и продолжил:

— Эйрингроссы единственные старые аристократы в столице, оставшийся при власти. И одни из немногих, кто не подвергся реплиморфированию.

— Почему так?

— Своим нынешнем положением они полностью обязаны императору. В пакте, что был подписан Леопольдом IV, два года назад, был отдельный пункт. Там он просил закрепить

права главнокомандующего, за сыном Эйриха Эйрингросса — Дорием.

— Не слишком глупо для Рунаборга было оставлять его министром Армии? Насколько у него большое влияние?

— Довольно ограниченное. Он по факту и не глава никакой. Дорий командует коллаборационистами — остатками от агеноридкой армии. Реальными военными делами руководит наш рунаборгский человек, который себя не афиширует. Дорий же обложка для обывателей. Он выступает на людях, создает видимость, что за рулем свой человек — агеноридец! Хотя я давно заметил, что ведет он какую-то грязную игру. Его люди то и дело где-то себя засветят. Словом, наглый он стал в последнее время. Хоть мы с ним давние враги, но мотивов убить Леопольда у него, как будто бы и нет! Ведь он старому императору обязан всем.

— Да, Мальтомайн, вы правы. Его мотивация пока неясна. Однако он слишком, я бы сказал, чересчур близок к императору. Я так догадываюсь, что теперь вместо ваших клинков покои Леопольда охраняют гвардейцы Эйрингросса?

— Да это так.

— И вы это допускаете?

— Это был приказ наместника Истериана. Вы забыли, что теперь мой орден подозревают?

— Может Дорий хотя бы в теории претендовать на трон Агенориды?

— Это исключено. Если император умрет, и встанет вопрос о новом правителе, это будет кто-то из представителей рунаборгской теократии. Скорее всего, Истериан Пьескуиндер.

— Вы планируете включить Агенориду в вашу теократию?

— Можете считать, что Агенорида уже часть Рунаборга.

— Чтож ясно. Все это странно. Причастность Эйрингроссов пока трудно доказать. Однако, нам стоит действовать незамедлительно. Я не верю утверждению нового лекаря, о стабильном состоянии императора, как не верю, что выбор пал на него случайно.

— Я тоже склонен не доверять ему. Однако, император, действительно в относительном порядке.

— В любом случае стоит допросить лекарей. Думаю, что это будет правильным решением.

Мальтомайн встал и снова подошёл к странной металлической трубе, висевшей на стене.

— Говорит Мальтомайн. Как слышно?

Из трубы послышался глуховатый голос.

— Хорошо вас слышу, господин Равер-рид.

— Чудно! Через 5 минут подайте к главным воротам экипаж и двух всадников для сопровождения. В мой кабинет слугу. Нет двух! Выполняй.

— Слушаюсь, — донеслось из трубы.

— Арден, вы поедете со мной. Слуги проводят вас до экипажа. Мне пока нужно кое-что подготовить.

В дверь постучали и Мальтомайн сказал:

— Входи!

— В комнату вошли те же два нуарана.

— Слушаем ваш приказ, господин Равер-рид.

— Сопроводите этого человека до моего экипажа. Ведите себя прилично. И вот еще что:

— Мальтомайн протянул слуге бутылку лепормитак и с презрением сказал: — Избавься от этого!

— Слушаемся!

Глава 11. Эдвиан

Ахимас поднялся и в сопровождении двух хмурых иноземцев прошел по галереям, холлу, зеленой лужайке и тропическому саду с кричащими птицами. Пока наконец не оказался перед воротами. Самоходного экипажа Бирона Бененгрея больше не было на месте. Министр, похоже, уехал во дворец. Теперь среди ряда богатых золоченых карет и экипажей выделялась вороная, неприметная, без каких бы то ни было гербов или других знаков отличия карета. К ней-то верзилы нуараны и подвели Ахимаса. Он попытался разглядеть, кто там сидит на козлах, но лицо кучера скрывал капюшон. Ахимас взглянул на лошадей. Они были самыми запоминающимися. Породистые, благородной серой, почти серебряной масти в яблоках.

«Мальтомайн явно не дружит с головой. Он думает скрыться или, наоборот, привлечь к себе внимание. Или этих лошадей приказал запрячь Эдвиан?» — подумал Ахимас и сказал:

— Таких-то скакунов и запрягать тянуть карету?

Слуга прервал его:

— Садитесь, прошу.

Ахимас залез внутрь. Слуга закрыл за ним дверь.

Внутри карета оказалась мрачной, но уютной. Мягкие черные, обтянутые кожей сиденья друг напротив друга, стены, обитые красным бархатом и плотные парчовые занавеси на окнах. Ахимас чуть приоткрыл одну из них.

Нуаран никуда не ушел. Они вместе с напарником дежурили около кареты. Вдруг Ахимас услышал стук конских копыт по мостовой. Источник звука приближался. И, наконец, оказался совсем рядом.

Ахимас отдернул занавесь с другой стороны. Двое людей подъехали к экипажу. Несомненно, это были люди Мальтомайна. Одетые в практичные черные костюмы и плащи. На груди каждого была маленькая красная эмблема с тремя клинками.

— Такие же неприметные как экипаж, в котором я сижу, — подумал Ахимас.

В глубине сада он заприметил приближавшуюся фигуру. Это был Мальтомайн. Быстрым уверенным шагом он шел к карете.

— Вы свободны. Идите, возвращайтесь к обязанностям! — обратился он к нуаранам. — Ну а вы, — сказал он всадникам, — следуйте позади экипажа. Отправляемся немедленно.

— Куда едем? — спросил кучер меланхоличным голосом.

— Улица Тиматур Адвиранс, дом Эбара Лорэ.

Мальтомайн открыл дверь кареты и сел напротив Ахимаса. Кучер ударил кнутом, и карета тронулась. За окном поплыли особняки и сады.

— Мы едем к Эбару Лорэ. Так зовут лекаря, что заботился об императоре на протяжении полугода, — начал разговор Мальтомайн, он сейчас находится под домашним арестом.

— Через сколько мы будем у него?

— Через полчаса. Хотя в другой день были бы уже через 10 минут.

— Это из-за парада?

— Да. Лекарь живет недалеко от главных ворот. Кратчайший путь туда по Баль-Бинарэ.

А этот проспект сейчас заполнен людьми.

— Зачем вам вообще нужен этот парад?

— Увидите, когда он начнется, — загадочно сказал Мальтомайн.

— Все хотел спросить, почему в вашем ресторане совершенно не работают люди? Все слуги Эльфы, Нуараны и еще невесть кто.

— Я заметил, что посетителям по вкусу, что им подчиняются существа других рас. Им нравится чувствовать превосходство.

— Вам это тоже нравится? Ведь это ваши соотечественники ивенкарцы!

— Все они получают достойную плату, хорошо одеваются и живут намного лучше, чем у себя на родине. Несколько веков назад Теллуры милостиво даровали ивенкарцам земли на юго-востоке. А на деле просто загнали их в окраинные пустоши, непригодные для жизни! Работая на меня им просто не на что жаловаться. Им не приходится заниматься разбоем и грабежами как на родине!

— К слову о грабителях, Мальтомайн, я слышал, что и в Эрнбурге все довольно скверно с морскими разбойниками?

— Ну, какое-то отребье пробовало нападать на суда рунаборга, но наш флот быстро с этим покончил.

— Так быстро, что пришлось закрыть порт?

— Почему вы решили, что порт закрыт?

— Все об этом говорят. Говорят, что Рунаборг боится пиратов и даже заказал убийство нескольких капитанов. Вы человек, властный и сведущий. Должно быть, можете рассказать про это больше?

— Да с чего бы вдруг нашей теократии заниматься убийством каких-то матросов? Это же порт. Там одни бандиты. Видно, это очередные разборки, между пиратскими кланами.

Ахимас подумал: «Лжет. Он знает об убийствах в порту. Но главное, он еще раз подтвердил, что пираты грабили рунские корабли. Только кем же был убийца, застреленный мной? Не ассасином «Трех клинков». Может, наемником, как я? Вполне вероятно. Но главное, что убийства точно прекратятся. Орден «Трех клинков» сейчас в не лучшем положении. Им не нужны лишние проблемы и подозрения».

Карета наклонилась и Ахимаса вжало в спинку сиденья. Мальтоайна, наоборот, наклонило вперед. Они покидали район Лагип Лоа, и теперь по крутой дороге ведущий вдоль скалы, карета спускалась к площади Религио Квенси.

— Тут Эдвиан выказал желание поговорить с вами, — сказал Мальтомайн, чувствуя дискомфорт.

— Мне тоже интересно пообщаться с ним. Не каждый день встретишь две души в одном теле.

На сей раз Мальтомайн прикрыл глаза рукой и Ахимас уже не видел страшного круговорота. Когда эльф отнял руку от лица, на Ахимаса вновь смотрели карие глаза Эдвиана.

— Ахимас, рад снова вас видеть! Хорошо, что у нас, все-таки выдалась возможность еще пообщаться и познакомиться поближе.

— И я вас тоже. Эдвиан? вы, помню, упомянули странный голос в голове. Можете больше рассказать о нем?

— Ах, вы о том голосе. Знаете, забудьте Ахимас, это все мне лишь мерещится.

— Вы сказали, что этот голос помогает вам принимать решения. А затем, когда попытались о нем вспомнить, у вас внезапно заболела голова.

К счастью, у нас раздвоение, а не разтроение личности. И вы уж извините, Ахимас, но я

не хочу, чтобы наша голова разболелась еще больше.

— Да, пожалуй, было бы бестактно с моей стороны, заставляя вас испытывать боль.

— Все в порядке. Просто это не лучшая тема.

— Так, о чем вы, собственно, хотите поговорить?

— В кабинете у нас было мало времени. А я так хотел послушать о каком-нибудь из ваших расследований или необычных дел.

— Да?

— Ну... — Эдвиан задумался, — например, я слышал, про одно громкое преступление в Осванне. Убийство старого известного изобретателя Рихарда Бененгрея, занимавшегося поиском лекарства от опустошения. Я слышал, что вы раскрыли то убийство?

— Вы правильно слышали. А почему вас заинтересовало именно это расследование?

— А, да просто сын Рихарда Бененгрея, я слышал, прибыл в Эрнбург. Он теперь важный Осваннский министр. Вот, и подумал, как удивительно все переплелось, и как увлекательно будет это распутать!

— Я далеко не все могу рассказывать. Много тайна моих нанимателей.

— Но, может, все же поделитесь чем-нибудь эдаким? — по-сплетнически спросил Эдвиан.

— Кое-что есть. Но зачем это вам? Вы сегодня лично будете наблюдать за расследованием. Вы в нем даже поучаствуете, в каком-то смысле. Это намного интереснее, чем мои рассказы! Не каждый день пытаешься спасти жизнь императору!

— И точно! Вы совершенно правы. Но о чем поговорить тогда? А знаю! Ахимас, как вы относитесь к охоте?

— Положительно. Но не сказать, что я фанат. Я много путешествую, и мне часто приходится охотиться, на животных и рыб, чтобы просто прокормить себя.

— Это очень печально.

— Не слишком.

— В другое время, я бы не против устроить с вами совместную охоту. Жаль, что мы по разные стороны.

— Да мне тоже жаль.

— Какое оружие вы предпочитаете, дисоническое или реаксическое?

— Дисоническое предпочитаю.

— Да. Я тоже.

— Нечасто теперь таких, как вы встретишь. Знали бы, как трудно найти духовое оружие в Эрнбурге. Да и вообще оружие.

— Я знаю. Война все же. Сейчас почти все страны перешли на реаксические образцы.

— Тогда вы, наверное, знаете, где можно купить хорошее дисоническое оружие?

— Да не сказал бы, что знаю. В нашем ордене принято только дисоническое оружие. Поэтому у меня и так есть доступ ко всем моделям.

— Ясно. И какая модель у вас любимая?

— Ну, думаю Винтовка Дестиката.

— Да Остерванские винтовки одни из лучших согласен. Винтовка Дестиката слишком уж громоздкая и патронов мало. Хотя для охоты, действительно отличное оружие. Я предпочитаю Нефат 620 Нэмил.

— Да, вы знаете толк в оружии, Ахимас.

— Иначе и быть не может.

— Должно быть, вы и в охоте мастер? У вас много трофеев?

— Много трофеев? Не знаю. Мне сложно сказать. Для коллекционирования трофеев хорошо иметь замок или особняк. А у меня сейчас даже дома нет.

— Понимаю. Ну а если, скажем, вам бы выпала возможность купить особняк. Какую страну или место вы бы выбрали?

— Ну... Ахимас задумался не надолго. Это точно был бы старый уединенный замок в какой-нибудь тихой, спокойной, стране. Стране даже сонной в каком-то смысле.

— Сейчас тихих замков, уже не сыскать. Время не то, война. Да, вы еще и столько дел наворотили. Не думаю, что вам дадут спокойно жить вдали от мира.

— Если только не вернуть все как прежде.

— Вернуть все как прежде? Не смешите.

— Я серьезно. Вот Мальтомайну, это удалось отчасти.

— Это вы про меня, я так понимаю?

— Да, про вас.

— Ну про это сложно сказать, «как прежде».

— Слушайте, Эдвиан, а что, собственно, это за долг, из-за которого Мальтомайн мне помогает? Вы с ним так сильно обязаны Валери?

— Ну, это длинная история, так в двух словах и не расскажешь. А ехать нам осталось недолго.

Ахимас посмотрел в окно. И действительно, карета уже спустилась с крутой улочки, и теперь пересекала площадь Религио Квенси. Площадь была заполнена военными. Несколько тысяч солдат томились в построении. С противоположной стороны площади, там где стоял собор четырех надзирателей, огромные механические платформы ожидали начала парада. Их было около дюжины. Самая большая из них изображала белого голубя.

— Похоже, парад скоро начнется, — подумал Ахимас и сказал: — Вы расскажите, что успеете. Я буду признателен.

— Хорошо, слушайте. Я родом из Юрмарка это у хребта Суол на границе с Ниндейлом. Место очень уединенное и труднодоступное. Глушь, одним словом. Моя семья владела небольшим поместьем в этой глуши, и занималась... Ну, скажем так, импортом редких товаров из Ниндейла в Рунаборг, из Рунаборга в Ронатику и обратно.

— Контрабандой?

— Ну, да контрабандой. Вы догадливый, — Эдвиан лукаво улыбнулся. — Знаете, там место такое, что само велит заниматься этим. Границы трех стран в одном месте сходятся. А если проплыть чуть морем, так и в Осванну попасть можно.

— Мальтомайн сильно отличается от вас.

— Он от всей семьи отличался. С детства показал всем, что лучше владеет не руками, а мозгом. Вот родители и решили, что его будет выгоднее отправить в университет. Дескать, довольно нашему роду прозябать на горном отшибе. Пора снова в общество выйти.

Карета покинула церковную площадь и теперь катила по каким-то узким переулкам у проспекта Баль Бинарэ. Однако, даже здесь народу было много. Всех стогнали на предстоящий парад.

— Кстати, а почему ваша семья поселилась так далеко от цивилизации? Оседлый образ жизни нетипичен для эльфов потерянных народов.

— Вот, честно бес понятия. Рассказывал мне отец, почему мы там поселились, но я уже забыл давно. О том, что наш народ из гордости и обиды на империю кочует по всему

Валлервенну, я знаю.

Карета выехала из переулка. Свернула направо, затем налево и проехала под небольшим мостиком. Ахимас взглянул наверх. По мосту шли толпы народа. Мост трещал под тяжестью шагов, а опоры скрипели.

«Хорошо, что он не обрушился на нас», — подумал Ахимас, его снова вжало в сиденье. Карета быстро устремилась вниз по склону.

— То, за что мы обязаны Валери, — продолжил Эдвиан, — произошло довольно давно. Наши родители умерли лет десять назад, а все, кто вместе с нами контрабанду перевозил, разошлись и устроили свои банды. В общем, пришлось мне самому как-то все делать. Мальтомайн в то время уже в университете учился. А я ему деньги отсылал. За двоих работал. И видно, чересчур много на себя взвалил. Подорвал здоровье и облажался.

Хотя нет. Не в здоровье дело, отцовского опыта у меня не было. А тут еще война, границы усилили. В общем, полиция меня раскрыла. Я смог вовремя прихватить все деньги и скрылся в леса. Была там одна, ну, как бы сказать... — ивенкарец задумался, — пещера, тайное место о котором знали только я и Мальтомайн. Мы в детстве любили играть в ней. Возможно все бы и обошлось, если бы не он.

Похоже, ректорату университета сообщили о том, что у Мальтомайна брат замешан в криминале. Они посчитали, что это может повредить репутации их учебного заведения. Мальтомайна исключили, и он приехал обратно в поместье.

— А я никак не мог предупредить его, что там дома засада. В общем, полиция его поймала. Допрос он провалил и рассказал о нашей пещере. Оно и понятно. Война веде началась. С контрабандистами, пускай и аристократами, в такое время никто не стал бы церемониться. Полиция пришла в укрытие и расстреляла меня.

Карета свернула на тенистый бульвар. Здесь людей было чуть меньше.

— А как Мальтомайн спасся?

— Его выручила Валери. Она училась вместе с ним. Лишь только она узнала, что у Мальтомайна неприятности, приехала в Юрмарк.

— Так вот откуда вы друг друга знаете. Валери договорилась с полицейскими? Как?

— Я не знаю. Да она и не договаривалась, кажется. Наняла несколько умелых наемников. Они перестреляли полицейских. Валери должно быть много тогда заплатила за их услуги. Но не зря. Мальтомайну, правда, все равно пришлось бежать из Юрмарка.

— Выходит, вы этим обязаны Валери?

— Этим. И не только. Валери многое сделала для Мальтомайна и для меня. Я буквально ей обязан свои... — недоговорил Эдвиан.

— И для вас тоже?

— Ах, ха! Ну да... тоже... — странно растерялся Эдвиан. — Ахимас, знаете, я чем больше с вами говорю, тем больше замечаю, как мы похожи.

— Чем же? — спросил Ахимас и улыбнулся.

— Ну хотя бы тем, что и вы, и мы с Мальтомайном, уникальны в своем роде. Мы два существа в одном теле, а вы, я слышал, единственный кто обладает частицами, способными постоянно меняться.

— Не сказал бы, что это одно и то же.

— Расскажите, каково это — обладать такими частицами? Что вы ощущаете? Как пользуетесь своим преимуществом?

— Ох... — многозначительно выдохнул Ахимас и подумал: «Черт, да что он

прицепился? То про расследование, то про частицы. А я уж думал, просто непринуждённая беседа будет».

Карета сбавила ход.

— Ну с чего бы начать... — проговорил Ахимас.

Карета затормозила и резко остановилась.

— Господин Равер-Рид, мы на месте! — Сказал кучер.

— Ох. Кажется, наш разговор подошел к концу! — сказал Ахимас с облегчением.

— Да, к сожалению, — согласился Эдвиан и грустно улыбнувшись добавил: —

Мальтомайн твой выход!

Глава 12. Придворный лекарь

Карета стояла на широкой и людной улице. Трехэтажный дом, что был виден из кареты, выглядел скромно, но не бедно. Светло-зеленого цвета стены балкон на третьем этаже. Высокие окна с белыми ставнями. В домах подобных этому обычно селятся люди среднего достатка, так или иначе, связанные с наукой или государственной деятельностью. Их доход, обычно чуть меньше купеческого, однако вкуса несравненно больше. Чужда им и псевдороскошь и аляпистость купеческих домов.

Дежуривший на крыльце дома офицер в Агеноридской зеленой-черной униформе, подошёл к карете и гаркнул:

— Приказом главнокомандующего Дория Филиппа Эйрингросса, не велено пускать, кого бы то ни было, к лекарю Эбару Лорэ. Кто прибыл, отвечайте?

— Его высокодеяние Мальтомайн Равер-рид — Антимон ордена «Трех клинков», — ответил один из ассасинов на лошади, сопровождавших карету.

— Антимон трех клинков? — удивился офицер.

— Ну, что, Арден, выходите! — обратился к Ахимасу, Мальтомайн и открыл дверь кареты.

Ахимас проследовал за ним. Солдат отдал честь прошедшему мимо Мальтомайну, но при приближении Ахимаса набрался наглости и загородил проход, а затем обратился к Мальтомайну:

— Ваше высокодеяние, боюсь, мы не можем пропустить вашего спутника.

— Что?

— Так точно! Не можем! Это опасный государственный преступник.

— Ты плохо слышишь, солдат? С дороги сейчас же! Не видишь кто я? Сам антимон ордена «Трех клинков». Если я сказал пропустить этого человека, то ты обязан пропустить!

— Прошу простить ваше... Но у меня строжайший приказ. Главнокомандующий...

— Еще стоишь? Ну, что же поделать. Видно, больше ты стоять не будешь! — сказал Мальтомайн двусмысленно.

Солдат оторопевший, запоздало расступился и пропустил Ахимаса. Оба вошли в дом. В холле около лестницы дежурили двое других военных рангом пониже.

— Где Эбар Лорэ? — спросил у них Мальтомайн.

— Сейчас он наверху в кабинете.

Поднимаясь по лестнице Ахимас обратился к эльфу:

— Мальтомайн, дом охраняют гвардейцы Эйрингросса, а не Рунаборжцы!

— Да, я тоже считаю это странным, — согласился эльф.

На третьем этаже Мальтомайн остановился перед небольшой белой дверью. Постучав, он спросил:

— Господин Эбар Лорэ, придворный лекарь?

— Да, кто это там? — послышался из-за двери старческий голос.

— Мальтомайн Равер-рид — антимон «Трех клинков».

— Господин Равер-рид! Заходите, прошу. Я очень рад вас видеть!

— Вы с ним знакомы? — спросил Ахимас, обращаясь к антимону.

— Немного, — ответил Мальтомайн и открыл дверь.

Перед ними предстала комната, заваленная книгами. Они были везде. Лежали на столе,

под столом, в креслах и просто на полу. На окна были спешно навешены железные решетки. Похоже, хозяина нескоро планировали выпустить из-под домашнего ареста.

— Вечно сиять! — поприветствовал Мальтомайн

— И да светиться во все времена, — ответил лекарь. Он сидел на ковре и перебирал стопку книг. Ахимас изучил его внимательнее. Пожилой, невысокий рунаборжец с очень бледной кожей. Возраст около 60. Седые бакенбарды и залысина. Словом, довольно типичная внешность для лекаря. Не хватало только очков. Одет Эбар Лорэ был в домашний халат в крупную серую клетку.

— Что у вас здесь происходит? — спросил Мальтомайн и осмотрел комнату.

— Вы про эти книги?

— Про все это.

— Да это проклятый обыск, будь он не ладен, — проворчал Эбар Лоре и поднялся на ноги.

— Обыск? Что? Кто отдал приказ?

— Известно кто. Дорий Эйрингросс.

— Когда это произошло? — спросил Мальтомайн.

— Почти сразу после моего задержания. Когда меня привезли из дворца в сопровождении охраны, его люди уже рылись в моем доме.

— Что они искали?

— Журнал наблюдений они искали. Там по дням была расписана болезнь императора.

«Действуют на опережение», — подумал Ахимас.

— Не хотите присесть? — спросил лекарь, переложив стопку книг со стула на стол.

— Благодарю, — сказал Мальтомайн и сел. Ахимас освободил себе другой стул, а лекарь, снова уселся на пол.

— И ведь только сейчас я понял, что пропало оба экземпляра! — сказал Эбар, — Оба, господин Равер-рид. Наверняка один из них отдали этому шарлатану Цимиху. Подумать только, что меня Эбара Лорэ, заменили таким бездарем! Без моего журнала, поди этот самоучка и градусник засунуть куда надо не сможет! Но, я так просто не сдамся! Я не виновен! Я не пытался убить императора. И я это, конечно же, докажу.

— Каким образом? — спросил Ахимас.

Эбар Лорэ прищурился, вглядываясь в лицо Ахимаса. Наемник понял, что лекарь близорук.

— Господин Равер-рид, простите, не лежат ли там на столе мои очки?

— Да, вот они. — Мальтомайн наклонился и протянул лекарю очки. Последний, надел их и снова посмотрел на наемника. Ахимасу не понравился этот взгляд. Лекарь сказал:

— Постойте, я знаю вас. Вы Ахимас Арден! Я сперва подумал, что вы кто-то из клинков.

— Да, я Ахимас Арден. Надеюсь, вы знаете меня в хорошем свете?

— Отнюдь.

— Господин Равер-Рид, что этот преступник здесь делает? Он должен быть в тюрьме Анбелонгена за то, что пытался убить его первосвященство Фольредора!

— Не надо переживать. Он находится под моим строгим наблюдением, — успокоил лекаря Мальтомайн.

«Такое чувство, что меня принимают за какого-то психа или маньяка», — подумал Ахимас. Между тем Мальтомайн продолжал:

— Боюсь не только на вас пало подозрение, Эбар.

— И на вас господин Равер-рид?

Вместо ответа, Мальтомайн сказал:

— Мы с Арденом решили провести расследование. И у нас есть к вам несколько вопросов. Тем более вы сказали, что будете отстаивать свою невиновность.

— Собираюсь и буду! — твердо сказал лекарь.

— Вы, должно быть, знаете, что Ахимас Арден — хороший сыщик. Он задаст вам несколько вопросов.

— Ну... — лекарь замялся и, прикусив краешек уса, взглянул на Ахимаса, а потом на Мальтомайна. Собравшись и, как бы бодрясь, он сказал: — Ну хорошо! Я скажу все! Все, что знаю!

«Как на допросе, — подумал Ахимас. — Начну с простого».

— Чем болен император?

— Но! — предупреждая сказал Эбар. — Это врачебная тайна!

— Мы сохраним эту тайну. Говорите смело, — успокоил лекарь Мальтомайн.

— Его Императорское сейчас находится в сильнейшем ветовастическом кризисе.

«Как я и предполагал», — подумал Ахимас и спросил: — Как давно заболел император?

— Его императорское величество, заболели 10 месяцев назад.

— А вы лечите его с начала болезни?

— Лечил с самого начала и до недавних пор.

— При каких обстоятельствах Леопольд IV заболел? Обычно «опустошение» не так-то легко получить.

Лекарь замолчал, и его уверенность как-то подозрительно улетучилась. Он вопрошающе, заискивающим кошачьим взглядом посмотрел на Мальтомайна. Антимон «Трех клинков» тоже взглянул на лекаря, но лишь краем глаза. На лице Мальтомайна отразилась гримаса неудовольствия.

— Император никогда не отличался крепким здоровьем. Его ветоскаматическое поле к началу болезни уже было в ослабленном состоянии. Поэтому неудивительно, что восстания и бунты на севере страны вызвали у императора шок и еще больше ослабили его.

— Вы уверены, что причиной не послужила отмена всех молитв и церковных мероприятий, нацеленных на зарядку поля правителя? Все-таки тысячу лет императорский род поддерживала энергия подданных. А сейчас все это было отменено. Немудрено, что его величество получили шок.

— Да нет, вы что! Это совершенно несвязанно. И что вы лезете со своими нелепыми мыслями?! Я же тут врач и я говорю, что император и до этого страдал от ветовастита! Просто около года назад он перешел в острую, критическую форму — ветодиструктит.

— Разве при ветодиструктите, больной умирает в течение пары недель?

— Умирает, да! Тело человека начинает сморщиваться, сжиматься как чернослив и крошиться от недостатка энергии!

— И как вы сумели поддерживать здоровье императора, все эти месяцы?

— Это все новое лекарство. Изобретение осваннских медиков.

— Как называется это новое лекарство?

— «Паракатулак весионис».

— С его помощью можно победить болезнь?

— Опустошение пока еще нельзя победить, но можно отсрочить смерть на несколько

лет!

— Лекарство проверено? Почему я о нем никогда не слышал?

— Потому что вы не врач! — сердито выкрикнул Лорэ. — Это лекарство — новый прототип. Его не продают кому попало! К тому же его постоянно улучшают!

— Вы вводили императору какой-то сырой прототип?

— Арден, так постановил рунаборгский медицинский совет. Довольно спрашивать то, что вас не касается! — вмешался Мальтомайн.

— Как часто императору вводили лекарство? — спросил Ахимас.

— В начале каждого месяца.

— Позавчера вы тоже ввели ему препарат, но императору стало хуже. Не может быть такого, что болезнь приспособилась к лекарству? Тем более, оно новое, а значит, слабоизученное.

— Это крайне маловероятно! Я как медик скажу вам, это энергетическое заболевание. Здесь нет вируса или бактерии, способной получить резистентность к препарату! Да и в таком случае лекарство просто не подействовало бы. А тут такая реакция!

— Но что за реакция? Можете рассказать по порядку?

— Да мне даже вспоминать это больно! В 14 часов я зашел в покои императора. Его состояние было стабильным. Тело выглядело умеренно истощенным, а температура была немного сниженной. Дыхание также в порядке. И единственная странность, на которую я обратил внимание, крылась в его голове. У меня сложилось такое чувство, что вся энергия и тепло перетекли из тела в голову! Я измерил температуру. Голова была сильно горячее остального тела. Примерно 80 зиппен!

Я сделал подготовительные компрессы для тела и охлаждающие для головы, после чего ввел препарат и ушел. Вечером я вернулся в покои, чтобы проверить действие препарата. Сперва я не заметил ничего странного. Тело императора было укрыто одеялами. Его величество попытались что-то сказать мне. Я никак не мог разобрать слов.

— С речью императора, что-то не в порядке?

— Да, он уже на протяжении месяца часто не может нормально говорить. Его речь стала больше похожа на бессвязную кашу из звуков. Предполагаю, что болезнь оказала негативное влияние на головной мозг. Однако в тот злополучный день, все же, я разобрал его слова. Он страдал от острой боли и жара во всем теле. Сперва я прикоснулся к его лбу, он был еще более горячим и пульсировал! Тогда я приподнял одеяло и страшно испугался. Все тело императора было покрыто густой слизью!

— Слизью?

— Да именно! Это что-то странное. Никогда вовремя ветоидиструктита не выделяется ничего подобного! Обычно в предсмертном состоянии тело, наоборот, иссыхает как мумия! Но тело императора мало того что выделяло слизь, оно само было мягким как студень! Касаясь его, можно было нечаянно повредить! Я измерил температуру. Она зашкаливала. Около 110 зиппен! Тело плавилось! И что самое странное, голова оставалась твердой и почти нормальной, не считая пульсации! Она усиливалась с каждой минутой!

— Пульсация? — переспросил Мальтомайн.

— Да. Голова пульсировала так сильно, словно мозг внутри шевелился. Мне никогда не доводилось сталкиваться с подобным. Я налил императору обогащенную препаратами ванну со льдом и погрузил его туда, чтобы смыть слизь, а после сообщил наместнику про все это. Через полчаса в покои императоры пришли наместник, а также брат и сестра Эйрингросс.

Меня обвинили, сказав, что я ввел императору какой-то яд. Я был тут же арестован. А теперь на мое место поставили этого бездаря Цимиха.

— Мальтомайн, — обратился к антимуону Ахимас, — а этот новый врач Цимих, как отчитывался о реабилитации императора? Он поборол жуткие симптомы?

— Арден, я не в курсе точных деталей. Но, кажется, с императором все нормально теперь. Его тело затвердело, а температура понизилась.

— Выходит, этот Цимих, не такой уж бездарь, — сказал Ахимас и обратился к лекарю. — Почему вы его так называете? Это личная неприязнь или вы что-то про него знаете?

— Знаю, разумеется! — сказал Лекарь. — Этот лицемер Цимих, как и я родом из Анбелонгена, но ненавидит Рунаборг и наши великие идеи! Был когда-то один разговор, где он, на чем свет стоит, крыл «Новую веру» и святые принципы создания духовного человека!

— Вы слышали о неприязни Цимиха к рунаборгу? — спросил Ахимас у Мальтомайна.

— Я что, по-вашему, всех врачей Эрнбурга знаю?

— А почему он их так ненавидит? Он же ваш земляк, — обратился к лекарю Ахимас.

— Да, кто его знает? Что-то он говорил про свою семью, мол реплиморфировали их. Не разве это причина? — с недоумением спросил Эбар и посмотрел на Мальтомайна.

Антимон одобрительно покивал головой.

— Скажите. Эбар, в чем был сам препарат? Это пузырек, порошок или, быть может, ампулы? — спросил Ахимас.

— Паракатулак Венсионис хранится в маленьких стеклянных ампулах.

«В ампулу трудно, что-то подмешать. Ее проще подменить. А подменить ее мог только тот, у кого есть доступ», — подумал Ахимас.

— Где хранились эти ампулы? У вас?

— Во дворце есть склад.

— И кто имеет доступ к складу?

— Только я и Иона Макар.

— Кто такой этот Иона Макар?

— Он глава тех. обеспечения и изобретатель, — сказал Мальтомайн.

— Инициатива закупать этот препарат принадлежит ему?

— Нет, это я настоял на закупке всей партии, — сказал Лекарь.

— Скажите, Эбар, а не жаловался ли император на что-то странное за прошедший месяц? Быть может, он говорил о чем-то необычном, о чем-то таком, чему вы не придали значения?

Эбар Лоре подошел к окну с решетками и сказал:

— Мой журнал, что я ввел... Его конфисковали. Там по дням было все записано.

— Постарайтесь вспомнить.

— Я попробую, — пообещал Лекарь.

Ахимас обернулся к Мальтомайну и спросил:

— Его проверяли? Этого главу обеспечения.

— Нет, он уже неделю не был во дворце.

— А где же тогда он?

— Иона Макар руководит подготовкой оборудования к сегодняшнему параду.

— А что он из себя представляет?

— Иона изобретатель и раньше жил в Остервании. Потом женился на Агенорке и

незадолго до войны перебрался в Эрнбург. Ненависти к идеям рунаборга он никогда не выказывал. Эдакая тихая мышка. Так что он не подвергся пересаживанию. Он хорошо разбирается в технике. После реплиморфирования Иона мог бы утратить эти качества, вместе с частицами. А это не выгодно!

«Ох уж эти руны, — подумал Ахимас. — Всех хотят лишить чистых частиц, но, когда дело заходит о выгоде, идут против своих духовных принципов!»

— Ясно, — сказал наемник, — Ну, что же, стоит к этой «тихой мышке» присмотреться внимательнее.

Эбар Лорэ подошел к Ахимасу.

— Конечно, чего-то настолько же страшного не было с императором ранее. Но из того, что я вспомнил, самое странное это звуки. За последний месяц император постоянно жаловался на странные звуки.

— На что похожи эти звуки? Вы их слышали?

— Я не слышал никаких звуков.

— Ну хорошо, вы не слышали... Быть может, кто-то другой их слышал?

— Нет, говорю же. Его величество говорили, что слышат звуки прямо сейчас, в тот момент, когда я спрашивал. Тогда я списал это на бред больного.

— Как сам император описывал их?

— Как очень высокие, вибрирующие, протяжные и болезненные.

Ахимас задумался и через минуту сказал:

— Спасибо Эбар, вы очень нам помогли! — после наемник обратился к эльфу: — Мальтомайн, мы можем отойти?

— Ну хорошо.

Они вышли за дверь кабинета, в длинный коридор. Ахимас посмотрел направо, налево и убедившись, что рядом никого нет, сказал:

— Мальтомайн, вы знаете, что такое ундоскоп?

— Разумеется, знаю, — Мальтомайн приложил руку к подбородку. — Это осванский прибор, с его помощью можно создавать ундоскопию и классифицировать человека и его частицы. Так при чем здесь удоскоп?

— Еще как причем. Ундоскоп посылает на человека пучок волн особой частоты частот, взаимодействуя с частицами. Я тут подумал, что жалобы императора, могут быть как-то связаны с этим.

— Каким образом?

— Пока точно не знаю. Однако, появление, этих звуков и доступ техника к помещению с лекарствами, меня насторожили. То, что Эбар Лорэ, действительно не замешан в этом, я убедился. Теперь, думаю, нам стоит пообщаться с лекарем Цимихом и, если получится, императором.

— Боюсь, сегодня это уже не выйдет.

— В чем проблема?

— В параде. Он уже начался. Сейчас платформы и военные двигаются от площади Религио к дворцу, где Леопольд явится народу.

— Что? — выпалили Ахимас.

— Императору стало лучше, и наместник посчитал, что он должен обратиться к народу.

— Сейчас же во дворец! Императору может грозить опасность!

— Что? Как? Арден, объясните?!

— В карете объясню! — выкрикнул Ахимас, сбегая вниз по лестнице.

На выходе его остановил гвардеец.

— Стоять! Куда?

— С дороги! Сейчас же! — выкрикнул, Нагнавший Ахимаса, Мальтомайн. — Вы все по коням! — крикнул он своим людям и залез в карету. Трогай. Во дворец, быстро!

— Господин Равер-рид, парад. Мы не про...

— Я знаю! Давай! Реши этот вопрос, кнутом, например! И как можно быстрее!

— Слушаюсь!

Раздался громкий хлопок. Это кучер со всей силы ударил лошадей. Экипаж сорвался с места.

Глава 13. Тень ястреба

Громыхая по мостовой, экипаж анотимона «Трех клинков» неся в сторону дворцовой площади.

— Через сколько мы будем там? — отдышавшись, спросил Ахимас.

— Не знаю, не знаю. Тут недалеко. Но парад! Арден, так может, объясните, почему императору грозит опасность?

— Парад — отличное место для убийства! Смерть правителя на глазах народа.

— Как, по-вашему, его убьют?

— Точно не знаю, однако мы имеем дело с кем-то очень настойчивым. Похоже, они попытаются подстроить смерть императора Леопольда. И сделают это так, чтобы казалось, будто смерть наступила от естественных причин. Возможно все, что было с императором недавно, это только подготовка.

Карета подъехала к проспекту Баль Бинарэ. Толпа впереди преградила путь.

— Дорогу! Дорогу Антимону! — закричали ассасины Мальтомайна.

Люди начали расходиться, но как-то вяло, неохотно. Мальтомайн высунулся в окно кареты и прокричал кучеру:

— Что ты телишься, остолоп! Кнутом их! Кнутом!

Кучер начал стягивать людей, лошадей, снова людей! В толпе послышались крики. Сперва испуганные, а затем недовольные и даже воинствующие. От куда-то послышался призыв:

«Там сидит Антимон «Трех клинков»! Бей его!» и другой: «Долой Рунаборг!»

Одобрительные возгласы. Люди Мальтомайна, ехавшие сзади, стали стрелять в воздух! Один из них закричал:

— Бунт! Просим подкрепления солдат! Здесь сам Антимон!

Толпа испуганно шарахнулась в стороны и Экипаж, каким-то чудом протиснулся вперед. Через минуту из-за дома выбежал отряд солдат в белом. Они набросились на взбунтовавшуюся толпу и стали жестоко избивать людей.

Однако, карета уже рассекала по расчищенному и оцепленному солдатами Рунаборга, центру проспекта Баль-Бинарэ.

— Молчите, Арден! Не слово про это! — предостерегающе сказал Мальтомайн, чей лоб залил холодный пот. Ахимас и не хотел ничего говорить.

Карета въехала на широкий белокаменный мост через горное ущелье. Он соединял проспект Баль Бинаре с дворцовой площадью.

— Видите ту статую? — сказал Мальтомайн. Ахимас посмотрел вперед. В центре площади стояла громадная медная статуя. Это был полководец Вицгергеле — завоеватель земель Агенориды. В высоко поднятой правой руке он сжимал посох убитого же им правителя унку.

— Это Винцгергелле! Мы уже подъезжаем к дворцу! — сказал Мальтомайн и настороженно спросил: — Но, что это за странные тучи над ним? Дождь? Что-то они мне напоминают и не нравятся!

Над дворцом нависли непроницаемо черные, грозовые тучи. Ахимас посмотрел в небо. В недрах облаков били вспышки зеленых молний.

— И мне они не нравятся, — согласился он и задумался: «Это может быть дурным предзнаменованием. Тучи слишком сильно похожи на «Тарникос Гнуэ» — гнев частиц!»

Они ехали по площади. По левую сторону стояли высокие многорядные трибуны, заполненные господами и дамами в дорогих одеждах. Над трибунами развивались Рунаборгские знамена с белыми голубями.

— Мальтомайн, кто сидит на тех трибунах?

— Здесь восседают самые знатные граждане.

Карета проехала мимо заполненных трибун и остановилась у тяжелых стальных ворот, ведущих во внутренний двор дворца. Из небольшого отряда рунаборгских элитных гвардейцев выделился командир и задал вопрос:

— Кто едет?

Ассасин на лошади ответил:

— Антимон «Трех клинков». Открывай ворота!

Солдат одновременно активировал два здоровенных рычага. Механизм пришел в движение, и стальные ворота поползли вверх. Карета въехала во внутренний двор, проехала мимо золотых статуй рыб и повернула направо к входу.

Мальтомайн распахнул дверь кареты и спрыгнул на каменные плиты. Ахимас последовал его примеру.

— Туда! — сказал он, указав на огромные двери, над которыми красовался герб Агенориды. Аист с раскрытыми крыльями в лучах солнца. Они поднялись по большой мраморной лестнице. Ступеней было много. Двое слуг в золоченых ливреях открыли перед ними двери. Одна из дверей была черной, на ней был изображен Хорг — бог тьмы. На другой, белой двери, Кьял — бог света.

За дверьми, в ярко освещенной зале с фонтаном уже ждал дворецкий. Он низко поклонился и сказал:

— Ваше высокодеяние, Антимон, я полностью к вашим услугам. Что в такой великий день, вам потребовалось во дворце?

— Отведите нас в покои императора.

— Я не могу исполнить этого. К императору Леопольду IV Конин Арде не велено пускать кого бы то ни было без письменного разрешения Наместника.

— С дороги! Мне не до этого! — отрезал Мальтомайн и вместе с Ахимасом направился к еще одной лестнице, ведущей на второй этаж дворца.

— Проклятые лестницы! — Рывкнул Мальтомайн. Сделал он это так грозно, что слуга с кувшином, шедший вниз, шарахнулся в сторону и чуть не разлил содержимое. Дворецкий догнал эльфа и на ходу стал выкрикивать:

— К императору никак нельзя, поймите! Его величество готовят к выступлению!

— Дело государственной важности! — отрезал Мальтомайн.

— А кто это с вами? Посторонний? Нельзя!

— Заберите его кто-нибудь! Он слишком увлекся! — приказал Мальтомайн своим ассасинам. Те, подхватили слугу под руки и увели обратно вниз.

— Спальня императора находится там, в центральной части! — Мальтомайн направление рукой.

Пройдя по освещенным каменным галереям дворца, они остановились перед высокими золотыми дверями. Тут стоял элитный агеноридский гвардеец в черно-зеленой форме. В руках он держал грозную реаксическую винтовку «Герсонгер 33–30».

— Что стоишь? Открывай двери, солдат! — велел ему Мальтомайн

— Ваше высокодеяние, антимон, — обратился он к Мальтомайну, — я имею приказ, не

пропускать никого, до окончания парада.

— Чей приказ?

— Главнокомандующего Дория Эйрингросса.

— Чей?! — надменно переспросил Мальтомайн. — Твой Эйрингросс подчиняется Рунаборгу, и если ты откажешься выполнять мой приказ, приказ представителя Рунаборга, то пойдешь под трибунал! А если с императором, случится хоть что-то, тебя расстреляют, солдат. Я доходчиво объясняю?

— Та... Так точно. Однако я не могу пропустить вашего спутника. Он не представляет Рунаборг.

— Представляет! Давай, открывай!

— В целях безопасности, я буду вынужден конфисковать ваше оружие!

— У меня нет оружия. У вас есть оружие? — Мальтомайн обратился к Ахимасу.

— Нет. Ваши люди отняли!

Лишь только они вошли, Мальтомайн, указывая направление, крикнул:

— Туда!

Антимон и наемник побежали по пустынной и мрачной галерее вперед. Свет нигде не горел. На окнах висели темные занавеси. На углу Мальтомайн остановился, прислушался. Это гвардеец закрыл дверь где-то позади.

— Идем!

— Вы слышите этот гул? — спросил Ахимас.

— Гул?

— Да, очень странный звук.

— Слышу. Это шум толпы на площади. Похоже, до обращения императора к народу осталось совсем немного. Поспешим!

Мальтомайн остановился около двери в конце галереи. На ней висел щит с гербом. Черная как уголь, тень ястреба на белом поле. Конин Арде, дословно переводилось с иносферного, как тень ястреба.

— Герб Теллуоров Конин Арде. Это спальня императора, — сказал эльф.

— Мальтомайн, постойте, — сказал Ахимас, — слышите?

— Да народ беснуется. Давайте уже скорее.

— Нет, это не шум толпы. Этот звук очень необычный. Какой-то протяжный.

— Я не слышу ничего подобного.

— Прислушайтесь. Вот он... — Ахимас поднял палец.

Тут дверь императорской спальни открылась сама и оттуда показался молодой человек с длинными черными волосами. Крики толпы стали громче.

— Вы кто и что здесь делаете? — сердито спросил он.

— Мальтомайн Равер-рид.

— Как вас стража пропустила?

— Я антимон «Трех клинков»! — возмутился Мальтомайн.

— Антимон?

— Да! Вы Цимих?

— Я Цимих.

— Пропустите нас. Императору может грозить опасность.

— С императором все в порядке, — возразил Цимих.

— Вот и покажите нам это.

— Я вынужден вам отказать. Вы потревожите больного. А императору и так хватает переживаний. Он должен показаться народу! — сказал Цимих строго и встал в дверях, перегорев проход.

— Его Величество мы не побеспокоим. Но, наше присутствие необходимо, чтобы предотвратить возможную опасность.

— Повторяю еще раз. С императором все в порядке!

— Вот мы и проверим!

— Я буду жаловаться наместнику!

— Жалуйтесь, Цимих, кому хотите. Но, если с императором, что-то случится, вся ответственность ляжет на вас. Вы не отделаетесь арестом, — сказал Мальтомайн и оттолкнул лекаря.

— Ох! Да как вы!.. — возмутился лекарь.

Но Ахимас и Мальтомайн уже вошли в покои императора. В центре богато украшенной комнаты с картинами и яркими коврами стояла просторная кровать с балдахином морского цвета. Около кровати стояла необычная золотая ванна с дополнительными резервуарами и колбами. На кровати в тени под балдахином лежал правитель Агенориды — Леопольд VI Конин Арде.

Это был невысокий лысый мужчина, чрезвычайно худощавого телосложения, пожилого возраста. Не лежи он в этой богатой кровати, никто бы и не подумал, что страной правит такой заурядный с виду человек. Ахимас осмотрел императора.

— Никакой слизи нет и тело, кажется твёрдым, — сказала он Мальтомайну.

— Да я тоже подобного не наблюдаю. Лицо, только красноватое, словно от алкоголя. Хотя, в тени сложно разглядеть.

— Да, какая-то странная краснота, — согласился Ахимас. — Император давно без волос?

— Его Величество полысели после начала болезни, — сказал Мальтомайн.

— Так вы убедились, — сказал Цимих, — что с Императором все в порядке?

— Не убедились, — отрезал Мальтомайн.

Ахимас посмотрел на прикроватный столик. На нем среди различных лекарств и медицинских принадлежностей лежала легкая ажурная корона Теллуоров, состоящая из острых и длинных как кинжалы, зубцов, вырезанных из костей рыбы смерха. По правую сторону от кровати стояло мягкое золотое кресло — каталка с высокой спинкой.

— Что это? — спросил Ахимас.

— Это трон его Величества, — ответил Цимих.

— А-а-а... — застонал Леопольд. — Кто? — спросил он. Голос императора был хриплый и протяжный.

— Успокойтесь Ваше Величество. Все в порядке.

— Что это за странный писк в покоях императора? — спросил Ахимас.

— Вы о чем? — сказал Лекарь и стал надевать на императора одежду: золоченые панталоны, камзол и тому подобное... На руках императора уже были надеты невероятно тонкие, белые, накрахмаленные перчатки. Лекарь закончил, водрузив на голову корону из кости рыбы смерха.

Леопольд наклонил голову набок. Остекленевшими глазами, он посмотрел прямо в лицо Ахимасу, и с трудом, тяжело дыша, сказал.

— Вас, я зва... — он напрягся: — я зва зваю...

— Он, все же может говорить, — прошептал Мальтоайн Ахимасу.

— Да.

— Кажется, император вас узнал.

— Похоже на то. Меня другое волнует. Мальтоайн, взгляните внимательнее на его лицо.

Та странная краснота, что Мальтомайн сперва принял за воздействие алкоголя, при ближайшем рассмотрении пугала. Лицо больного было не просто красноватым, оно было алым как панцирь вареного рака. По лбу стекали капли пота, а вены пульсировали.

— Вот черт! — вырвалось у Ахимаса.

— Красное... У него жар? — спросил Мальтомайн.

— Что с его головой? — Ахимас обратился к лекарю. — Она раздута! Похоже, у императора температура. Слышите вы, Цимих?

— Не вмешивайтесь! Здесь я врач. А вас вообще не должно быть в покоях! Что вам не нравится в прекрасном лице нашего правителя?

— Его раздутие и краснота! Что с Его Величеством? Отвечайте! — потребовал Мальтомайн.

— Ох, пресвятые надзиратели... Температура в порядке. Покраснение и отек — это побочная реакция на лекарство. Вы хоть знаете, что с императором было еще недавно? То, что вы видите это остаточная побочная реакция на интенсивную медикаментозную терапию! Пресвятые надзиратели, это же так очевидно!

— В таком случае вы не против, если мы удостоверимся в правдивости ваших слов? Покажите нам его тело!

— Исключено! Вы нервируете императора! Покиньте спальню немедленно! — настаивал Цимих и подкатил золотой инвалидный трон к кровати. Затем он взял правителя подмышки и пересадил в это приспособление.

— Император вот-вот должен показаться на людях. Последний раз повторю вам, покиньте нас! Иначе я позову солдат!

— Они оповещены о нашем нахождении в покоях. Можете не утруждать себя, мы останемся здесь до конца парада! — сказал Мальтомайн строго.

— Мальтомайн, — Ахимас обратился к эльфу, — звук прекратился.

— Прекратился? И что это означает? Я же и до этого не слыша... — речь Мальтомайна прервал император:

«Супь!» — сказал он «Супьсть сва! Супь свасваются!»

— Спасаются или остаются? — спросил Ахимас у эльфа.

— Я не расслышал. Крики толпы мешают!

— Тихо! — сказал Ахиамас. — Слышите?

— Шаги! — сказал Мальтомайн.

— Да, там в галерее кто-то есть.

Внезапно с площади донеслись звуки фанфар! Крики толпы стихли, и голос возвестил:

— Уполномоченный четырьмя надзирателями и верховным первосвященником Аполло Фольредором, представитель Рунаборгской теократии и новой истиной веры на земле Агеноридской, наместник Истериан Пьескуиндер!

Еще раз прозвучали звуки труб.

Цимих взялся за ручки позади трона и повез императора в направлении балкона, залитого яркими солнечными лучами. Колесики кресла зашумели, царапая по мраморному

полу.

— Мальтомайн, вы оставайтесь рядом с императором, — сказал Ахимас и указал на Цимиха. — Только на балкон не выходите, иначе привлечете внимание! Я проверю кто это там. Не нравятся мне те шаги.

— Понятно. Арден, будьте бдительны!

Ахимас выскользнул из императорской спальни. Мальтомайн, направился за Цимихом в сторону балкона. Лекарь остановился у самого выхода и стал выжидать. Мальтомайн притаился за большой мраморной колонной. С площади донесся голос наместника Истериана:

— Граждане Агенориды, сегодня великий день для всего мира! День торжества светлой истинны, над тьмой вековой лжи!

Эльф осторожно выглянул из-за колонны. С балкона открывался вид на Порт Эрнбург. Черные тучи ползли со стороны дворца и накрывали город, забитый до отказа проспект Баль Бинаре, кишачие переулки и улицы, спускавшиеся к порту, площади и бульвары и высившиеся на противоположной стороне бухты фабрики.

«Арден прав! Эти тучи выглядят угрожающе. Да и откуда они вдруг взялись?» — подумал Мальтомайн.

Из недр головы раздался голос Эдвиана:

— Да, когда мы выезжали из особняка, их не было!

— Зеленые молнии? Видишь, Эдвиан?

— Вижу.

— Нечто подобное описывают выжившие в Пиджетейской катастрофе.

— Гнев частиц?

— Да. Я не верю, но и не исключаю это! — мысленно ответил Мальтомайн брату и взглянул вниз на дворцовую площадь.

В еще недавно пустовавший центр теперь стеклись все построения солдат с флагами, пушки и платформы. Все они прибыли сюда с площади Религио Квенси. Платформ было 12. Самая большая из них изображала герб Рунаборга — белого голубя, спорхнувшего с открытых ладоней. В клюве голубь держал ветвь.

Платформа остановилась точно перед статуей Винцгергеле. И теперь, страшная темная фигура древнего полководца, на фоне сгущавшихся туч нависала над рунаборгским голубем мира. С трибун, заполненных аристократами, в солдат летели букеты. С противоположной стороны площади, за стальными ограждениями и плотным строем солдат стояли простые горожане, ожидая, что же произойдет дальше.

«Наш герб! Только ветвь у него в клюве, странная. Уж слишком долгая, — подумал Мальтоайн, глядя на огромного голубя. Кто сконструировал эту платформу? Иона Макара? — думал эльф, изучая огромный стальной стебель, казавшийся слишком тяжелым для голубя. — Очередная безвкусица!»

— Брат, лучше следи за тем, что творится вокруг и не спускай глаз с императора. Убийцы, ждут, когда наместник возвестит народу о Леопольде!

— Ты прав. Я отвлекаюсь.

Наместник Истериан Пьескуиндер стоял прямо на фигуре голубя меж двух крыльев. Его белоснежный плащ развивался в потоках ветра, а голос разносился по площади и всему проспекту Баль Бинарэ, многократно усиленный сложными, звуковыми приборами. Наместник говорил:

Сегодня великая годовщина распада империи Теллуrow. Империя была скована воедино железным обручем насилия и произвола ложной религии. Имя этого проклятого культа — Хоргокида! Тысячу лет люди соблюдали законы и запреты, не понимая, что все они придуманы лишь для того, чтобы не дать людям развиваться так, как они сами хотят! Ровно 100 лет назад умер Иохим I. Он был последним императором рода истинных Теллуrow Вайлурских! Его смерть ознаменовала начало становления нового миропорядка! Железный обруч тысячелетней тирании сломился и распался! И вместе с тем распалась империя.

Но что стали делать младшие теллуры, правители провинций материка? Стали ли они создавать и развивать новый миропорядок? Нет ни стали! Побочные роды Теллуrow бросились растаскивать клочки империи и растащили! Растащили так, что равновесие сферы пошатнулось!

Но мы не призываем ненавидеть их за это! Если мертвую рыбу не растащат коты, ее сожрут черви! Теллуры были такой же необходимой, как и прочие, ступенью истории! Но, как и старое древо неспособное сгибаться под силой ветра перемен их власть треснула и упала! Теллуры, раз на то есть воля четырех надзирателей уходит в забвение. В то время как все мы, уже вставшие на новую ступень развития, должны осознанно забыть о былом порядке, сопутствовавших ему ужасах и полностью принять новый!

Однако не все Теллуры цепляются за свою власть и закрыты переменам! Сегодня, в этот великий день, народ Агенориды вновь узрит своего императора! Старого владыку, осознанно уступающего место всему новому и истинному! Императора, признавшего духовную миссию Рунаборга и осознанно отдающего все силы на продвижение нового учения! Приветствуйте! Ликуйте! Великий носитель частиц равновесия, властелин: Эрнбурга и Грегорбонна, Вардена и Бернии, Юфстрофа и Скьюгоффа, Фангорда и Кольгерда, а также великих топей зимней долины и заповедных лесов старосферов. Его императорское величество Леопольд IV Конин Арде.

Последние слова эхом пронесли по дворцовой площади, проспекту, площади религии и полетели дальше. Весь Эрнбург затаил дыхание. Повисла гробовая тишина. Только чайки, словно коршуны, низко кружили под сгущавшимися тучами.

Цимих, стоявший все это время в тени, у самого выхода на балкон, и, словно ожидавший этих слов наместника, сдвинулся с мертвой точки. Он за мгновение преодолел рубеж света и тьмы, отделявший балкон от императорской спальни. Мальтомайн напрягся. Возможно, именно сейчас произойдет, что-то непоправимое.

Но все было в порядке. Цимих подкатил трон к ограждению балкона. На площади произошёл взрыв. Взрыв аплодисментов! Восторженные крики, свист! Все это переросло в рокот водопада. И только мрачный Винцгергеле, стоял безмолвно и безучастно, держа в высоко поднятой руке копьё убитого им правителя! Из темных грозовых облаков пробился яркий луч солнца и пятном упал на балкон. От кресла с больным правителем на белый, мраморный пол легла бледная тень — тень теллура конин Арде, тень ястреба.

Тут Мальтомайн посмотрел на свисавшую руку императора. То, что в полутьме императорских покоев казалось накрахмаленной белой перчаткой и оказалось ладонью императора! Белая и иссохшая словно мел, она безжизненно свисала почти до пола. Крохотные частички медленно ссыпались с нее прямо на пол, образуя кучку.

«Да проклятье удильщика! Только не это!»

— Ваше Величество, — прошептал Мальтомайн.

«А-а-а-а...» — подал слабый голос император.

Цимих осторожно взял императора за руку и приветливо помахал толпе! Новая волна счастливых криков и шума накрыла площадь. Когда волна схлынула и люди успокоились, наместник заговорил вновь:

Еще совсем недавно, император Леопольд был при смерти. Но теперь, благодаря рунаборгской медицине — лучшей медицине сферы, он выздоравливает. Наши врачи верили, что смогут спасти владыку, а владыка верил в идеалы новой веры. Совместными усилиями, они победили недуг! Ни император, ни врачи не утратили веры, как утратили ее многие, жители Валлеvena, после распада империи! Тогда многие подумали, что уже никогда, не будет великой силы, способной объединить народы Валлервенна!

Эти многие ошибались! Ибо на наших глазах совершается великое божественное чудо и имя ей «Новая вера» или же Рунаборг! Идея о великом «духовном человеке», кому под силу все на свете, кто может узнать и научиться всему, кто волен сам выбирать каким путем ему идти, не только исцеляет старых владык! Эта идея объединяет народы старой империи воедино! Четыре бога надзирателя возложили на рунаборг великую миссию сделать всех людей совершенно и абсолютно равными в своих талантах!

Под светлым знаменем голубя — символом мира, войны света уже освободили от гнета империи и старой веры Ниндейл, Ронатику, Луи и многие другие земли! И что же народы этих стран? Хотят ли они жить особой жизнью от мира духовных людей?! Нет, они хотят дружного братского союза и слияния всех талантов в один великий талант «духовного человека»! А что? Может, они стремятся отмежеваться от нас каменной стеной?! Нет, все хотят стать с нами единым целым!

Но что же со всеми ныне еще разрозненными частями старой империи? Истинно скажу вам, не пройдет и 5 лет, как рунаборжцы — войны мира светлым маршем войдут в их земли и донесут до жителей идеи новой веры!

На площади поледенело. Последние лучи перекрыли черные облака. Раздался глухой утробный гром. Мальтомайн посмотрел в небо и мысленно обратился к брату:

— Тучи! Эдвиан, они начали кружить, образовывая воронку! Молнии внутри бьют все сильнее. Это гнев частиц! Нужно что-то делать.

— Что?! — растерянно спросил Эдвин изнутри. — Как спасти императора? Процесс, похоже, уже запущен.

— Как тогда нам спастись, если это начнется?

— Успокойся, Мальтомайн! Под дворцом есть тайный проход. Проклятые унку изрыли ходами всю гору. Мы спустимся туда и уйдем за пределы города.

— Откуда ты это знаешь про проход? — поинтересовался Мальтомайн.

— А, да забудь... — раздалось из недр головы, — пока не началось, нужно наблюдать.

Но, что это такое? — спросил наместник Истериан, вещая с площади. — В чём заключается сущность этой новой веры, которую еще не хотят или не могут понять в тех далеких странах?

Сущность её состоит в том, что прежде государством управляли, так или иначе, лишь носители соответствующих частиц. Те кто не видел дальше своего носа, испугались кары жрецов! Эти люди из-за дня в день, всю жизнь, слепо продолжали заниматься одним и тем же, уготованным им при рождении. Они словно дятел долбили глубокую пропасть в своем семейном древе! Глупцы слепо по указке жрецов сочетались браком лишь с теми, кто как им казалось, был совместим с ними! «В тебе есть частица меня!» — говорили они, не понимая истинного смысла этих слов! Они обрекали своих детей уметь только то, что умели они сами

и ничего кроме! Все инородные таланты и дарования, альтернативные пути развития исчезали в черной дыре! Десятки поколений потомственных врачей, музыкантов и, да простят боги, прирожденных сапожников, поощрялись как империей, так и ее церковью Хоргокиды!

Но, к счастью, с каждым годом, людей умных, нарушивших эти бесчеловечные запреты, становилось больше! Эти люди видели всю картину, где каждый человек, если захочет, сможет все! Где он не обязан идти путем, уготованным ему глупцами! Так появились неравнодушные создавшие Рунаборг!

Однако, рунаборгская религия не чудесный талисман. Она не излечит сразу от недостатков прошлого, некультурности, от ран, нанесенных ложью Хоргокиды. Мы не говорим, что вы сразу же будете уметь все! Но зато мы даем абсолютно каждому возможность стать духовным человеком! Такому человеку при рождении дарована крохотная часть каждого возможного таланта! И вы всегда вольны сами выбрать, что из дарованного вам больше подходит сейчас!

Никто не станет вам препятствовать в учении, работе или создании семьи! Никто не станет говорить вам, что вы несовместимы! Потому что теперь, в первый раз, массово управляют государством, служители принципиально новой веры!

И пусть клеветают на Рунаборг сторонники империи Теллуоров, говоря, цитирую: «Ни один человек смешанных частиц, никогда не сможет раскрыть потенциал ни одного из своих талантов», они еще раз подтверждают, что безмерно завидуют нам! Не слушайте ересь завистников! Везде в мире слова «Новая вера» «Рунаборг» стали не только понятными, стали популярными, любимыми для всех обделенных и гонимых прежде! Пусть глупцы, неготовые отринуть лжеучение Хоргокиды знают, что мир поднялся на новую ступень и никогда не спустится обратно!

Мальтомайн насторожился. Вдруг откуда-то сверху, с чердака, послышался странный грохот, похожий на взрыв. Император дернулся в кресле. Цимих и ухом не повел.

— Что с императором? — спросил Мальтомайн из-за колонны.

Лекарь посмотрел на Мальтомайна, а затем на императора и ничего не ответил.

— Я тебя спрашиваю!

— А-а-а-а, — простонал Леопольд IV.

«Он все еще жив», — подумал Мальтомайн и посмотрел наверх.

— Что там? — спросил Эдвиан из головы.

— Что-то странное, — в мыслях ответил ему Мальтомайн.

... подняться высоко может любой человек, эльф, нуаран и хаилин. Даже если из-за ваших смешанных частиц раньше вас угнетали, призирали и считали недостойным плебеем бездарем, никчемным, подлым, грязным преступником.

Рунаборгская власть дарит вам шанс проявить себя, дарит шанс почувствовать себя духовным! Ведь это право, данное вам при рождении, было несправедливо отнято! Так не ограничивайте себя и сами старайтесь брать все больше и больше в свои руки! Вам говорили, что вы не умеете управлять? Берите себе в руки все управление и управляйте! Не умели производить или изобретать? Производите и изобретайте! Вам говорили, что вы не умеете учиться? Это все ложь! Берите и учите других! Учите тех, кто говорил вам этот бред! Занимайтесь образованием, науками, искусствами и всем остальным! Развивать себя и окружающих вас, ведь вы духовный человек!

Но как же быть людям бездуховным от рождения? Как быть тем несчастным, что до сих

пор обладают чистыми и несмешанными частицами? Как вам стать по-настоящему духовными? Бежать ли вам срочно проходить процедуру реплиморфирования? Или просить срочно поселить вас в город повышения духовности? Да, скажу я вам! И радостно добавлю: И не только!

Ведь вы можете вкладывать все свои силы в работу! С каждым днем, трудясь все больше и усерднее, на благо нашего великого, духовного государства! Вы можете посвятить себя продвижению учения новой веры, борясь со слепцами, еретиками несогласными принять истину! Конечно же, я говорю об изменниках, о Черном доминионе! Эти люди — враги новой веры! Они те, кто осознанно не верит в силу рунаборгской религии и не готов принять ее!

Лучи вечносферы вдруг стали пробиваться из облаков то тут, то там. Несколько осветило площадь. Еще одно световое пятно легло на балкон.

— Речь подходит к концу! С императором все в порядке, — сказал Эдвиан. — Посмотри на небо. Гнев частиц растворяется прямо на глазах.

— Рано расслабляться, — ответил Мальтомайн. Он взглянул императора и заметил, что его тело и голова начали приходить в норму.

— Видишь? Никаких происшествий, — сказал Эдвиан. — Возможно, это Ахимас устранил угрозу?

— Чуть не началось «Тарникос Гнуэ»! Это ты называешь в порядке? И где тогда, этот Арден? Что-то долго не возвращается! — с тревогой подумал Мальтомайн.

Наместник продолжал:

...Доминионцы — восставшие жители севера Агенориды, являются прямыми врагами «Новой веры»! Эти еретики докатились до того, что они объединились! Объединились со всей нечистью, которая злобствует против первого, во всем развитого государства, где господствует порядок, где господствует равенство и справедливость!

Пришло время наставить их на истинный путь! Равновесие настанет только тогда, когда все Валлервенцы станут равными в своих частицах!

Обращаюсь к вам, Агеноридцам, носителям чистых частиц! С сегодняшнего дня, со дня 100 годовщины смерти императора Иохима 1, открыт набор граждан в ряды армии защитников веры! Вступайте в ряды «Тео колабра инициалис» — духовной армии! И докажите, что вы тоже достойны быть духовными людьми! Ура!

Гром аплодисментов со стороны трибун с аристократами. Звуки труб. После выступления наместника Истериана заговорил глашатай и объявил, что сейчас выступит Дорий Филипп Эйрингросс.

Цимих развернул кресло и повез императора обратно в покои. Мальтоману он язвительно сказал:

— С вашего позволения, господин Антимон, я вернусь к своим обязанностям. Думаю, императорскому величеству, больше не угрожает опасность, а поэтому я прошу вас покинуть спальню...

Пока антимон следил за императором на балконе, Ахимас вышел в коридор и осмотрелся. Никого не было. Источник звука удалялся.

«Кажется, с той стороны», — подумал он и пошел на звук.

Выглянув из-за угла, он увидел красивую девушку двадцати пяти лет. Она была одета в чересчур строгое, чёрное платье. На голове у неё был университетский берет с алым пером.

Девушка стремительно удалялась, неся в руках небольшую коробку.

«Кто это? Одеты не как знатные дамы, а скорее, как преподаватель университета. И что это за коробка у нее в руках?»

Ахимас незаметно проследовал за незнакомкой. Она свернула в широкую, но темную галерею. По обе стороны в полукруглых нишах стояли белые, мраморные статуи. Они изображали мифических существ, героев, и правителей древности. Девушка остановилась у одной из дальних статуй, нажала ей на глаза. Часть ниши, с каменным скрежетом отъехала, открыв тайный проход. Незнакомка шагнула в темноту. Ниша закрылась.

Ахимас вынырнул из-за угла и подошёл к статуе. Он прислонил ухо к стене. Шаги удалялись и, наконец, затихли совсем. Тогда наёмник последовал примеру девушки. Он нажал на глаза каменной фигуры. Открылся проход. Оказавшись внутри, Ахимас нащупал небольшой рычаг. Когда он активировал его, выход позади закрылся.

Лаз был тесный и темный. Он шел вдоль всей стены. Единственным источником света были узкие щели — окна, из которых на старую кирпичную кладку падали лучи угасавшей вечности. Ахимас прошел около 20 шагов, оказавшись перед винтовой лестницей. Сверху донеслось неразборчивое эхо голосов. Чем выше наемник поднимался по скрипучим деревянным ступеням, цепляясь рукой за каменную кладку, тем громче и отчетливее становились голоса. Один из них был женским, другой принадлежал пожилому мужчине.

— Да, это оно! — сказал мужчина. — Сейчас я залью состав и начну финальное нагнетание.

— Главное, чтобы все это не сорвалось раньше времени, — сказала Девушка.

Откуда-то сверху послышался громкий щелчок и гудение.

— Прибор говорит, что пока давление в норме и перегрузки нет.

Ахимас, наконец, поднялся и осторожно выглянул из-за простенка. Его взору предстал необъятный, словно космический океан Ол'ла и такой же темный чердак Эрнбургского дворца. В его глубине горел тусклый свет. Длинные тени заговорщиков падали на стены.

Вдоль стены Ахимас осторожно подкрался чуть ближе. Согнувшись, он притаился за большой каменной опорой, державшей черепичную кровлю. Дивный источник света, похожий на банку с бьющейся внутри молнией, освещал стол с приборами, странную конусовидную установку и лица заговорщиков.

Пожилой господин с рыжими бакенбардами сторбившись сидел в кресле и настраивал стоящий перед ним прибор. Девушка в черном берете стояла позади кресла и контролировала процесс.

— Ундозипоратор успеет набрать заряд? — спросила она.

— Он его уже набрал.

— Отлично! Теперь остается только выждать наилучший момент.

— Думаю, не стоит сразу...

— Не стоит? — с недоумением спросила девушка.

— Да. Пусть народ последний раз взглянет на своего владыку.

— Ты прав, Иона. Больше они его не увидят. Только что-то этот Истериан больно затягивает со своей речью. Включи уловитель!

Пожилой господин поднялся из кресла и подошел к небольшому прибору, стоявшему позади. Потянул за блестящую стальную палочку, с кругляком на конце. Палочка удлинилась. Господин, щелкнул чем-то на приборе и тот зашипел. Ахимас услышал речь рунаборгского наместника.

Наместник говорил наигранно одухотворенным голосом, призывая всех работать и усердно трудиться, чтобы стать по-настоящему духовными.

— Порой я удивляюсь. Как можно нести такую лицемерную чушь? — сказал Иона.

Из прибора послышались слова Истериана:

«Приветствуйте! Ликуйте! Великий носитель частиц равновесия! Властелин Эрнбурга и посыпалесь титулы... Его императорское величество Леопольд VI Конин Арде!»

Раздался гром аплодисментов и крики толпы!

— Отлично, Цимих вывез его. Пора! Запускай!

— Постойте! Сперва отражатель в голубе.

— Давайте.

«Еще совсем недавно, император Леопольд был при смерти. Но теперь, благодаря рунаборгской медицине...» — говорил наместник Истериан.

— Так, ага, захват цели выполнен. Порядок! — сказал старик Иона, — Можно запускать. Но сперва... — он встал и подошёл к столу. На нем лежали два странных сферообразных прозрачных шлема

— Одевайте! — сказал он, протягивая шлем девушке.

— На наши частицы аппарат не воздействует, — сказала она, — иначе мы давно были бы трупами.

— Сейчас лучше перестраховаться. Я их не просто так приготовил.

— Хорошо, — согласилась девушка и надела нелепо выглядывший шлем.

— Теперь можно! Хух! — выдохнул старый господин, — Да простят нас четыре надзирателя! — с этими словами, он повернул какое-то колесико и что-то нажал. Прибор хрустнул и загудел. Затем гуд прекратился, и аппарат стал издавать странные пищащие звуки, с равным промежутком времени.

— Ну, — сказал господин с бакенбардами и достал из внутреннего кармана часы на цепочке, — ну вот и все. Надо уходить. У нас примерно три минуты.

Оба встали и направились по темному чердаку в сторону лестницы. Ахимас прижался к каменной опоре. Прибор пищал, словно отчитывал время, а затем снова начал гудеть, как бы концентрируя мощность. Голова Ахимаса заболела. В ушах зазвенело. Заговорщики затопали по лестнице. Наемник подошел к прибору.

Звон становился все отчетливей, все громче и болезненней. Голова раскалывалась. Лоб стал горячим словно котел на костре. А мозг внутри, словно бы плавился, подобно куску масла.

«Къялово проклятье! Как вырубить эту штуковину? А-а-а...» — застонал Ахимас. «Он... Он что-то тут крутил».

Звон стал невыносим. Голова Ахимаса вибрировала. Мозг, похоже, хотел выпрыгнуть оттуда. «Кажется, вот это...» — он протянул руку к прибору и щёлкнул переключателем. Аппарат перестал пищать. Звон, дойдя до высшей болевой точки, стал чуть тише, чуть милосердней. Прошла секунда, другая, и...

Ахимаса ударило невидимой волной. Он отлетел назад и снес стол с колбами и приборами поменьше.

«А-а-а-а-а! Ас-с-с ш-ш-ш!» — зашипел он, теряя сознание от боли. «А-а-а-а...»

Глава 14. Убийство во благо

Дорий Филипп Эйрингрос, на протяжении двух осьмиц засыпал за рабочим столом в своем кабинете. Вот и сейчас в праздничный день, он, тяжело вдохнул сухой и пыльный воздух и нехотя разомкнул усталые веки. Первым, что он увидел, была громадная стопка непросмотренных бумаг. А раз так, то сам он, вероятно, спит на столе, уткнувшись в один из документов. Дорий поднял голову. На столе лежал отчет разведчиков о недавно произошедших диверсиях на фабрике. Написанное, было смазано. Дорий с подозрением потер щеку своей большой шершавой ладонью. На ладони остались следы чернил. «Да так и есть, уснул на написанном».

«Черт!» — выругался он и подумал: «Чем бы оттереть их?» Тут он заметил торчавший из-под папок край плаката розыска. Дорий вытянул его. На плакате был изображен не кто иной, как сам Ахимас Арден.

«А ведь и не скажешь, что человек с такой заурядной внешностью, чуть не убил самого Аполо Фольредора», — подумал Дорий и потрогал волосы. «Ох! Хотя!» — сказал он вслух. «Глаза у этого Ардена. Да, такие только и бывают у убийц! Награда за его поимку 6 тыс. риппэ. Повысить? Нет, уже и повышать некуда. Да и зачем? По такому скверно нарисованному плакату его точно не опознают! Каждый третий выглядит также! Допросить бы его этого Ардена. Но уж навряд ли он в Агенориду сбежал. Будь я на его месте, подался бы куда-нибудь на теплые источники далекого Альфатура», — подумал Дорий и представил окруженную горами долину с горячими паровыми гейзерами. Он смял плакат и вытер им испачканную чернилами половину лица, затем подошел к большому, напольному зеркалу.

В нем отразился высокий, даже чересчур высокий для Агеноридца человек 28 лет. В мятом черно-зеленом мундире с золотым галуном. Загорелое, обветренное лицо выглядело усталым и давно небритым. На лице было несколько шрамов — один пересекал правую бровь, еще два было на щеке. В давно не чесаных, темных волосах виднелись нитки седины. А в холодных серых глазах читалось желание срочно убить кого-то. С правой стороны лицо Дория по-прежнему было измазано, потому что чернила плохо оттерлись. Тяжело вздохнув, он направился в ванную комнату.

Там он занялся приведением себя в обличие, соответствующее его статусу. Сперва одержал окончательную и бесповоротную победу над чернильным пятном. Затем побрился и уложил набок волосы.

Вернувшись в кабинет, его высокоблагородие, главнокомандующий агеноридской армией — Дорий Филипп Эйрингросс, повел себя странно. Он достал откуда-то из недр комода поношенный походный плащ с капюшоном и надел его. Плащ остался Дорию от отца. Выйдя из особняка через черный ход, он отдал дворецкому распоряжение:

— Если кто-то будет меня спрашивать, ответь, что я отправился в казармы на смотр войск для парада!

В действительности же Дорий прошел несколько переулков ведущих к кварталу «Рельб». Ему казалось, что за ним кто-то пристально наблюдает.

«Не может же мне казаться?» — думал он, проходя мимо двух рабочих, так не кстати, обсуждавших недавнее громкое убийство, о котором писали все столичные газеты.

«Вот свиньи! И ведь так невовремя! Шельмы гуталиновые, на кой черт вам сегодня это обсудить вздумалось? Ничего в том убийстве нет интересного, не будь я Эйрингросс.

Впрочем, я попусту себя накручиваю».

На углу улицы «Раппар», Дорий сел в ожидавший его неприметный, серый, старый экипаж, запряженный двумя хилыми лаорскими кобылками. Экипаж направился вниз по улице. Он петлял, часто сворачивал на безлюдные улочки и нырял во все городские щели, в надежде затеряться, что, в конце концов, ему удалось.

Правда, уже через полчаса, похожие серые экипажи видели в разных частях Эрнбурга. Один у площади «Сытых и старых», другой, примерно в то же время, или чуть позже проезжал у центральных ворот. Кучер экипажа ругался на уличных торговцев, настырно лезших прямо под копыта лошадей, в попытках впарить товары. Еще позже, в 10 часов, на одной из полуразрушенных улиц фабричного района, стая беспризорников неслась за таким же серым старым экипажем, грозно требуя денег. Щедрая рука в черной перчатке, выбросила из окна экипажа две горсти серебряных риппе, чем и запомнилась. Был ли все это один и тот же экипаж с его превосходительством Эйрингроссом или же разные, неизвестно.

Однако неопровержимым фактом является то, что, чайка, по обыкновению, утром облетавшая свои владения среди руин завода «Гесинг», заметила в руках кучера, того самого экипажа аппетитную булочку. В этот момент кучер перестал есть, отвлекшись на господина Эйрингросса, вышедшего из экипажа. Булочку он положил рядом. Чайка, как следует прицелилась и подобно коршуну спикировала на сдобное изделие.

Кучер, и сделать ничего не успел. И от избытка эмоций лишь выкрикнул что-то нечленораздельное: «Ух! Яж тыж уы! Убью!»

— Умолкни чурбан! Или я из твоих кишок сейчас вожжи сделаю!

— Точно так... ваше превосх... — заикаясь начал кучер.

— Цыц! — пригрозил ему Дорий. — Чтобы тише рыбы в воде тут сидел! Ты понял?

— Да. Так точно, — взяв себя в руки, ответил кучер.

Эйрингросс же пересёк безлюдную улицу, усыпанную битым кирпичом и колотой черепицей, и вошёл в обитую железом дверь за углом заброшенного дома. Внутри было пыльно. Кругом висели сети паутины, переполненные щедрым уловом мух. Все окна были забиты досками, а под ногами хрустели стекла. По скрипучей винтовой лестнице Дорий поднялся на третий этаж, в зал, по вине мародёров, сильно обделенный мебелью. Кровля зала была наполовину разрушена. Из зияющих дыр в потолке били жгучие лучи вечносферы. В дальнем углу, от немилостивого светила скрывалось двое человек. Они сидели за ветхим, подгнившем столом, которым побрезговали мародёры, но не побрезговали древоточцы. Оба человека, как и сам Дорий, были одеты неприметно. Черноволосая девушка с аристократическими чертами лица сидела на стуле справа. На лавке слева развалился пожилой лысый господин с рыжими бакенбардами.

— Анна, Иона, вечно сиять! — поприветствовал собравшихся Дорий и сел на лавку рядом со стариком.

— И да светиться во все времена! — ответили ему оба.

— Путь прошел без происшествий?

— Да. Никто не знает, что мы здесь, — ответил Дорий. Он поинтересовался у девушки и старика, гладко ли прошел их путь и, получив утвердительный ответ, немного успокоился. Анна обратилась к Ионе:

— Насколько успешно прошла вчерашняя инъекция Леопольду?

— Как сообщает лекарь Цимих, — начал Иона, — фаза избавления от интуильных жизненных соков успешно закончилась. После введения нового препарата тело императора

сперва затвердело и приобрело нормальный цвет, а затем начало остывать. — Это как раз совпало с утренней проверкой. Рунаборжцы ничего не заподозрили и сегодня в 7 часов утра, у больного была зарегистрирована температура тела около 70 зиппэн. Сейчас тело продолжает усиленно истощаться. Вся энергия и тепло переходят в голову.

— Что с уровнем, направлением движения, концентрацией частиц? — спросил Дорий.

— Исходя из показателей оборудования... — начал Иона Макар и вытащил журнал, — частицы приняли единое направление и также стабильно прибывают в мозг. Количество уже превышает один миллиард!

— Великолепно! — сказал Дорий Эйрингросс.

Иона Макар улыбнулся.

— Ко времени начала парада, иссушение и отмирание тела будет завершено. Его температура опустится до минимальных показателей. Все частицы будут находиться в области головы, а ее температура должна подняться аж до 170 зиппен!

— Рано вы радоваться начали, — перебила Анна. — Есть одна серьезная проблема. И она связана с техникой.

— Что еще за проблема? — недовольным голосом спросил Иона.

— И это еще вы спрашиваете? Кто тут лепила придворный, вы или я?

— Но-но! Попрашус! — сердито и строго сказал Иона, и с достоинством поправил воротник. — Я Иона Макар! — великий изобретатель! У меня никогда нет никаких проблем с оборудованием.

— «Изобретатель»... — передразнила Анна. — От слова бред! Так что же ты эту проблему упустил?

— Так довольно! Что за проблема? — отрезвляюще рявкнул Дорий.

— Ох... — тяжело выдохнула Анна и недовольно надула губы. — Недостаточно просто поднять температуру до нужного уровня и сконцентрировать частицы в одной области интуила. Высвободить разрушительную силу частиц можно, лишь вызвав прорыв ветоскаматического поля! — пояснила она.

— Но для этого требуется послать с ундозипоратора резкий, мощный, волновой удар! — дополнил Иона.

— Ну вот именно! Додумались? Про эту проблему я и говорю! Ундозипораторы на крыше уже, посылают предельно возможное количество волн. Повысить их мощность уже не выйдет, уж не говоря о резком скачке! А все почему? Потому что вы, жадный лепила, поспешили выписать из Осванны приборы посильнее. Всё поди себе в карман запихали!

«М-м-м» — грустно замычал изобретатель.

— А? Что не права? Вот теперь все провалится и Дорий прикажет расстрелять вас!

— Эм... мне... ням... меня нельзя... да и не за... — испуганно замымлил Иона.

— Сестра, успокойтесь и не пугайте старика, — Дорий обратился к Анне. — Вы же видели, что с головой и телом императора? Разве он не умрет от этого?

— Умрет. Но смерть может и не произойти на параде! Император намного выносливее, чем казалось поначалу. Нужен именно мощный концентрированный скачок, который приведет к прорыву поля частицами и вызовет смерть во время выступления Истериана!

— Иона, может у вас есть какое-то предложение, как исправить ситуацию? — обратился к изобретателю, военный.

— Дорий, есть у меня одна идея. Что вы скажете насчет того, чтобы в покоях, разместить отражатели. Пожалуй, я их даже на дополнительное усиление, смогу настроить.

— Отражатели? Что это?

— Ну, как в названии же! Это приборы, что отражают. Ундозиппараторы по принципу искажения лучей вечносфры посылают особые волны на отражатели. Они, в свою очередь, посредством больших, крайне чувствительных мембран перенаправляют волновые колебания на сами знаете кого! Пых и он готов! Частицы, которые к тому времени, уже полностью заполнят мозг, под действием волны и высокой температуры прорывают защитную оболочку, и невероятная энергия вырывается в мир, а ее бывший владелец погибает!

— У вас есть такие приборы?

— Есть, и много!

— Влияет ли это на саму частоту волн? — спросила Анна.

— Пожалуй, от отражений и могут возникать потусторонние резонансы.

— Иного характера? — спросил Дорий.

— Да, другой частоты и амплитуды.

— Такой амплитуды, которую смогут услышать простые люди? — спросила Анна. — Тогда это паршивая идея! Странные звуки в покоях привлекут внимание. И тогда конец! Боюсь, придется прервать операцию, — печально добавила Анна.

— Да никто не заметит этого. Подобные волны могут воспринимать только носители частиц равновесия, — уверенно сказал главнокомандующий.

— К сожалению, нет, Дорий. Такие волны способны уловить и носители многих других частиц! — возразила Анна.

— Не спешите! Есть! Есть еще одна идея! — не сдавался Иона Макар. — Но, разумеется, со своими рисками. Можно осмелиться и заменить кристаллический слой в ундозиппораторах на концентрированный раствор активного «таурис когум». Это как раз даст сильное и кратковременное увеличение мощности!

— Так! И в чем здесь риски? — с подозрением спросил Дорий Эйрингросс.

— Приборы могут раньше времени выйти из строя. Но зато мощность мы получим.

— Наряду с проблемами! — сердито вставила Анна.

— Да вы скажите, насколько велик шанс неудачи? — спросил Дорий.

— Даю 70 на 30, что все пройдет успешно.

— Хм, звучит оптимистично. Давайте попробуем.

Анна резко встала со стула, отчего его ножки царапнув по полу, издали мерзкий скрип.

— Я против! 30 процентов много! Рисковать нельзя. Если все провалится, то нам всем конец, как и плану по спасению Агенориды!

— Тем не менее, двое против одной. Все решено, давайте свою «таурис когум» в приборы!

— Пойдите, Дорий. Я вот что думаю — сказал Иона, почесывая подбородок и глядя на Анну. — Чтобы снизить шанс поломки оборудования, можно сделать слабую концентрацию «таурис когум» и поставить отражатель, но не в покоях императора.

— Где тогда?

— На Рунаборгской платформе.

— Платформе?

— На той, что изображает голубя, держащего ветвь в клюве — идеальное место! На площади будет так шумно, что никто и не услышит ничего странного.

— Неплохая идея, — сказала Анна с облегчением и села обратно. — К тому же

платформа будет прямо перед балконом.

— Я вот именно об этом! Можно будет послать на нее дополнительный волновой импульс, который отразится точно в цель.

— Вы успеете все это устроить?

Иона достал из внутреннего кармана золотые часы на цепочке. Сейчас 10 часов, парад начнется в 15 часов, а наместник произнесет речь в районе 17-ти. Успею!

— Много этого, вашего вещества нужно? — спросил Дорий.

— Да, вы не переживайте. Он у меня на складе есть.

— Ну и прекрасно!

— Только далеко не все. Дорий, — обратилась Анна к брату. — Стоит вспомнить про последствия нашего деяния.

— Ну, здесь уже все решено. Вопросов никаких не должно возникнуть. Леопольд долго боролся за свою жизнь, но проиграл и умер от «опустошения» прямо на глазах народа. И никакая рунаборгская медицина ему не помогла. Ответственность полностью будет на рунах, запретивших людям отдавать свои силы правителю! Эффектно! И многотысячная армия свидетелей! А если чего вдруг, то прямая вина ляжет на Цимиха и Эбара Лорэ.

— Я не про это! Здесь все ясно! Частицы в его организме, такое долгое время накапливавшие защитную способность, наконец, высвободившись, вызовут в этом мире черт знает что! Ты помнишь, кроме «Тарникос Гнуэ», возможны совершенно непредсказуемые последствия: хорготрясение, ураган, слава Кьялу, если штормом с грозой отделаемся. А ведь ты знаешь, что случилось, после Пиджетейской катастрофы!

— Я думал, что мы все это еще на стадии планирования предусмотрели! Да, я помню, что любое убийство правителя приводит к гневу частиц. Но ведь мы неспроста выбрали такой способ, при котором частицы императора, сами убивают его! Да, Иона?

— Совершенно верно! — подтвердил старик.

— Да, Дорий, я все это помню. Но меня, почему-то не покидает страх. Хоть я долго изучала все нюансы, связанные с гневом частиц, но все равно боюсь, что мы ошибаемся! Боюсь, что все это может привести к страшным последствиям!

— Успокойся! — сказал Дорий и, встав с лавки, обнял сестру. — Страх перед великими переменами совершенно оправдан. — К тому же уже слишком поздно поворачивать назад! Все пройдет по плану!

— Меня и другое волнует. Насколько сильные бунты начнутся в стране? И как эффективно Вальтер Скроне использует это, чтобы помочь нам избавиться от рун? — сказал Дорий.

— Не стоит в такой важный день перегружать голову! — сказала Анна.

— Выходит, все вопросы разрешены? — спросил Дорий.

— У меня есть один, — вставил слово Иона. — В какой момент лучше послать импульс?

— В смысле? — спросил главнокомандующий.

— Ну, ведь наместник произнесет речь, и нужно, чтобы все было красиво.

— А вы прямо-таки артист, Иона, о таких мелочах заботитесь, — сказала Анна.

— Я не знаю обо всем, что будет говорить наместник, но главное, чтобы смерть наступила до конца его речи! Тогда все будут в смятении и гневе!

— Хорошо, Дорий, я учту ваши предпочтения, — сказал старик с рыжими бакенбардами.

— Прекрасно, Иона. Жаль я пока не могу наградить вас за труды.

— Я стараюсь не для себя, господин Эйрингросс.

— Мы трое радеем за свободное и независимое будущее Агенориды! — серьезно сказала Анна.

— Прекрасные слова, — похвалил Иону, Дорий. — Но мы с Анной еще должны встретить министра из Осванны. Это не менее важное дело. А вы отправляйтесь настраивать эту антенну в рунаборгской платформе. На этом объявляю наше последнее заседание закрытым! Расходимся по одному, чтобы не привлекать внимания!

Глава 15. Советы советникам

После тайного совещания на чердаке заброшенного особняка главнокомандующий вернулся в апартаменты специально, чтобы переодеться в самый ненавистный, самый отвратительный ему мундир — парадный. Однако выбора одевать его или нет, не стояло. Ведь сегодня во дворце пройдет торжественная встреча. В агенориду прибудет новый министр и представитель осваннской промышленности. Не ехать же на торжественный прием в повидавшем виды солдатском плаще?

Дорий открыл специально сделанную для ненавистного парадного мундира витрину и достал его.

«Ну, что за шутовской наряд?» — сказал он, глядя на одежду.

Возникла эта форма еще в те далекие времена, когда Валлервен был все еще под властью Теллуров. Иначе говоря, его внешний вид, не менялся более 200 лет. Мундир можно было описать в трех словах: золото, золото и... золото. Словом, выйдя в таком на трибуну, народ в прямом слове ослепнет от величия. Неудивительно, что это золоченая тряпка с эполетами вызывала в главнокомандующем желание скормить его тому портному упырю, что его сшил. Дорий долго разглядывал это воспаление вкуса из мира военной моды, но, наконец, решился и таки одел его.

«Сегодня будет важный день, — сказал он себе. — Нет, сегодня не важный, сегодня решающий день! Можно и потерпеть».

Дорога во дворец заняла чуть больше времени, чем он планировал. Виной тому был готовившейся Рунаборгский парад. Все улицы были переполнены горожанами. Чтобы скоротать время, Дорий открыл черно-зеленую папку. На нескольких листах были написаны слова речи, которую он должен произнести на параде.

Экипаж выехал на расчищенный и оцепленный солдатами центр проспекта Баль-Бинарэ. Здесь удалось прокатиться с ветерком. Громыхая на брусчатке, экипаж пронесся мимо статуи полководца Винцгергеле — убийцы унку. Вечносфера висела прямо над его могучей, темной фигурой. Он словно бы подпирал светило, держа высоко над головой посох убитого правителя старосферов.

Экипаж затормозил у парадного входа дворца. Здесь уже стояло около двух десятков экипажей. Похоже, что все самые высокопоставленные чиновники Эрнбурга приехали встретить нового министра.

На некотором отдалении от входа стояла большая темно-бордовая, с золотыми украшениями карета. «Бургомистр Граег уже на месте» — подумал Дорий, смотря на карету. «Интересно, прибыл ли Бененгрей? Маловероятно. Еще мало времени», — заключил главнокомандующий, взглянув на большой белый циферблат на одной из дворцовых башен.

По парадной, устланной красным ковром лестнице, Дорий направился к огромным дверям, на которых были изображены Кьял — бог света и Хорг — бог тьмы. С каждой стороны лестницы стояли элитные Рунаборгские гвардейцы, или как окрестил их сам главнокомандующий, «снеговики». Все в сверкающей белой форме, приторно дружелюбные снаружи, но холодные и собранные внутри.

По мере того как Дорий поднимался вверх, «снеговики» поочередно отдавали ему честь. Чем выше Дорий поднимался, тем жарче ему становилось. Золотой, парадный мундир, похоже, знатно привлекал не только взоры, но и лучи вечносферы.

Слуги распахнули перед ним двери с изображениями богов и на него пахнуло вековой прохладой дворца. Спереди донеслось приятное журчание фонтана. Его включили специально по поводу скорого прибытия нового министра. Над фонтаном красовался герб императорского рода — черный ястреб в белом поле. «Конин Арде — тень ястреба, на каком-то древнем языке», — вспомнил Дорий Эйрингросс.

— Ты дольше, чем я думала, — донесся голос откуда-то сбоку. Дорий обернулся.

Там стояла Анна. В отличие от Дория, она была одета в черное, совершенно лишенное украшений платье, чем-то напоминавшее рясу. Анна Эйрингросс была министром науки, и поэтому такая строгая одежда подходила ее должности. Единственным украшением был черный бархатный берет с алым пером.

«Да, я бы сейчас даже платье предпочел этой петушиной тряпке», — подумал про свой парадный мундир Дорий.

— Вечно сиять, Анна.

— И да светиться во все времена, Дорий.

— Посол уже прибыл?

— Разумеется, еще нет, — ответила она.

— Тогда почему, ты сказала, что я поздно?

— А, да тебя хотел видеть наместник Истериан.

— Где он? — спросил Дорий.

— Должно быть, на балконе, — ответила Анна.

— Понятно, — сказал Дорий и направился вперед.

В мрачной, тронной зале, освещенной газовыми рожками, толпилось множество знатных господ и дам. Все они поголовно были реплиморфированными.

Стоявший в конце зала трон, из кости рыбы смерха был пуст. Он пустовал уже более полугода. И похоже, в ближайшее время продолжит пустовать.

В центре зала стоял белый мраморный постамент. Двое слуг несли в руках огромную, тяжелую книгу в серебряном переплете. Книга была заперта на замок. Это был церемониальный образец «Новой веры». Слуги, бережно положили книгу на постамент и удалились.

Дорий прошел, толпу дворян «пересадышей». Многие, косились на него исподлобья или отворачивались, демонстрировали свое неудовольствие от его появления.

«Умруны!» — подумал Дорий. Он ненавидел их не меньше, чем они его.

Наместник Истериан, ждал его на балконе и мечтательно смотрел куда-то вдаль. Истериану Пьескуиндору было 44 года. Однако он так заботился о своей внешности, что выглядел значительно моложе.

— Господин наместник, вечно сиять!

— Вечно сиять, Дорий, — сказал Истериан и поправил свои длинные каштановые волосы. Сегодня на параде мира я выступлю с речью. Вы же помните, и не посмели бы забыть об этом?

— Естественно, нет, — сказал Дорий.

— Выступив, я передам слово вам. Вы подготовили речь?

— Да, разумеется, — ответил Дорий и протянул Истериану темно-зеленую папку с листами.

Брезгливо принявший ее наместник открыл папку и тут же закрыл.

— Да! Прекрасная речь! — похвалил он Дория и правой рукой легонько похлопал главнокомандующего по плечу. Левой же рукой он отложил папку с речью на ограждение балкона. — Я детальнее ознакомлюсь с ней позже. Вам передадут ее на трибуне перед выступлением, — добавил он.

Дорий молча кивнул и спросил:

— Может, вы хотели что-то обсудить?

— Обсудить? Нет-нет, я просто хотел пожелать вам удачи и одухотворенного настроения, перед выступлением! — неестественно дружелюбно сказал наместник. — Мы не просто так посчитали, что вы с вашими качествами военного лидера, лучше всего подходите на роль второго оратора. Ведь кто лучше вдохновит простой народ Агенориды, как не коренной агеноридец!

— Благодарю за комплимент, — сказал Дорий.

На балкон поднялся рунаборский офицер.

— Господин, наместник, экипаж представителя уже направляется к дворцу.

— Начинайте церемонию.

— Слушаюсь!

— Ровно час дня, — сказал Наместник, взглянув на башенные часы. — Чтож, господин Эйрингросс, окажем дорогому гостю достойный прием.

Вся ожидавшая в зале знать вышли на улицу, под палящие лучи вечносферы. У дворца для них были приготовлены длинные черные навесы. По задумке они должны были надежно защищать реплиморфированных от прямых лучей вечносферы. Однако, даже несмотря на навесы, лица господ и дам плавилась. По их коже стекала прозрачная, слизеподобная субстанция. По первому требованию личные слуги аристократов, невероятно аккуратно вытирали шёлковыми салфетками, лица своих господ стараясь не повредить их.

Кроваво-красная дорожка уже была приготовлена. Она вела к парадной мраморной лестнице, где стояли нарядные рунаборские гвардейцы. Или же снеговики, как называл их Дорий.

Здесь же неподалёку расположился оркестр.

Из внутренних ворот замка вышел строй агеноридских солдат в черно зеленых мундирах. Маршируя, они приняли построение по правой стороне ковровой дорожки.

— Равняйся! — скомандовал Эйрингросс.

Он медленно прошел мимо них. Каждый отдал ему честь. Дорий заметил, что при его приближении солдаты странно морщатся.

— В чем дело солдаты? Что-то не так?

— Никак нет, господин главнокомандующий! — ответили все как один.

«А, должно быть дело в моем парадном мундире. Чертова тряпка!» — подумал Дорий.

И действительно, золотой мундир, отражал солнечные лучи не хуже зеркала.

На мосту, пуская дым из трубы, показался удивительный самоходный экипаж. Его сопровождало шестеро кавалеристов. Экипаж приблизился к дворцу. И лишь только он остановился, прогремели барабаны, загудели трубы. Эхо многократно отскочило от стен дворца и, исказившись, разнеслось по площади, придав церемонии странный, мистичный оттенок.

Лакеи изящно подкрались к дверям экипажа и попытались открыть их. Но у них это не получилось. Это их очень удивило. Внезапно дверь громко шелкнула и хаилин, что сидел внутри, сам вышел из экипажа. Представший всем собравшимся был не кем иным, как

Бироном Бененгреем. Благородный серый волк средних лет. Он, как всегда, создавал впечатление успешного, уверенного в себе зверя.

По толпе придворных прокатился изумленный вздох и люди зашептались. Однако их прервали трубачи. Звуки труб вновь разнеслись эхом по площади. Лишь только оно стихло, грянул гром выстрелов. Это строй солдат стрелял в воздух, приветствуя гостя.

Затем оркестр начал играть. Двое гвардейцев вышли из строя и в их сопровождении, представитель под звуки марша проследовал к мраморной лестнице, где стоял наместник Истериан. Его белый фрак и голубой плащ светились в солнечных лучах.

— Мы рады приветствовать вас, во дворце, Бирон Бенегрей! — начал он. — И пусть вас не омрачает, что его величество Леопольд IV Конин Арде, не может присутствовать на этом приеме. Я уверен, что он был бы бесконечно рад лично встретить вас. Заверяю вас, мы представители «новой веры», сделаем все, чтобы в Агенориде вы чувствовали себя как дома.

— Благодарю, вас господин наместник и всех собравшихся. Это великая честь не только для меня, но и для моей страны.

Началась церемония поднятия флагов. В жарком южном ветре, под торжественную музыку развивалось два флага: черный флаг Осванны с изображением священного белого моста и бело-голубой флаг рунаборга. На нем был изображен парящий голубь мира, несущий в клюве пшеничный колос. Белая полоса значила снега севера, а голубая полоса сверху, безмятежное небо.

«Хотел бы я видеть на его месте совсем другой флаг — Агеноридский», — с грустью подумал Дорий.

Все проследовали во дворец. Там в зале с давно пустовавшим тронem на столе лежала огромная книга. Она была заперта на кованый латунный замок.

Бирон Бенегрей торжественно вручил наместнику Истериану, как формальному главе государства верительные грамоты. Наместник Истериан же вручил представителю огромный золотой ключ — один из символов новой веры.

Дальше была церемония открытия книги — второго символа новой веры. Бирон Бенегрей вставил ключ в замок, повернул его и открыл книгу. Перед собравшимся предстали золотые страницы нового священного писания.

Наместник произнес еще одну торжественную речь с религиозным смыслом и пригласил всех собравшихся к столу, где сказал еще многое.

— Прекрасен тот факт, что ваше прибытие, совпало с проведением крупнейшего за всю совместную историю Рунаборга и Агенориды парада, — сказал он. — Надеюсь, что этот парад, также послужит ключом к открытию нового этапа отношений между Рунаборгом, Осванной и Агеноридой.

Хаилин ответил:

— Я уверен, что парад Рунаборгской теократии, послужит предзнаменованием, продолжительного и взаимовыгодного сотрудничества, между нашими странами. Надеюсь, что все разногласия и трудности, возникшие в последнее время, удастся разрешить взаимовыгодно.

Решению разногласий было отведено особое время. Настало три часа дня, наместник, представитель, главнокомандующий армией Агенориды, грегорбоннский бургомистр и еще несколько человек собрались в небольшой уединенной зале для переговоров.

Темный зал освещала огромная люстра с газовыми рожками. Стены украшали щиты с гербами всех Агеноридских владений, а в конце зала стояли выше человеческого роста часы

с маятником. Центр комнаты занимал длинный, темный стол, окруженный десятью креслами. Когда-то здесь собирались бургомистры и князья Агенориды.

Наместник Истериан Пьескуиндор чуть отодвинул кресло с высокой спинкой, принадлежавшее императору и сел во главе стола. Позади него висел пустой щит. Когда-то на нем красовался герб империи Теллуоров — золотое древо с пасущимися под ним животными. Старый герб спешно удалили, а новый — Рунаборгский, нарисовать еще не успели.

Бирон Бененгрей и Дорий Филипп Эйрингросс сели в кресла с противоположной стороны стола, в оппозиции. По правую руку от наместника сел бургомистр Грегорбонна — Джон Граег, а по левую село трое других людей. Про них Дорий знал только то, что все они были подменными дворянами. Два кресла остались пустыми.

— Господин, Эйрингросс, Господин Бененгрей и остальные присутствующие, объявляю первое заседание, чрезвычайной комиссии по решению Грегорбоннского инцидента открытым. И сразу передаю слово господину, Бирону Бенегрею, новому представителю Осваннской промышленности.

«Он, уже заведомо называет это аварией, — подумал Дорий. И будет пропихивать это Бененгею».

— Благодарю вас, наместник, — заговорил Бирон Бенегрей. — Прошло более 30 лет с момента появления первого осваннского предприятия на территории Агенориды. За это время было открыто 18 крупных фабрик и 9 заводов, добыто более 700 тысяч могом группинита и 900 тысяч могом траумарина, а число произведенных единиц продукции в потребительском сегменте исчисляется миллионами экземпляров. Совместная агеноросваннская продукция, в Валлервене приобрела репутацию качественной и надежной. И это не может не радовать. Однако... — Бирон Бененгрей недоговорил фразы и взглянул на Джона Граега — бургомистра Грегорбонна. Его, видимо, больше интересовала не речь, а темная лакированная поверхность стола. Бургомистр методично водил по ней ногтями, отчего раздавался мерзкий скрипящий звук. Бургомистр поймал на себе взгляд волчих глаз и моментально вжался в спинку кресла.

Однако, — продолжил Хаилин. — Я с великим огорчением сообщаю, что за последние 3 года, тяжелая промышленность в Агенориде, уверенно стагнирует, а объем и качество выпускаемой продукции стремительно падают.

«И кто же в этом виноват, Бененгрей? И дураку понятно, что вся промышленность с приходом рун в дефикационном отверстии засела», — подумал Дорий Эйрингросс

— Виной тому служат как природные, так и человеческие факторы, — продолжал Хаилин.

«Ах вот он к чему клонит», — снова подумал Дорий.

— Главными месторождениями руд Тиматура, являются долина «Солнца и ветра» и земли Грегорбонна. К великому сожалению запасы группинита вечносферы на последней упомянутой мной территории, почти полностью исчерпаны. Без группинита, выплавка траумарина и других тиматуровых руд становится практически невозможной. Дальнейшее финансирование производств в Грегорбонне, большая часть осваннских предпринимателей считает невыгодным, да и что уж там мелочиться, ущербным. Наши предприниматели вновь заинтересовались бы, вашими месторождениями, если бы стоимость перевозок, сократилась. Переправлять произведенное морем, через залив Элин, долго и дорого. Решением этой проблемы должна была послужить железная дорога «Грегорбонн — Порт Эрнбург —

Фангорд». И строительство началось в начале 1746 года и должно было закончиться в этом году. Однако, как мы все можем видеть, менее 15 процентов всей дороги было построено. Безусловно, в этом нельзя винить правительство Агенориды или правительство Рунаборга, — сказав это, Бирон Бененгрей посмотрел на Истериана.

Наместник приторно улыбался, словно сидящие рядом реплиморфированные. Однако, Истериан, как представитель Рунаборгской элиты не являлся таковым.

— Причиной этого послужила как трудноосваиваемая территории гор Аркафт, населенная опасными существами унку, так и боевые действия, — продолжал Бирон. — И в ближайшие годы, даже если правительство Рунаборга, решится повторно выделить на этот проект деньги, запуск железнодорожного снабжения не произойдет. В первую очередь, по причине откола от Агенориды северных земель.

Мы рекомендуем сперва вернуть долину «Солнца и ветра», или, по крайней мере, подписать торгово-производственный союз с Черным доминионом. Это будет отличным решением проблемы. Фангорд является крупнейшим месторождением группинита, а запасов траумарина в Грегорбонне хватит еще на много лет вперед. Это будет выгодно для обеих сторон!

— Господин представитель, — сказал Истериан, — мы ценим ваше мнение. Я понял, какую позицию заняла Осванна по отношению к агеноридским производствам. И мы сделаем все возможное, чтобы поспособствовать изменению этой позиции. Однако ради туманной надежды связать Агенориду. Кхе! — кашлянул наместник, — Связать железной дорогой, мы не готовы идти на уступки и подписывать официальные договоры с изменниками вроде Вальтера Скроне, неготовых принять идеалы новой веры! Мы выиграем эту священную войну и проследим за тем, чтобы самые активные и ярые противники новой веры, стали высокомотивированными рабочими и достроили железную дорогу! В конце концов, только тяжелым трудом совершенствуется душа!

— Господин, наместник, я просто передаю вам рекомендации от совета осваннских предпринимателей. Я в свою очередь, передам в Осванну вашу и рунаборга позицию.

Внезапно уши Бененгея настороженно задвигались. По залу опять разнеслось нетерпеливое постукивание. Наместник Истериан взглянул на бургомистра.

— Джон, прекратите!

Бургомистр посмотрел на Истериана и глупо улыбнулся, а затем было продолжил, но вовремя сообразил и прекратил.

— Извиняюсь, — ответил бургомистр все так же глупо улыбаясь. Казалось, что выражение его лица не менялось вовсе.

— Господин, Бененгрей, — наместник снова обратился к хаилину, — вы не закончили.

— Нам всем сейчас стоит решить другую куда как более важную проблему, господин Пьескуиндор, — обратился к наместнику Бененгрей. — Она напрямую влияет на отношения наших стран, и именно ради нее мы сегодня собрались. Речь о недавних происшествиях на фабрике «Герсонгер» и шахте «Чирэн».

— Напоминаю всем присутствующим, — начал наместник, — что в связи, с произошедшими неделю назад взрывами в шахте «Чирэн», была приостановлена добыча траумарина. После приостановки поставок траумарина, арахитовые и оружейные заводы, были вынуждены сократить производство более чем вчетверо. Однако, несмотря на это, произошла еще одна авария. Разлив Арахита на заводе Герсонгер.

Сегодня, в нашем совещании поучаствует еще один особый гость — бургомистр

Грегорбонна Джон Граег. Наместник Истериан посмотрел на бургомистра, снова поглаживавшего поверхность стола, не дававшую ему покоя.

— Господин бургомистр, не могли бы вы назвать нам, что точно известно об авариях? Точное время, обстоятельства и ущерб.

— Кхм! — кашлянул бургомистр. — Господа, — обратился он ко всем присутствующим. — 20 числа, в 16 часов дня, — начал он, делая паузу после каждой фразы и глупо улыбаясь, — в южной части шахты Чирэн прогремел мощный взрыв. Точное число жертв установить не удалось. По примерным показаниям, около трех бригад. То есть человек 45–55. Вот... — добавил он и замолчал. Внезапно выражение его лица переменялось и стало каким-то злым и плаксивым одновременно. — Но также в южной части находился один из подземных складов, — продолжил он уже серьезно. — Из наиболее ценного там были... — бургомистр снова замолчал. Лицо вдруг стало имитировать ярость. — Там были ящики с ПАН лампами! И сумма ущерба исчисляется более чем в 16 тыс. риппэ! Это невосполнимая утрата, господа. Невосполнимая! Просто ужасно! — возбужденно вопил Граег.

Истериан легонько толкнул его локтем. В ту же минуту бургомистр смыл ярость со своего лица и снова натянул на него выражение усредненного дружелюбия.

— Вот! Я все, господа. Закончил, — проямлил он.

«А человеческие жизни, значит, восполнимая? Ну-ну! — подумал Дорий. Еще одна вынужденная жертва. Хотя чего я жду от «пересадыша»?»

— Южная ветвь шахты, как я слышал, была наиболее перспективной. Это действительно потеря, — согласился с бургомистром, наместник.

— Что известно о заводе «Герсонгер»? — спросил Бирон Бененгрей.

— Завод «Герсонгер», господа? Завод начал функционировать два дня назад.

— Что? Как? — удивился Хаилин.

— Но, господа, вы же не хотите, чтобы завод простаивал. Я лично отдал приказ возобновить производство во что бы то ни стало. Я все правильно говорю, Граег?

— Верно, господин наместник, — согласился, бургомистр.

— В такое тяжелое время каждый упущенный день грозит тяжелыми последствиями.

— Точно! Точно! Время терять нельзя, — согласились молчавшие до сих пор трое реплиморфированных аристократов.

— Как мне докладывали, господин наместник, завод находится в неработоспособном состоянии. А прежде, чем приступать к устранению последствий и ремонту оборудования, должна быть проведена инспекция. Нужно найти точную причину! — сказал Бирон Бененгрей.

— Разумеется, мы не могли запустить работу завода, без устранения причин, — сказал бургомистр Граег. — Мы уже провели инспекцию. Сейчас я зачитаю результаты.

— Не надо! — неожиданно отрезал Бирон Бененгрей. Он начинал злиться.

— Не надо? — растерянно переспросил Джон Граег.

— Я сам ознакомлюсь с результатами, инспекции.

— Господин бургомистр, передайте господину представителю результаты инспекции.

Хаилин принял из мягких пухлых рук бургомистра папку в кожаном переплете и после непродолжительного ознакомления с ее бумагами, сказал:

— Я считаю, что составивший это человек полностью некомпетентен в вопросе. Он не разбирается ни в рудах ни в процессе их переработки и, разумеется, не должен выдвигать, подобные, ошибочные заключения.

— Господин представитель, не могли бы изъясняться точнее? Что именно вы считаете ошибочным? — лилейным голосом проговорил Истериан.

— Заключение, господин наместник. Инспектировавший человек, по-видимому, не имеет осваннской аккредитации. Он считает, что причиной аварии является несоответствие главного плавильного с чана стандартам качества. Чан, мол не выдержал температуры арахита и лопнул. В результате расплавленное вещество увеличиваясь в объеме, залило цех и большую часть завода.

— Так, что же здесь неверно? Если все так и есть? — спросил Бургомистр. Все, что указано в отчете соответствует действительности. Остывшие и затвердевшие остатки арахита несколько дней убрали с завода.

— Убирали? — с недоумением спросил Бирон, — Но... А впрочем, — прервал себя министр промышленности и сказал: — Мне не известно, что именно разлилось по заводу, Герсонгер. Я считаю, что правила использования чана, были нарушены. Чан делают с запасом прочности. Он рассчитан на температуру в два раза больше температуры плавления арахита. При правильной эксплуатации чан не выйдет из строя. Считаю, что в чане был вовсе не арахит.

— Значит, вы не согласны, с тем, что Осванна должна заменить оборудование на заводе по гарантии, на новые, более эффективные модели? — сказал один из придворных «пересадышей».

— Я не имею права согласиться с подобными требованиями! И я обращаю внимание на то, что на фабрике «Герсонгер» была проведена инспекция без согласия на Осванны. Инспектирующий не обладал аккредитацией.

— Но в документе стоит подпись директора фабрики — Вольфа Догбарта, лично назначенного Осванной! — возразил Граег.

— Это ничего не меняет, — сказал Бирон. — Даже директор не имеет права проводить инспекцию. А главное, обращаюсь ко всем! Почему об этой незаконной инспекции мне становится известно лишь сейчас? В период военного времени такое недопустимо. Недопустимы, самовольные, не одобренные действия. Это можно считать осознанным сокрытием улики.

— Господин представитель, фабрику нужно было запустить. Вы же осознаете это?

— Признаться нет, господин, наместник. Я не до конца понимаю, о чем вы.

— Такие действия были вызваны острой необходимостью.

— Необходимостью?

— Людям необходимо, где-то работать. Им! Им нужно что-то есть! Вы же не хотите, чтобы люди умерли от голода, верно?

— При чем здесь это?

— Люди, должны где-то работать. Завод нужно было запустить. Чтобы запустить завод, нужно провести инспекцию. Вы сами так сказали. Инспекцию провели и снова дали людям возможность работать.

— Да, точно, — поддакнули реплиморфированные, — людям нужна работа! Без работы сейчас не как.

«Ловко это он людьми прикрывается! И главное, как часто он говорит, работать! Люди, должны работать», — подумал Дорий и взглянул на растерянного Бененгрея, посеревшего лицом. «Кажется, пора вмешаться!»

— Вы говорите, что вам срочно нужно было вернуть людей на работу, а завод в

активное состояние. Тогда почему господин Граег, вы не запустили шахту Чирэн? И откуда, собственно, завод Герсонгер берет ресурсы? Разве не из шахты Чирен? Я ошибаюсь?

Наместник и Бургомистр переглянулись и, после небольшой паузы заговорил Граег.

— Видите ли, Дорий, господа, — он окинул взглядом присутствовавших. — Сейчас завод работает на сравнительно небольшом резервном запасе траумарина. Требуется немедленно возобновить его поставки. Вот... — добавил он в конце.

— Я не вижу проблемы, господин бургомистр. Что мешает вам открыть шахту Чирен? Почему рабочие с завода, срочно нуждаются в работе, а шахтеров вы лишаете возможности работать?

— Господин Эйрингросс — сказал кто-то из реплиморфированных, — рабочие сами не желают этого.

— Что это значит?

— Мы пробовали отправить шахтеров на работу. Но они сами устроили забастовки. Они, наотрез отказываются возвращаться в шахту.

— Как вы можете прокомментировать это, господин наместник, господин бургомистр? — спросил Бирон Бененгрей.

— Эти шахтеры. Да, кто их поймет? Вечно чем-то недовольны, — пробурчал бургомистр.

«Да, развернутый комментарий», — подумал Дорий Эйрингросс и ладонью потер щрамы на лице.

— И все-таки у них была какая-то причина, господа. Довольный персонал — это хорошо выполненная работа и высокие показатели добытых ископаемых, — сказал Бирон. Возможно, причина взрыва и причина недовольства шахтеров одна и та же? Раз уж так пошло, то не проводили ли вы инспекцию и в шахте?

— Нет, там мы пока не проводили инспекции, — сказал Граег.

— Так, что вы можете провести сами, — добавил Наместник Истериан.

— Правильно ли я вас понял, господин наместник, что на рабочих из шахты Чирен, не распространяется, необходимость кормить себя и семью? А, также правильно ли я понял, господа, что экстренная необходимость в добыче ресурсов для производства оружия уже отпала?

— Разумеется, рабочие по-прежнему остро нуждаются в работе, а наша великая теократия, в ресурсах. — ответил наместник, — Но и вы поймите, что вероятность нового взрыва по-прежнему сохраняется.

— Господин наместник, позвольте мне внести предложение? — сказал, один из подменных дворян.

— Разумеется, мы вас слушаем.

— Я считаю, что работу шахты нужно возобновить. Но наполовину. Работы по добыче траумарина, продолжатся в северной и восточных частях. Все-таки завод «Герсонгер» сейчас работает со сравнительно небольшим резервным запасом траумарина. И требуется немедленно возобновить его поставки. Безопасность рабочих обеспечит рунаборгская армия. С каждой группой рабочих будет сопровождение из нескольких солдат. Думаю, это обеспечит достаточный уровень безопасности.

«Ну ясно все с вами, — подумал Дорий. — Как обычно, под угрозой мирного расстрела загонят людей обратно».

— Это неплохая, идея, — согласился бургомистр, рукой поглаживая стол.

— Да! Да мы так и поступим! — возбужденно сказал Истериан. — Я сегодня же направлю приказ на юг. У людей снова будет работа!

— Я не считаю, что это хорошая идея, господин наместник, — возразил Хаилин.

— Причина взрыва, до сих пор неизвестна. Она может быть не только искусственного, но и природного характера. И в таком случае, солдаты, ни в коей мере не помогут избежать новой трагедии. Не говоря уже о морально-этической стороне такого метода. Метода, являющегося принуждением и нарушающем прав и свобод человека.

«Плохо вы, господин Бененгрей знаете рун. Они не откажутся от такой замечательной возможности, заставить кого-то работать под дулом оружия! Это же мирный, духовный конвой!» — подумал Эйрингрос и сказал:

— Господин Бененгрей, господин Пьескуиндор, я предлагаю агеноридским коллаборационистам сопровождать шахтеров, вместо солдат Рунаборга. Я готов, выделить для этих нужд часть моих людей в Грегорбонне. Я считаю, что агеноридцам, будет намного комфортнее работать под надзором своих земляков. Не говоря уже об упрощении их коммуникаций.

— Мне казалось, что ваших солдат в Грегорбонне совсем мало, — сказал наместник и добавил, — Но я не против. — После этих слов Истериан пристально взглянув в глаза Дория и таинственно проговорил: — Сегодня вы меня удивляете, господин Эйрингросс.

Истериан посмотрел на часы и сказал:

— Однако уже 2 часа дня, господа. Заседание пора заканчивать. Вы хотите дополнить еще чем-то, господин Бененгрей?

Хаилин несколько расстроено взглянул на Истериана и сказал:

— Господин наместник, я категорически не согласен с вашими методами. Более того, я еще раз убедился в том, что и завод «Герсонгер» и шахта «Чирен» требуют моей строчной инспекции. Уверен, что в итоге мной будут выявлены грубейшие нарушения правил безопасности и эксплуатации оборудования, пренебрежение человеческими жизнями и не только. Я выезжаю в Грегорбонн в ближайшие дни. И еще раз подчеркну, что Осванна, не намерена выдавать никакого нового оборудования. Более того, я склонен задуматься о закрытии предприятий!

— Хорошо, господин представитель, мы уважаем ваше мнение. Но мне показалось, что начало нашего сотрудничества, было несколько омрачено. Так что я поспешу исправить это. Я приглашаю вас на парад «Новой веры», совпавший с 100 годовщиной распада империи Теллуоров. Он начнется через час. Мы все будем безмерно рады видеть вас на трибуне для особых гостей. Парад начнется у площади Религио Квенси и закончится здесь, у дворца, где к народу выйдет сам Леопольд IV.

— Обязательно посету это значимое мероприятие. Тем более, если там будет Его Величество, — сказал Бирон.

— Великолепно! Будем вас ждать. А на этом первое заседание объявляю закрытым.

Придворные разошлись и в прохладном зале совещаний остались сидеть лишь Дорий и Бирон.

— На параде не будет ничего интересного, уж поверьте, — обратился к новому министру Дорий.

— И все же я буду на нем. Дорий, не могли бы рассказать мне, что вы думаете по поводу всего этого?

— Если вы хотите обсудить это, то лучше покинуть зал. Здесь стоят некоторые приборы,

если вы понимаете, о чем я...

— Я понимаю, о чем вы, господин, Эйрингросс.

— Не прогуляться ли нам?

— Пожалуй.

Глава 16. Гнев частиц

Спустя некоторое время человек и хаилин уже прогуливались по тенистым аллеям дворцового парка, расположенного на склонах горы. Это были Дорий Эйрингросс и Бирон Бененгрей.

— Откуда вам известно, что в том зале были записывающие устройства, — спросил хаилин.

— Известно, — уклончиво ответил Дорий и добавил: — У меня есть свои разведчики. Бирон, вот первое заседание прошло. Что вы думаете?

— Я не имею права говорить, ничего плохого про власть рунаборга, но и хорошего, к сожалению, не хочется говорить. Я разочарован. Разочарован, услышанным, разочарован методами, и, конечно, итогами этого совещания.

— Все было предсказуемо. Я ожидал, что заседание пройдет именно так.

— Эта инспекция, без моего согласия. Я возмущен! Откуда она вообще взялась? Кто эти инспекторы?

— Она была проведена специально. Нужно было скрыть следы диверсии. Прибрать улики. Эх, если бы я узнал о ней чуть раньше... — разочарованно сказал Дорий.

— Теперь установить точную причину аварии будет намного сложнее.

— Бирон, вы, должно быть, ознакомились с письмами, что я вам высылал?

— Да, Дорий, я получил все ваши письма.

— Вы согласны с моими предположениями?

— Я считаю, в них определенно больше смысла, чем во всем сегодняшнем совещании. Вы считаете, что это были диверсии? Можете еще раз изложить свои доводы?

— Я думаю, вы обратили внимание на некоторые несоответствия или странные вещи в том, что говорили Истериан и Граег.

— Да.

— Никто из них ни слова не сказал о пострадавших на заводе. А между тем, это около 250 человек! Только вдумайтесь в эту цифру! Столько людей не спрячешь. Мне стало кое-что известно. Многие из пострадавших находятся в критическом, я бы сказал предсмертном, состоянии. Сперва их частицы начали исчезать, и люди стали неспособны выполнять свои обычные задачи. А затем, их тела начали растеряться, становясь так называемыми интуилами! Вам это говорит о чем-то?

— Частичный дизраспад. Не может быть.

— Боюсь, может. Моя сестра, Анна Филлипа, министр науки, подтверждает, это дизраспад. Ей можно верить. Она давно занимается изучением явления, известного как гнев частиц, и частичного дизраспада. К тому же многие очевидцы из Грегорбонна говорят, что видели людей с прозрачными телами.

— Это опасное и редкое явление.

— Я и сам не хочу в это верить.

— Я считаю, пострадавших нужно изучить подробнее, — сказал Бененгрей.

— Верно. У меня есть медик — доверенное лицо, давний друг семьи. Он может отправиться в Грегорбонн вместе с вами. Поможет изучить пострадавших.

— Неплохая мысль, Дорий, — Но я сам найму специалиста-медика. Поймите меня правильно, участвующие в этом расследовании должны быть лицами не заинтересованными.

— Хорошо, Бирон, я вас понимаю. Но если передумаете, сообщите мне.

— Договорились. Меня смущает, что инспекция, устроенная Рунаборгом, не обратила внимание на странные симптомы у пострадавших. Куда они смотрели?

«Побродили по фабрике, поглазели на последствия и разошлись. Знаем, как они работают...» — подумал Дорий и сказал:

— Инспекция и все это было лишь для вида и отчетности. Они же так прямо и сказали, что не могли возобновить работу фабрики без заключения инспекции. Я считаю, что это заключение, про испорченный чан, придумал кто-то очень неглупый. Их интересует ваше новое оборудование, Бирон. Ни в коем случае не соглашайтесь на их требования.

— Я и близко не думал о чем-то подобном. Меня удивляет, что это говорите вы. Герсонгер — завод, что поставляет оружие военным.

— Вы и сами знаете 70 процентов от всего объема, произведенного экспортируют в Рунаборг. Они от этого в 7 раз больше потеряют. Просто я более чем уверен, что с оборудованием все в порядке. А завод... — слова Дория, были прерваны появлением военного в агеноридской форме. Он неожиданно вышел из-за дерева, отдал честь и сказал:

— Господин главнокомандующий, Анна Филиппа Эйрингросс просила сообщить, что все идет точно по плану. Процесс запущен. Охрана покоев также оповещена и подготовлена, к нештатным ситуациям после...

— Великолепно, — сказал Дорий и добавил: — Теперь скройся, ты не вовремя.

— Лучше скажите, Бирон, что вы думаете? — обратился к министру Дорий и добавил: — Действительно можно утверждать, что в чане было другое вещество?

— Это вероятно. Но я все еще не могу утверждать этого, — ответил Бирон. — Сегодня утром у меня была назначена встреча с Вольфом Догбартом. Он директор фабрики Герсонгер. Беседа с ним могла бы прояснить многое. Я мог бы сверить информацию, полученную от него с тем, что мне сказал Граег.

— Так-так. И? — многозначительно сказал Эйрингросс.

— Его не было. Он не пришел в назначенный час.

— Догбарт, разумеется, добирался из Грегорбонна морем?

— Нет, вы не поняли. Это не опоздание.

— Тут дело в другом, — сказал Дорий. — Сейчас порты Эрнбурга и Грегорбонна закрыты. Сообщение между городами жестко контролируется Рунаборгом.

— Я не думаю, что его исчезновение связано с дорожными трудностями. Мы общались с ним по средствам ветрографа. В ветрограмме он сообщил мне, что если его не будет в назначенный час, значит, он мертв. Согласитесь, писать такое без реальных опасений никто не будет.

— Да, выходит, Догбарт действительно обладал важными сведениями. Будь я на его месте, оставил бы какие-нибудь записи. Он не давал вам никаких инструкций на случай его исчезновения?

— Единственное, что он просил сделать это передать ветрограммы его жене лично. Также он акцентировал внимание на том, что берет с собой чертежи.

— Это странно, — сказал Дорий и добавил: — Вероятно, он опасается, что эти чертежи попадут не в те руки. Да, возможно, его жена знает что-то? Но спешить не будем. Если вы согласны, сперва я пошлю своих людей на поиск директора. Мне очень не нравится все это. Здесь, уж извините, но вопрос в моей юрисдикции.

— Я вовсе не возражаю. Однако я вынужден предупредить, что я уже поручил

расследование этого дела одному именитому наемнику. Предупредите своих людей о нем.

— Как зовут вашего наемника?

— Он потребовал не раскрывать его имени третьим лицам.

— Вы ведь понимаете, что я отвечаю за службы правопорядка? Господин представитель, тут дело в вашей безопасности. Да и потом, о ком мне сообщать моим людям?

— Можете не переживать за меня. Я уже работал с этим человеком. Он хорошо себя зарекомендовал.

— Как вам угодно. Но по крайней мере можете сказать, где вы его наняли?

— В клуб-ресторане «Океанская глубина».

— Да... Так я и думал, — сказал, Дорий, словно бы удостоверившись в своих подозрениях.

— Бирон я понимаю, вы работали с этим человеком, но все наемники из «Океанской глубины» — личности сомнительные. Рестораном владеет Мальтомайн Равер-рид, а он антимон «Трех клинков». Все наемники, бывающие в «Океанской глубине», работают на него. Вы же не хотите, чтобы он был в курсе нашего расследования?

Бирон молча кивнул.

— Не исключено, что Мальтомайн и ваш проверенный наемник в сговоре. Так что вам стоит отказаться от услуг этого человека. Небезопасно это...

— Я не намерен отказываться от его услуг. Этот человек сам предупредил меня о нехорошей репутации «Океанской глубины».

— Сам предупредил? — удивился Дорий и подумал: «Что это за наемник еще? Он просил не говорить своего имени. Почему? Скрывается? Странно. Все это странно. Нужно найти информацию о том, кто работал на Бененгрея в прошлом. Именитый наемник...» — Бененгрей, что вы ему сообщили? Как поставили задачу?

— Пока лишь то, что в Грегорбонне произошли странные аварии. Я сказал, что ему нужно узнать их истинную причину.

— И все?

— Нет, я сказал ему про пропавшего директора.

— Понятно.

— Он сказал мне, что возможно Догбарт объявится.

— На сколько у вас была назначена встреча с Догбартом?

— На 10 часов утра.

— Уже 15 часов. Он так и не объявился, — констатировал Дорий.

— Да. Я договорился встретиться с наемником сегодня вечером в портовом районе.

— Портовый район большой.

— У меня записано место. Он сказал, что оно безопасное.

— Таких мест в портовом районе немного. Вероятно, речь о площади «Сытых и старых»?

— Кажется, да.

— Там находится крупный пиратский притон.

— Место не безопасное?

— Ну... Относительно, — сказал Дорий, — однако без охраны я вас туда не отпущу.

— Пожалуй, с охраной действительно спокойнее.

— Верно, верно... — сказал Дорий и замолчал. «Пошлю-ка я парочку людей с Бироном.

После встречи с наемником пусть заглянут к Гронго. Старик уже три недели не отчитывался по затопленным рунским кораблям. И, пусть разберутся с этими странными убийствами».

— Бирон, я бы пообщался с этим вашим наемником лично.

— Думаю, это не самая плохая идея, — сказал Бирон и неожиданно спросил: — Дорий, как вы считаете, насколько велика вероятность покушения на мою жизнь?

Они уже стояли у ограды парка. Дорий ответил:

— Пожалуй, это маловероятно. Вы новый представитель и сейчас находитесь на виду у всех. Убить вас слишком рискованный шаг. К тому же незачем? Вы пока ничего не знаете.

— Но, если узнаю и риски возрастут?

— Безусловно.

— Вечером, после встречи с этим наемником загляните ко мне на Эмиссар-Адвиранс 72В. Сейчас у меня столько работы, что я целую ночь не сплю. Обсудим за чашечкой чая дальнейшие действия. К тому же я бы посмотрел на те волнограммы Догбарта.

— Хорошо, я приду. Но разве мы до того не встретимся на параде?

— Вы все же решили посмотреть на него?

— Я уже пообещал наместнику, некрасиво получится, ведь там сам император будет. Да и времени до начала осталось совсем немного.

— Да, ради Его Величества стоит появиться, — согласился Дорий и подумал: «Смерть императора черт знает, что еще повлечет. Не хватало еще, если представитель пострадает. А, впрочем, это все сестра... Она же считает, что гнев частиц необратим. Если представитель лично будет свидетелем, смерти императора, возможно, у совета Осванны возникнут некоторые вопросы к Рунаборгу. А это может привести к интересным последствиям...»

— Для главных гостей парада отведена особая трибуна с удобными местами. Она находится прямо на дворцовой площади. Вы, должно быть, уже видели ее?

— О да. Она огромная, сложно было бы ее не заметить, — согласился Хаилин. — Вы тоже будете на ней, господин Эйрингросс, или нет? Вероятно, будете участвовать в параде, как и наместник?

— Нет, я буду на трибуне. В параде участвуют только войска Рунаборга. Я не имею к ним никакого отношения. Мне подчиняются только Агеноридцы. Однако я выступлю на этом параде с речью, сразу после Истериана.

— Как я говорил, до начала остается не так много времени.

— Вот как? Тогда можем отправиться туда вместе.

— Да, пожалуй.

Грязные, страшные тучи сгущались над столицей агенориды. Они ползли в сторону дворца, где огромная фигура Винцгергеле — древнего агенорского полководца нависала над каменным овалом дворцовой площади. Полководец держал в руках сломанный посох правителя унку. Тучи остановились ровно над его головой. Они начали кружить против часовой, образуя спираль. В их глубине блеснули проклятые зеленые молнии, послышался гулкий, утробный раскат грома. Дворец с высокими ажурными башнями, длинным полукругом обступал площадь с западной стороны. С востока площадь граничила с горной рекой, впадавшей в залив Элин. Через реку перекинулся самый длинный однопролетный мост во всем Валлервене.

У стен дворца стояли красные трибуны. По случаю 100 годовщины смерти последнего императора из рода Теллуоров, прибыли самые знатные, реплиморфированные люди империи Агенорида. Все они румяные и до неестественности веселые сидели под красными навесами

и ожидали, когда с проспекта Баль-Бинарэ покажутся украшенные белыми цветами и флагами с изображением голубя платформы.

В сопровождении личной охраны Дорий Эйрингросс и Бирон Бенегрей, поднялись на самую вершину трибуны и заняли два мягких золоченых кресла. Отсюда открывался чудесный вид на всю площадь и город. Далеко внизу темнела вода залива. В ней отражались надвигавшиеся черно-зеленые тучи.

— Видите тот балкон? — спросил Дорий.

— Да.

— Это покои императора. Совсем скоро Его Величество предстанет перед народом.

— Жаль балкон далеко. Отсюда плохо видно, — разочарованно сказал Бенегрей.

«Черт, видно действительно плохо, — подумал Дорий. — Впрочем, если все пройдет удачно, это не имеет значения».

— Кто на той стороне площади? — спросил Хаилин.

— А? — переспросил Дорий, отвлекшись от раздумья, — А, там простой народ.

— Почему они за ограждениями словно скот? Это неправильно.

— На самом деле, они здесь не по своей воле, Бенегрей. Их заставили просто потому, что они обладают чистыми частицами. Видите, сколько солдат сдерживают их за ограждениями?

И действительно серо-бурую человеческую массу, копошившуюся с противоположной стороны площади у самой скалы, сдерживали солдаты рунаборга. Одетые в белоснежные мундиры, они стояли сплошной цепью, не давая людям свободы. Центр площади, подготовленный к скорому прибытию торжественных платформ, был расчищен. Горожане были заперты и не могли покинуть площади.

— Это чудовищно.

— Я бы не рекомендовал вам, говорить здесь что-либо подобное. Хоть тут и шумно, однако, все эти господа обладают на редкость острым слухом.

— Какая странная сегодня погода? Видите, эти тучи? — сказа хаилин.

— Тучи? — спросил Дорий и посмотрел вверх, туда, где в грязно-черных облаках, глухо гремя, били странные зеленые молнии.

— Что вообще такое? — вырвалось у него. — Только что ведь светило.

— Мне тоже интересно, господин Эйрингросс. Я впервые вижу нечто подобное.

— И я, признаться, тоже, — согласился Дорий и подумал: «Неужели Анна была права? Не хватало еще второго Пиджетея нам!» Дорий взглянул на башню дворца. Часы показывали без четверти пять. «Отступить уже слишком поздно. Иона уже запустил накопление энергии, и скачек скоро произойдет».

— Приборы говорили, что сегодня не предвидится дождя. Как бы это не помешало параду, — высказал свои опасения министр промышленности.

— Я думаю раньше, чем император выступит, ничего не будет, — сказал Дорий.

— Да, пожалуй, — согласился, Бирон.

Дорий подумал: «скорее всего, все это случится после его смерти».

Внезапно донёсшиеся звуки труб оглушили всех собравшихся. Все, кто сидел на трибуне, как по команде обернулись, посмотрели вправо. Вдали показались колонны солдат и платформы. Они быстро приближались. Ревели трубы и оглушительно гремели барабаны, соревнуясь с громом в черных тучах. Совсем скоро стали различимы участники этой процессии: барабанщики и трубачи, за ними всадники на белых лошадях, знаменосцы с

флагами Рунаборга и первая платформа. Это была громадная, высотой с четырехэтажный дом белая книга. Сразу за ней ехала другая — золотой ключ.

Аристократы, восседавшие на трибуне, зашумели. Послышались радостные крики:

«Да здравствует новая, истинная вера!»

«Да здравствует сравнение!»

«Смешанные частицы каждому!»

Оглушительный гром аплодисментов.

Дорий сказал, что-то, обращаясь к хаилину.

— Что? — крикнул Бирон. Хотя они сидели совсем рядом, было почти ничего не слышно. Когда аплодисменты стали чуть тише, главнокомандующий повторил:

— Эта книга и ключ — символы новой веры.

— Да я знаю!

— Нет, я не совсем про это. Когда платформы подъедут они вставя... — слова Дория заглушила очередная волна аплодисментов.

— Вдалеке показалась другая платформа циклопических размеров. Это был белый голубь мира — символ Рунаборга. В клюве голубь держал непропорционально длинный, золотой колос пшеницы.

«Так вот где Иона установил отражатель. Сразу видно, мастер! Ну чтож, теперь главное, чтобы все это сработало. Или? Хотя...» — Дорий Эйрингросс взглянул на небо. Воронка черных туч продолжала кружиться над головой древнего полководца. Она все набирала мощь, вращалась все сильнее. «Ты что, Дорий! Нужно взять себя в руки. Неужто испугался? Вот этого испугался? Или того, предстоящего? Отступить сейчас, когда победа так близко? Не смей! Все уже подходит к финалу. Все получится. Но эти дьявольские тучи! Неужели все эти румяные болванчики не видят их? Не замечают? Что, так зрелище увлекло?»

— Господин Эйрингросс, — обратился к нему хаилин, — вам известно, что на мосту солдатам не стоит маршировать?

— Что? — Эйрингросс взглянул на мост, соединявший проспект с площадью. Ряды трубачей и барабанщиков уже успели вступить на него. Бирон продолжал:

— Наши недавние исследования показали, что ритмичные звуковые колебания, создаваемые марширующими, передаются окружению. В результате мост может обвалиться.

— Да, господин представитель, мне известно об этом, — соврал Дорий. «Черт, а хорошо было бы, упали они все вниз вместе с Истерианом». Дорий злорадно улыбнулся и представил себе запачканные кровью, белоснежные мундиры рунаборжцев и придавленное тяжелым камнем тело наместника. Однако, все солдаты благополучно перешли мост и оказались на площади, а за ними и конница, и громадные платформы. Мост даже не колыхнулся.

«А информация, про эти колебания полезная. Когда-нибудь ее можно даже на практике применить», — подумал Дорий.

Трубачи и барабанщики заняли отведенный им квадрат площади и, на мгновение смолкнув, начали играть другой марш. Солдаты продолжали прибывать, заполняя площадь. За ними платформы и все участники парада. Аристократы и богачи на трибунах снова захлопали, затем, выкрикивая хвалебные возгласы всевозможных разновидностей, стали кидать в воздух цветы.

На площадь въехала главная платформа. На белоснежном голубе между двух крыльев гордо стоял наместник Истериан Пьескуиндор. Аплодисменты превратились в рокот водопада, а цветы ливнем покрывали площадь. Дорий видел, как несколько знатных дам,

сидевших неподалеку попадали в обморок. «Ах, Истериан!»

— Я и не думал, что наместник, пользуется такой популярностью! — выкрикнул Бирон Бененгрей.

— Пользуется популярностью? — переспросил Дорий с недоумением. — Это же реплимор... — недоговорил он.

Марш стих и проревели трубы. «Сейчас наместник выступит... Сейчас он выступит...» — по рядам пронеслись взволнованные перешептывания.

Уполномоченный четырьмя надзирателями и верховным первосвященником Аполло Фольредором, представитель Рунаборгской теократии и новой истиной веры на земле Агеноридской — наместник Истериан Пьескуиндер!

— Граждане Агенориды, — заговорил наместник, — сегодня великий день для всего мира! День торжества светлой истинны, над тьмой вековой лжи!

Но Дорий не слушал его. Он смотрел на балкон императорских покоев. «Совсем скоро! Совсем скоро!» — думал он, а наместник все говорил и говорил. Тучи сгущались. Время шло.

...сегодня, в этот великий день, народ Агенориды вновь узрит своего императора! Старого владыку, осознанно уступающего место всему новому и истинному...

Приветствуйте! Ликуйте! Великий носитель частиц равновесия...

...Его Императорское Величество Леопольд IV Конин Арде.

Раздался гром. Все обернулись в сторону балкона. Высокий молодой человек с черными волосами выкатил трон. На нем сидел пожилой мужчина в роскошных золоченых одеждах. Казалось, он уже был безжизненным, и убивать его не требовалось.

«Вот и все! Пути назад нет», — подумал Дорий обреченно. Послышались аплодисменты, но куда как более скромные.

— Дорий, мне кажется, придворные были больше рады видеть наместника, чем Леопольда четвертого.

— Видимо, так и есть... — сказал Дорий и взглянул в сторону горожан. Простые люди, впервые за сегодня были рады по-настоящему. Они кричали и приветствовали императора.

— А мы лишим их этой радости... — сказал он вслух. Но, к счастью, шум скрыл его слова.

Время шло. Наместник продолжал свою речь. Дорий Эйрингросс, все смотрел и смотрел на балкон, где лекарь Цимих — его подельник шевелил белую руку императора, приветствуя народ Агенориды. Дорий словно заколдованный смотрел на это вялое приветствие и боялся, что сейчас случится необратимое. Главнокомандующего бросало то в жар, то в холод. Его спину покрыл пот. Наконец, он спохватился:

«Что за?! Что они там возятся! Речь уже подходит к концу», — подумал он и, наконец, вытер со лба пот. Весь золотой рукав промок. «Ну ладно этот старик, что с тобой Анна? Что-то явно пошло не так!»

Наместник Истериан тем временем:

... Равновесие настанет только тогда, когда все Валлервенцы станут равными в своих частицах! Обращаюсь к вам, Агеноридцам, носителям чистых частиц! С сегодняшнего дня, со дня 100 годовщины смерти императора Иохима I, открыт набор граждан в ряды армии защитников веры! Вступайте в ряды «Тео колабра инициалис» — духовной армии! И докажите, что вы тоже достойны быть духовными людьми! Ура!

Истериан закончил речь. Площадь накрыло волной аплодисментов знати. Еще несколько дам упало в обморок. По толпе простых горожан прошла волна тревоги и

беспокойства. Когда все это стихло, а дамы неожиданно быстро пришли в себя, позади Дория появился военный, один из его подчиненных. Он отдал честь и сказал:

Ваше высокоблагородие главнокомандующий, наместник приглашает вас к пьедесталу выступить.

Дорий медленно, словно в бреду поднялся к пьедесталу. С его волос стекал холодный пот. Спина стала такой липкой, словно ее медом намазали.

Он поднялся на ступень и оказался перед стойкой. На ней стоял небольшой шарообразный прибор — усилитель. На постаменте вместо его зеленой, лежала другая, голубая папка с голубем. Дорий взглянул на небо.

Воронка из черных туч исчезла, словно не существовала вовсе.

«Это конец! Все провалилось», — обреченно подумал Дорий. Яркий луч вечносферы осветил постамент. Он отразился от золотого мундира, Эйрингросса и на мгновение ослепил его и окружающих аристократов. Реплимофированные злобно поморщились.

Над всей площадью повисла густая и гнетущая тишина. Было слышно лишь напряженное дыхание главнокомандующего Эйрингросса и быстрые сбивчивые удары. Это его сердце нервно билось, нарушая ритм.

— Господин Главнокомандующий, — послышался шепот позади, — прошу вас, начинайте...

Дорий, сглотнул, рукавом вытер пот со лба и сказал, как ему показалось смело, но получилось все равно неуверенно:

Господа и дамы, граждане Агенориды! Как уже было сказано, равновесие настанет только тогда, когда все люди Валлеврэнна сравняют свои частицы! Обращаюсь к вам, верным последователям новой веры, Агеноридцам! Пришло время наставить на истинный путь, всех, кто с него сбился! С сегодняшнего дня, с дня 100 годовщины распада империи, Рунправительство Агенориды, создало приказ о формировании армии граждан — защитников веры.

Над площадью нависала тишина. Всё взоры были устремлены на него.

Дорий в очередной раз вытер пот и подумал:

«Это же не моя речь! Подменили?» Он собрался и продолжил:

По изданному сегодня указу. На основе ундоскопических паспортов, граждане мужского пола возрастом от 16 лет и старше, обладающие чистыми частицами или частицами, смешанными менее чем на треть, в добровольно принудительно будут направлены в Тео Колабра Инициалис, ряды Духовной армии! Граждане к моменту начала призыва, не обзаведшиеся данным документом, будут направлены на удоскопический анализ в принудительном порядке. Призыву в армию Тео Колабра Инициалис также подлежат все нетрудоустроенные, безработные жители крупных городов. Призыв в Армию Тео Колабра не распространяется на граждан Арестократического происхождения, а также граждан прошедших реплимофирование!

Однако, согласно указу, каждый гражданин, не попадающий под этот перечень, может по собственной инициативе вступить в армию!

Дорий, посмотрел вдаль, туда, где толпились горожане, начинавшие негодовать. Скоро этот вулкан должен был извергнуться. Дорий продолжил:

Ко всем незаконно уклоняющимся, дезертирам и прочим будут применены строжайшие меры, согласно закону, их имущество конфискуется в пользу государства, а семьи, могут быть арестованы, при наличии отягощающих обстоятельств! Также правительство Рунаборга

и правительство Агенориды уведомляет всех: если среди ваших родственников, друзей, коллег знакомых и прочих есть те, кто обладает чистыми частицами и незаконно уклоняется, скрывается, просим вас незамедлительно предоставлять всю информацию об этих людях! Они враги не только развитого мира! Они ваши враги!

За раскрытие информации о каждом таком уклонисте гражданин будет получать эмблему «Сфераль Онос». За пять эмблем гражданин будет получать особые предметы поощрения!

Его речь прервал наместник Истериан. Из усиливающих приборов. По площади разнесся его мелодичный голос:

— Благодарю вас, господин Эйрингросс. Я напоминаю, что сегодня праздник. День добра и мира! — сказал он, заглушая разъяренные крики граждан с чистыми частицами, стоявших за оградой. — Я надеюсь, что все, кто слышал мою речь и речь господина Эйрингросса вдохновились и зарядились! Я думаю, именно это вдохновение принесет нам скорую и легкую победу! Вступайте в армию Тео колабра! И... — он сделал паузу, — защищайте право выбирать свой путь и быть духовным! Ура!

Горожане пытались вырваться из-за стальных ограждений. Но солдаты надежно держали строй. Под звуки музыки на площадь летели камни.

Дорий, сошел с пьедестала. Жиденькие аплодисменты придворных проводили его. Он вернулся к Бененгрею и обессиленно рухнул в кресло.

— Вы хорошо выступили, господин Эйрингросс, — попытался подбодрить его Бирон Бененгрей.

— Что? А ну... Да... Да... — машинально согласился Дорий.

Он был погружен в мысли. «Проклятье! Почему все сорвалось? Куда пропали облака, почему император жив? Что, если нас раскрыли?»

«Или все это к лучшему? — неожиданно всплыла мысль, — Что, если это сами боги — надзиратели вмешались? Ведь, если это и вправду был гнев частиц, все жители города бы погибли!»

«Э-эх! — тяжело выдохнул Дорий. Речь что-ли мою подменили? Ведь я ничего такого не писал. Простой Агенор! Хитрые гады! А Истериан особенно. Хотя какая теперь уже разница?» Его мысли прервал хаилин:

— Взгляните, что там происходит

— Где?

— Там, где книга.

— То же самое, что и во дворце, господин представитель. Они ее сейчас откроют... — безучастно ответил Дорий.

И точно, платформа, изображавшая ключ и изображавшая книгу, сблизилась. Ключ поднялся и попал в скважину замка на книге. Затем повернулся, и книга открылась. Но вместо священных писаний собравшимся предстала необычная механическое нутро, заполненное небольшими ракетами.

Жужжа и шурша, они одна за другой полетели в закатное небо. Небосвод накрыло цветочным одеялом взрывов. Фейерверки лопались снопами искр, сыпали золотыми частичками, напоминавшими монеты. Горожане замороженно глядели в небо, остыв и на время забыв о негодовании.

Где-то за спиной Дория снова послышался голос полковника его подчиненного:

— Господин Эйрингросс, прибыл офицер из личной охраны императора. Говорит, что у

него срочная информация для вас. Принять его?

«Из охраны императора? Ну вот и вскрылась причина провала», — подумал Дорий и сказал:

— Веди его ко мне.

Спустя пару минут на трибуну к Дорию поднялся офицер из личной охраны императора, отдал честь и передал главнокомандующему конверт от Анны Филиппы.

«Она похоже спешила, когда писала», — подумал Дорий. Нервным, небрежным почерком, было написано:

Операция провалилась. Он жив. Требуется твое личное присутствие. В покоях было замечено двое посторонних: неизвестный и Мальтомайн Равер-рид.

«Ну, конечно, как тут могло обойтись без этого полоумного Эльфа! — подумал Дорий, — То-то я его на трибуне не видел». Он продолжил читать.

Аппарат был поврежден неизвестным и не подлежит восстановлению. Получив волновой импульс, неизвестный сильно пострадал. Сейчас он без сознания и находится в тяжелом состоянии. Мальтомайн скрылся. Дорий, поспеши!

Глава 17. Враг моего врага

Наемник открыл глаза и увидел потолок в трещинах и подтеках. Огромный кусок штукатурки свисал с него, угрожая вот-вот упасть на Ахимаса как лезвие гильотины. Голые каменные стены, исписанные ругательствами, окружали его. Из темных углов на него пялились маленькие глазки черной плесени. Воняло мочой.

«Что? Что это за место?»

Ахимас приподнялся на локтях. Маленькая комната, освещаемая темносферой. В единственной стальной двери узенькое решетчатое окошко.

«Я в тюрьме? Похоже на то. Как я оказался здесь? Так, надо восстановить картину. Последнее, что я помню. Станный пронзительно звеневший аппарат, я подошёл к нему, что-то нажал... так... да... А потом меня отбросило, волной похоже. Я вырубился от этой волны? Или ударился о?»

Ахимас потрогал затылок рукой. «Нет, крови нет. Хорошо».

Внезапно он ощутил холод и слабость в теле. И тоже неприятное чувство потери и потерянности.

«Опять?» Ахимас вновь чувствовал, что его частицы обнулились и сбросили все наработанное. Однако на сей раз чувство не было настолько же острым, как прошлым утром.

«Видимо, за день частицы не успели сильно измениться. Что-то уж слишком часто за последнее время я страдаю. Эта волна должна была убить императора. Но, а меня не убила, хотя я был у самого прибора. Наверное, потому, что частицы обнулились и напитали мое вето поле. Странно это. Так значит, меня, без сознания и принесли сюда в эту камеру. Только вот где эта камера?»

Ахимас встал с лавки и посмотрел налево. Там под самым потолком было узкое окошко. Яркий луч темносферы падал на пол камеры. Ахимас подошёл к стене, подпрыгнул и руками уцепился за решётку. Подтянувшись, он увидел ничем не примечательный каменный двор крепости.

«Понятно... Понятно, что ничего не понятно», — сказал он вслух и подумал: «Сколько я здесь? День? И что со мной собираются делать? Отправят в Рунаборг за награду? Или разберутся здесь же? А стоит ли вообще гадать, какая участь меня ждет? Не буду оттягивать».

Ахимас подошёл к стальной двери. Постучал в неё четыре раза.

— Стража! Эй, стража!

— Чего орёшь? Люди спят! — донесся хриплый, сонный голос из соседней камеры.

— Стражу позови.

— Ты это мне? — спросил голос и зевнув добавил: — Клоп!

— Тебе! Ты кого клопом назвал?

— Клопа... — невозмутимо ответил голос и раздался храп. Во сне заключенный проговорил: — Стражу звать. Ишь чего удумал!

Из другой камеры послышался тихий голос другого заключённого:

— Стража спит, и ты спи. До утра ты никому не нужен, наёмник.

— Ты знаешь кто я?

— Услышал, когда тебя сюда принесли полумертвого. Ух и заварил же ты кашу.

— Заварил кашу?

— Ну да. Чай сам не знаешь? Подумать жутко, что теперь тебя ждет.

— Никакую кашу я не варил.

— Ну ты даёшь! О том, что ты сделал все, знают. А ты не знаешь?

— Ну, поведай мне, незнакомец, — сказал Ахимас и подумал: «Неужели император погиб? На меня повесили вину? Нет, не может этого быть!»

— Ды ты же Фольредора убил. Вернее, пытался.

— Убил и пытался вещи разные. Да и не тот Фольредор это был, — усмехнулся Ахимас подумав: «Значит, все еще старая песня».

— Как так? — спросил заключенный.

— А вот так! Их — Фольредоров, много.

— Не понимаю я, что значит много. Я же про того, что Аполо Фольредор, первосвященника Рунаборга.

— Ну так и я про него.

— Ты, ты-ты. Ты бред какой-то несешь! — возмутился заключенный.

— Заткнись! — донеслось из соседней камеры. — И молча себя тыкай. Урод!

— Может, и к лучшему, что ты не понимаешь. Главное тут, что на самом деле я ни в чем не виноват, — грустно сказал Ахимас, вновь ложась на нары.

«Если на меня повесят убийство Леопольда, то меня, вероятно, не станут отправлять в Анбелонген, а разберутся на площади устроив людную казнь. Изменит ли что-то, если я скажу, что я Теллура не просто Ахимас Арден? Варитли. Но что, если Леопольд все же жив? Если я поймал волну из аппарата и закрыл его?»

Вдали послышалось шаги. По каменному тюремному коридору шли двое людей. Шаги первого слышались выверенными и ритмичными, у второго был тяжёлый шаркающий шаг.

— Вот, я сделал все как вы приказали, господин главнокомандующий! Бросили в камеру. Не разговаривал с заключённым. Все время спал. А как только заключённый подал признаки жизни, позвав: «Стража! Стража!», я сразу вам доложил.

— Болван! — устало ответил другой. — На кой черт ты его в общую посадил? Я же приказал: только в одиночную!

— Ваше превосходительство. Он сидит один.

— Ага, я слышал разговоры две минуты назад.

— Помилуйте, ваше превосходительство. Тюрьма переполнена. Куда же мне было его девать? Я и так пятерых из камеры выселил. Ему одному целую камеру выделил, словно он настоящий принц.

— Меня не интересует, как и что... Ты не выполнил мой приказ. Жди беды, — отрезал военный, остановившись у камеры, где сидел Ахимас.

Стражник посветил в окошко камеры.

— Он не спит!

— Это я и без тебя понял. Значит так, вот из этих камер, всех переведешь куда подальше.

Заключённого, Ахимаса Ардена в комнату допроса. Выполнять!

— Есть выполнять, ваше превосходительство!

Стражник со скрежетом повернул ключ в скважине и толкнул дверь камеры. Она, издав трубный рев, открылась внутрь. В дверном проёме стояло двое людей. Факел ярко освещал их лица. Первый был пожилым солдатом — стражником. Второму господину было около 28 лет. Он был высокого роста. Волосы были темными. Одет господин был в мятый черно-

зеленый мундир, украшенный золотым галуном. На небритом загорелом и обветренном лице виднелось несколько шрамов. Ахимас попытался рассмотреть, что за звание на эполетах. Но в темноте было плохо видно.

— Заключённый, — обратился к Ахимасу господин в мундире, — встань и следуй за мной.

Ахимас поднялся с лавки.

— Руки! Перед собой! Быстро! — приказал стражник — тюремщик.

Ахимас вытянул вперёд руки.

— Ты! — господин обратился к пожилому стражнику. — Наручники надевай на него!

Стражник взял висевшие на поясе наручники и защёлкнул их на кистях Ахимаса.

— Следуй за мной, — приказал господин в мундире. — А ты позади!

— Есть следовать позади! — ответил стражник.

Они вышли из камеры и двинулись вправо по темному тюремному коридору. С обеих сторон были двери камер с номерами. Холод и сырость проникали под одежду. Ахимаса бил озноб. Отчего он был особенно рад теплу каждого встречного факела на стене. Только сейчас он понял, насколько же ему плохо и как ему хочется спать. Несколько раз он непроизвольно замедлял шаг. Идущему позади солдату приходилось грубо подталкивать его. Коридор с камерами закончился у входа в башню. По скрипучей деревянной лестнице они поднялись на ее вершину. Стоявшие у входа солдаты отдали честь.

— Вольно! — сказал господин в мундире и открыл дверь.

Здесь находилась камера пыток. Большая круглая комната. У каменных стен сохранилось множество древних орудий и механизмов, призванных причинять боль и страдания.

— Усади его за стол и уходи.

— Слушаюсь, ваше высокоблагородие!

Стражник отодвинул один из стульев за небольшим столом и грубо усадил туда Ахимаса.

— Иди уже! — сказал господин устало и сел напротив Ахимаса.

Наемник пошевелил руками и подумал: «Проклятье, кисти так сдавлены. Специально, что ли такие мелкие наручники одели?»

— Я не представился. Меня зовут Дорий Филипп Эйринросс, — сказал военный.

— Очень приятно. Я Ахимас Арден, — процедил Ахимас, мучаясь из-за наручников.

— Я знаю кто вы. Скажу сразу, если вы будете говорить мне правду, то все будет в порядке.

— Что значит ваше «в порядке»? И что будет, если я солгу? Вы же не собираетесь пытать меня? Ахимас окинул стены комнаты, увешанные пыточными орудиями.

— Я лично не собираюсь вас пытать. Я не палач. Я просто хочу поговорить.

— Это допрос?

— Нет, пока это просто беседа. Мне интересно.

— Спрашивайте.

— Угу... Позволяете, да? — с насмешкой переспросил Дорий, — Вчера в 6 часов вечера вас нашли на чердаке дворца над покоями императора Леопольда. Вы были без сознания. Как вы там оказались? Какую цель вы преследовали?

— Пытался предотвратить попытку убийства императора. Кстати, жив ли он?

— Жив. Продолжайте.

Ахимас тяжело выдохнул и подумал: «Значит, он спасен! Слава Кьялу»

— Мне известно, что вы господин, Дорий Филипп Эйрингресс, организатор этого покушения, — сказал наемник.

— У вас есть доказательства?

— Есть.

— Какие? Как, по-вашему, все было?

— Вы, вместе с Ионой Макаром и Анной Филиппой создали аппарат. С его помощью на протяжении нескольких недель воздействовали на разум и частицы императора, пользуясь тем, что его поле ослаблено. Затем, за два дня до парада, вы заменили лекарство на другое вещество. Оно, похоже, послужило катализатором разрушительных процессов в организме.

— Дальше?

— Дальше, императору стало совсем плохо. Вы обвинили во всем его личного Лекаря Эбара Лоре и орден «Трех Клинков», что охранял императорские покои. Наместник приказал вам арестовать лекаря. На его место вы поставили своего человека. Он вводил императору новые дозы веществ и довершил дело. Вчера проходил парад, и вы решили убить императора на глазах народа. Вы послали с прибора сильный волновой импульс. Но, похоже, импульс поймал я...

— Недаром ваши услуги пользуются спросом! Орден Онигия Оллания, хорошо обучил вас, — сказал Дорий.

— А вы умелый интриган и искусный изменник.

— Искусный изменник? Зачем вы так грубо? — лукаво сказал, Дорий Эйрингресс и широко улыбнувшись закинул ногу на ногу. — Я могу и не разговаривать с вами здесь. Мой прямой долг отправить вас с надежной охраной в Анбелонген, лично его первосвященству Аполло Фольредору.

— Вы не боитесь, что я расскажу про ваш заговор?

— Вам нечего предъявить.

— Аппарат на крыше.

— На крыше нет никакого аппарата.

— Вы его убрали? Тогда вещество, что вы ввели Его Величеству, не так трудно установить.

— Вы хотели сказать вещество, что ввел Эбар Лоре? — сказал Эйрингресс и оскалил зубы.

— Я сказал что хотел. Вы достаточно наследили. Свидетели есть. Вы, чуть ли не единственные придворные, не проходившие реплиморфирование. И если Рунаборг возьмется за расследование в серьез, они выйдут на вас. И в лучшем случае, если вам повезет, вас реплиморфируют! А в худшем вы сами знаете... А я позабочусь, чтобы в Рунаборге за это дело взялись.

— Если и возьмутся, то выйдут на Мальтомайна Равер-Рида. Его люди охраняли императора, он был в покоях во время парада. Наместнику уже известно обо всем. А вы считайте что хотите. Но, только я напомню, что вы сейчас в моей власти и ваша дальнейшая судьба тоже зависит от меня.

— Неужели вы, хранитель порядка, слуга закона, угрожаете мне? Вы готовы перейти эту черту?

— Какую еще черту? Да вы правы, я представитель порядка. А вы его нарушитель! Я вам не угрожаю, а лишь напоминаю. Я могу не отправлять вас к Фольредору! Про то, что вы

здесь, никто не знает. И в моих силах посадить вас очень далеко, туда, где даже лучи вечносферы не узнают про вас, не говоря уж о рунах. Вы Ахимас, наивно полагаете, что можете меня шантажировать?

— Вам, должно быть, сообщили, что со мной был и Мальтомайн Равер-рид. Теперь он подозревает вас, и его люди смогут без труда докопаться до истины. Его вам будет не под силу заставить молчать, — сказал наемник.

— Мальтомайн Равер-рид? Вы серьезно? Он не видел сам аппарат, его по-прежнему подозревают. Если я приложу чуть больше усилий, то скоро с ним будет покончено.

— Сомневаюсь, что Рунаборг откажется от ордена «Трех клинков». А вот в вас, господин Эйрингросс, Рунаборг не нуждается. Неужели вы считали, что, если императора не станет, вам позволят взять власть в Агенориде в свои руки? Совершенно очевидно, что это место займет наместник Истериан Пьескуиндор или другое высокодуховное лицо Рунаборга.

— Вы такого невысокого мнения обо мне? Думаете, это простая жажда власти? Вы понятия не имеете об истинных причинах.

— Так расскажите! Даю слово ордена Онигия Оллания!

— Вы пытаетесь спровоцировать меня? Это я спрашиваю, а вы отвечаете! А вашему слову я не верю. Есть одна странная такая деталь...

— Что это за деталь?

— Вы работаете с Мальтомайном!

— И что в этом такого?

— Это очень подозрительно! Он антимоно «Трех клинков». Лично подчиняется первосвященству Аполо Фольредору. А Фольредор разыскивает вас по всему Валлервену. Мальтомайн должен был отправить вас в Рунаборг, но он этого не сделал. У вас какой-то хитрый договор.

— А вы не думали, что его люди могли просто меня поймать, а их глава решил воспользоваться моими услугами?

— Есть некоторые факты, которые опровергают это.

— Какие же?

— Вы сами пришли в его ресторан.

— Откуда вам это известно?

— Известно! — отрезал Эйрингросс. — Так как все на самом деле обстоит?

— Я специально прибыл в Эрнбург, потому что услышал, что Леопольд VI в предсмертном состоянии. Мне срочно необходимо добиться аудиенции у императора.

— И для этого вы не нашли ничего лучшего, как прийти к своим врагам и попросить их о помощи?

Вы ведь целенаправленно шли именно в «Океанскую глубину». Это неслучайность. Вы даже билет смогли раздобыть.

— Откуда вам это известно? Может, я его купил?

— Вы две недели назад сбежали из тюрьмы Анбелонгена. И если бы вы его купили, то, значит, вам кто-то дал много денег. С кем вы работаете Ахимас Арден?

— Я ни с кем не работаю. Лучше скажите, откуда вам известно про билет?

— Не вы один расследования проводите! Отвечайте про билет! — повысив голос сказал Дорий. Он начинал злиться. — С какой радости Равер-рид помогал вам встретиться с императором?

«Неужели о билете его людям сказал Леонардо? Как это может быть? Этот Дорий

знатно порылся в событиях прошлых дней, черт!» — подумал Ахимас.

— Я знаю Мальтомайна уже много лет. Когда-то я спас его, и он был обязан мне, — сказал Ахимас.

— Меня этот эльф давно бесит. И его биография мне известна достаточно подробно. То, что вы говорите — ложь! До этого вы ни разу не пересекались с антимоном «Трех клинков». Так, на кого вы работаете? Какова ваша настоящая цель? Человек сбегает из одной из самых неприступных тюрем в Валлервене и направляется в страну, под оккупацией Рунаборга, в самый крупный город, где велик шанс быть пойманным. Там он зачем-то пытается добиться аудиенции у императора. Зачем вам эта аудиенция? А? Отвечайте! Вы, похоже, пытались завершить какие-то старые дела? Скажете сами, или мне пустить в ход один из этих инструментов? Главнокомандующий обвел рукой стены с пыточными приспособлениями.

— Хорошо, Эйрингросс. Вижу вы действительно человек старого порядка. Я хотел поговорить с Императором, потому что он последний человек, который виделся с моим братом Иохимом. Он точно знает, где мой брат.

— Братом? Иохимом? — переспросил Дорий.

— Иохимом II Теллуrom Вайлурским.

— Что за бред вы несете. Вы же Ахимас Арден.

— А говорили, что знаете кто я. Чтож, это много объясняет, — улыбнувшись сказал наемник. — На самом деле я не Ахимас Арден, а Ахимас Теллур Вайлурский.

— Бред, — повторил Дорий Эйрингросс и закрыл лоб рукой. — Ахимас Теллур бесследно исчез после Пиджетейской катастрофы.

— Нет, не исчез. Я изъявил желание остаться в ордене Онигия Оллания. Признаться, меня удивляет, что вы про меня не знаете правду. Ведь я эту фамилию «Арден», придумал там же в ордене. В Валлервене уже многим известно, что Ахимас Арден — это Теллур.

Ахимас попробовал пошевелить кистями в наручниках. Они сильно отекли и одеревенели.

— Что не хочется мне вам верить, — сказал Дорий. — Но тогда, многое становится понятно, — добавил он тяжело выдохнув. — Неужели вы не видели, что император в тяжелом состоянии? Он не может даже нормально говорить.

— У императора бывают моменты прояснения.

— Моменты прояснения... Это ведь не по расписанию происходит. Вы же не смогли караулить около покоев императора несколько дней.

— Но ведь это вы, с единомышленниками виноваты во всем этом.

— Ошибаетесь. Вы ведь знаете, что императору вводили осваннский препарат. Так вот, это вещество не способно полностью излечить ветодиструктит. Император лежит в постели уже год. По задумке Рунаборга должен пролежать еще несколько лет. Чем дольше, тем лучше.

— Задумке Рунаборга?

— Вы не думали, что им это просто выгодно? Слабый, прикованный к постели правитель. Такой правитель подпишет что угодно, им легко манипулировать. Да и лояльность народа намного выше. Но страшнее всего, что это сами руны и виноваты в болезни Леопольда. Раз вы Теллур, должны знать про заряжающие молитвы и обряды церкви.

— Да, я знаю, что Рунаборг все их запретил и поле императора лишилось энергии.

— И наместник и Лорэ лгут. Лекарю еще повезло, что он сидит только под домашним

арестом. Теперь вы понимаете? Мы просто решили прервать мучения императора и разрушить план рун. Это бы открыло новые возможности, дало бы Агенориде шанс.

— Что еще за шанс? — с недоумением спросил Ахимас.

— Его Величество был категорически против, договора с Черным доминионом. Он постоянно обвинял Вальтера Скроне в измене, видел в нем человека, который пытается сместить его с трона.

— Это не так далеко от истины.

— Да чушь это все! Старческая паранойя. Истина здесь в том, что Вальтер Скроне готов прийти на помощь Агенориде. Леопольду следовало бы пересмотреть свои взгляды. С помощью Скроне нам бы удалось победить рун.

— И вы ради этого пытались убить императора?

— Смерть императора спровоцировала бы бунты по всей стране! Войска Скроне, уже были готовы включиться в этот хаос! Мы бы перевернули ход войны и вышвырнули рун из Агенориды. Они боятся второй волны бунтов как огня!

— И ради этого вы хотели устроить новую Пиджетейскую катастрофу? Хотели, чтобы все в Эрнбурге умерли? Вы что, никогда не слышали про гнев частиц?

— Я знаю, что такое гнев частиц. Думаете, почему мы избрали подобный способ умерщвления? Любая попытка убийства обладателя частиц равновесия, карается Тарникос Гнуэ. Мы решили сыграть по правилам игры. Сделать так, чтобы сами частицы и убили императора, пробив ветоскаматическое поле и покинули организм.

— Значит, плохо вы все просчитали. Я видел сильнее облака Тарникос Гнуэ над дворцом. Кара могла начаться в любой момент. Считайте, что я спас Эрнбург.

— Да. Я вынужден признать это.

— Послушайте, не могли бы вы снять с меня наручники? — попросил Ахимас. — Иначе мои кисти отвалятся вместе с ними?

— Зная, как вы опасны?

— Бросьте! Чего вы боитесь, что я сбегу из тюрьмы полной вооружённой охраны?

— М-да, — согласился Дорий и, достав из нагрудного кармана мундира ключ, снял с Ахимаса наручники.

— Фуф! — тяжело выдохнул Ахимас, потирая кисти.

— Мне было очень тяжело принять решение ликвидировать императора, — продолжил Эйрингросс. — Его величество был прекрасным правителем. И мой отец и я многим обязаны императору. Однако, если уж встал выбор, Его Величество или вся страна, то как не больно это признавать, но мой долг выбрать благо для страны. Я должен был рискнуть. Но, после того как я увидел те страшные тучи я, признаться, и сам усомнился в задуманном.

«Похоже, он говорит искренне», — подумал Ахимас.

— Наверное, вы хороший человек, — сказал наемник.

— Наверное, я трусливый человек, — возразил Дорий

— Я, видимо, ошибался на ваш счет? — сказал Ахимас. — Но что, по-вашему, благо? Рунаборжцы тоже думают, что руководствуются благими целями, несут гражданам духовность, право выбора, а на деле хотят сравнять жителей сферы в серую массу, лишённую талантов.

Если вы человек старого порядка, вы должны хорошо понимать, что без частиц равновесия, наша сфера погибнет. А на всей сфере осталось два, в лучшем случае три человека обладающих этими частицами!

Дорий тяжело выдохнул и потер рукой шрамы на лице.

— Как вы поступите со мной, господин главнокомандующий? Отправите Фольредору?

Вы не похожи на тех людей, кого интересуется только деньги, — спросил Ахимас.

— Мне важна победа. Если я сдам вас Аполо Фольредору, это ничего мне не даст.

Скажите, зачем вы ищете брата? Ведь вы сами обладаете частицами равновесия.

— Я не обладаю частицами равновесия, — возразил Ахимас. — Моя мать — императрица Фелиция, но отец вовсе не Виктор VI.

— Значит, Иохим ваш сводный брат?

— Именно.

— Скажите, вот вы найдете брата, какие ваши дальнейшие действия? Как вы собираетесь вернуть законный престол? Рунаборг контролирует большую часть материка.

— С помощью Южного Альянса Натаниэль Ронский, готов содействовать Иохиму, если я найду его. Возвращение законного наследника империи, даст сильную мотивацию войти в Альянс новым странам.

— Вы так уверены, в Южном Альянсе? Маленькие страны у Великого разлома слабы!

— Однако и Южный Альянс, и Доминион смогли отбросить Рунаборг, — возразил наемник.

— Да. Но почему? — спросил Дорий. — Одни думают, что Рунаборгские войска истощены, и теократия вымотана. Другие считают, что Южный Альянс на деле показал, как немногочисленные, но одаренные частицами нейнари солдаты, легко превосходят многочисленных бездарей из армии Рунаборга. А я думаю, что тут дело в элементарном страхе рун потерять последних Теллуоров сферы. Вы же видели, как они переживали, из-за того, что Леопольд умрет?! Натаниэль Ронский для них, также пока что неприкасаемый!

— В таком случае война будет затяжной?

— Именно! — подтвердил Дорий. — Рунаборг либо захватит Натаниэля живым и будет содержать в особых условиях, как последнего Теллура, либо проиграет! А наше дело сделать все, чтобы они проиграли! Альянс уже давно ведет переговоры с Черным Доминионом. Но вот как теперь дело пойдет, когда мой план сорвался, я не знаю...

— Дорий, мы с вами на одной стороне, хоть подходы у нас и разные. Неужели вы хотите отдать меня верховному бездарю Фольредору? Что это даст вам?

— Мне нужно подумать. Это сложное решение и обещать вам, Ахимас, я ничего не стану. Я вижу, у вас благородная цель. Но я не уверен, что, даже если вы найдете брата, это что-то изменит, пускай Иохим и взойдет на престол. Порой меня захватывают депрессивные мысли, что все старания тщетны. Что люди, действительно хотят быть бездарными, а Фольредор просто необходим им и исполняет волю народа! А нам, носителям чистых частиц, просто остается плыть по течению. Я отгоняю эти мысли, вспоминая, что я солдат и должен бороться, но... — Дорий замолчал.

— Вы снова запрете меня в камере? — спросил наемник.

— Сейчас час ночи. Мы в тюрьме. Я не могу предложить вам ничего другого. Но завтра все решится в плохую или хорошую сторону!

— А именно?

— Либо в сопровождении отправлю вас в Рунаборг, хоть мне этого и не хочется, либо нарушу приказ... — сказал Дорий и подойдя ближе снова надел на Ахимаса наручники, словно и не снимал их.

— Вечно сиять, господин главнокомандующий! — попрощался Ахимас.

— Вечно сиять Ахимас Теллур! — попрощался с Ахимасом, Дорий Эйрингросс и громко рявкнул: — Эй, солдаты! Ко мне!

В дверь вошли двое тюремщиков.

— Отвести этого человека в камеру! Выполнять!

Глава 18. Вести с юга

Ахимас проснулся от громкого стука в дверь.

Он открыл глаза. Сквозь тюремную решетку били яркие лучи вечносферы. Словно бы говоря, что день обещает все изменить. Ахимас поднялся с койки и натянул подаренные Рупертом, юфтевые сапоги.

В дверь снова ударили. И грубый голос сказал:

— Заключенный 882, его высокопревосходительство хочет тебя видеть. Пошевеливайся!

Ахимас накинул сюртук и сказал:

— Я готов.

— Я захожу, и чтобы без глупостей. Руки держи на виду, — ответил солдат и зашелестел ключами.

Дверь открылась, и перед Ахимасом предстал высокий солдат с винтовкой Герсонгер 33–30, за спиной. Он молча подошел и надел наручники на Ахимаса.

— Теперь шагай!

Ахимас вышел в тюремный коридор.

Камера напротив, где еще вчера было много людей, опустела.

— Повернись! Теперь прямо по коридору, — скомандовал солдат и пошел позади Ахимаса.

Так, молча, они прошли несколько долгих коридоров и лестниц, пока наконец не оказались перед выходом во двор. Здесь стоял неприметного вида серый экипаж, запряженный хилыми лаорскими кобылами. Около экипажа стояло четверо агенорских гвардейцев с винтовками. Один из них открыл дверь экипажа. Внутри Ахимас увидел вчерашнего офицера.

— Господин, Эйрингросс, — сказал Ахимас.

— Господин, Арден, вечно сиять. Садитесь.

Ахимас подошел к экипажу. Его руки все еще были в наручниках. Он встал на подножку экипажа, и чуть пошатнувшись, шагнул внутрь. Главнокомандующий закрыл дверь и скомандовал кучеру:

— Трогай!

Ахимас сел на мягкое, обтянутое кожей сиденье. Оно скрипнуло. Наемник взглянул в лицо военному и спросил:

— Так, что вы решили, господин Эйрингросс?

— Вы еще не поняли?

— Нет. Если бы не они, — Ахимас показал наручники, — я бы решил, что мы едем за город. Где вы... — Я думаю, поняли, к чему я.

— Нет, вы ошибаетесь.

— В таком случае, куда мы едем?

— Мы едем ко мне домой.

— Вот как. Тогда не могли бы вы снять с меня наручники? А то все как вчера!

— Пока что рано. Сниму на месте, — отрезал Эйрингросс.

— Далеко нам ехать?

— Не слишком. Я живу недалеко от Баль-Бинарэ, на Эмиссар-Адвиранс.

Ахимас аккуратно отодвинул одну из занавесей на окне и поморщился.

На торце дома висел огромный баннер. На нем непропорционально и уродливо был изображен человек в фартуке. Он указывал пальцем перед собой. «Не ограничивай себя! Посети выставку произведений живописи, созданных мастерами бухгалтерии завода скобяных изделий! Вдохновись и вдохнови других!» — было написано тошнотворно безвкусным шрифтом.

— Ужасно? Не правда ли? — спросил Дорий. Ахимас кивнул.

— Пугающе, — сказал наемник.

— Закройте вы занавеси! Я ездил за вами инкогнито. Никто не должен видеть нас вместе.

И еще кое-что: сейчас у меня дома находится один из ваших старых заказчиков — Бирон Бененгрей.

— Стоп! Вы знаете Бененгрея?

— Да я его знаю, — сказал Эйрингросс. — Будьте благодарны ему. Ведь он настоял на том, чтобы я вас освободил. Когда мы приедем, молчите о том, что произошло вчера во дворце. Он не должен знать о покушении. Вы меня поняли? Не заставляйте меня жалеть, о принятом решении.

— Хорошо. Я даю вам слово молчать.

Экипаж остановился около большого, но ничем непримечательного особняка с большим палисадником.

— Это ваш дом?

— Я снимаю его. Мой дом сгорел во время захвата Эрнбурга рунами, — ответил Эйрингросс, выходя из экипажа.

— Понимаю, сам пережил подобное, — согласился Ахимас и сошел на мостовую. Рядом, десятком шагов правее, стоял знакомый, механический экипаж хаилина.

Ожидавший на крыльце особняка дворецкий обратился к Дорию:

— Добро пожаловать, ваше высокоблагородие. Господин Бененгрей ждет в гостиной.

Обернувшись на Ахимаса, он сказал: — А вам вечно сиять, господин.

— И да светиться во все времена, — ответил Ахимас, проходя в открытую дверь.

— Дорий, это чудовищно! Господин Арден в наручниках! Мы, кажется, обсудили это вчера? — возмутился хаилин, и его серая шерсть встала дыбом.

— И вам вечно сиять, господин Бененгрей, — невозмутимо ответил Дорий Эйрингросс, доставая из кармана связку ключей. — Позвольте ваши руки, Ахимас.

Наемник протянул вперед обе руки. Главнокомандующий раскрыл наручники.

— Теперь я могу считать себя свободным? — спросил Ахимас.

— Вы свобод... — начал Бененгрей

— Этот вопрос по-прежнему открыт, господа, — оборвал Эйрингросс.

— Открыт? — спросили Бирон и Ахимас хором.

— Расскажу вам про задание, которое вы должны выполнить, — сказал Дорий.

— Задание?

— Да, Ахимас, вчера в ресторане, вы согласились помочь мне в расследовании, — сказал министр Бененгрей. — Господин Эйрингросс, как и я, обеспокоен произошедшим на производствах в Грегорбонне.

— Так, это вы тот министр, считающий, что это диверсии? — уточнил Ахимас.

— Бирон, вы говорили про меня, находясь в «Океанской глубине»? — обратился к хаилину, Дорий.

— Я не называл вашего имени.

— Ну хорошо. Приглашаю вас в мой кабинет. Прошу за мной, — сказал Дорий.

Поднимаясь по лестнице на второй этаж, Ахимас сказал идущему справа хаилину:

— Бирон, прошу прощения, что не смог появиться вчера на встрече.

— Все в порядке, Ахимас. Мне известно, что было с вами вчера.

— Известно? А что вы слышали?

— Господин Мальтомайн Равер-Рид, собирался отправить вас в Рунаборг, как преступника. К счастью, Дорий смог помочь вам.

— То есть вы рассказали Дорию про меня? Я просил не сообщать никому моего имени.

— Господин Бененгрей не говорил вашего имени, — сказал Дорий. — Я сам узнал, что вы работали на него раньше. Когда вы попали в тюрьму, я, разумеется, об этом узнал первым.

«Оказывается вот оно как, — подумал Ахимас. — Да, Дорий перестраховывается, врет, скрывает правду от Бененгрея».

— Мой кабинет, — сказал, Дорий, остановившись у одной из дверей. — Прошу простить за большой беспорядок, — добавил он.

— Бросьте, все в порядке, — ответил Ахимас.

Дорий открыл дверь. Маленький кабинет действительно был захламлен. Но это, нельзя было назвать обычным беспорядком. Скорее, напротив, это был спланированный захват территории. Десятки одинаковых папок, сотни бумаг и рукописей, укрытые слоем пыли оккупировали стол, подоконник и подзеркальник.

— Вы много трудитесь, господин Эйрингросс, — сказал Ахимас.

— А как же! Это все на благо Агенориды, — ответил Эйрингросс.

Ахимас подошёл к столу. Там лежало несколько скомканных листов. Он взял самый большой комок и развернул.

— Вот как? — сказал он и показал его Эйрингроссу.

Истерзанный и измазанный чернилами плакат жалобно гласил: «Разыскивается Ахимас Арден».

— Прошу простить! — мрачно извинился главнокомандующий и взял из рук наемника лист.

Затем прошел к столу и вытащил из стопки одну из папок.

— Господа, — обратился к Бирону и Ахимасу Дорий. — Давайте все же вернемся в гостиную.

В голосе военного прозвучали нотки стеснения и неловкости.

— Да-да! Давайте, — согласился Бирон. — У меня там портфель остался.

— Как кстати... — еле слышно прошептал Дорий.

— Простите что?

— Нет, ничего.

Все вышли обратно в холл.

— Скажите Дорий, больше в городах не будут вешать таких плакатов?

— Это приказ от Рунаборга. Но пока, не будут. Я приостановил, расклейку, на время — ответил Эйрингросс.

Гостиная выглядела именно так, как и представлял себе Ахимас: зеленые стены, коллекция кинжалов на стене, оленьи рога над камином и чья-то пыльная шкура на полу. Вокруг шкуры столпились пожилые, размякшие кожаные кресла.

В одном из них лежал новенький, черно-красный, кожаный портфель. Бирон взял портфель в свою лапу с идеально отшлифованными когтями и сел в кресло. Ахимас расположился напротив. Дорий решил постоять и прислонился к стене.

— Бирон, спрошу у вас, зачем вы наняли меня? Дорий, как я догадываюсь, обладает собственными разведчиками. Для установления истины он может выделить вам много специалистов, — начал Ахимас. — Не так ли, господин Эйрингросс?

Дорий молча кивнул и, взяв кочергу, поворошил тлеющие в камине угли. Угольки заговорщицки затрещали.

— Дело не в количестве, Ахимас, — сказал Бирон. — Я хочу сам принять решение по этому вопросу. Дорий представляет сторону, которая считает это диверсиями. А я хочу, чтобы все участвующие в этом расследовании, были лицами не заинтересованными. Поэтому я и нанял вас.

— Все понятно, — сказал Ахимас. — Скажите, директор фабрики так и не появился?

— Нет, совершенно никаких сведений о нем!

— Скажите, как вы с ним общались? Письмами? Кто доставлял письма?

— Мы общались с помощью ветрографа.

— Ветрограф? — переспросил Ахимас.

— Это аппарат, позволяющий передавать небольшие объемы информации на значительные расстояния.

— Тогда зачем вам было встречаться лично? — спросил Ахимас.

— Я же говорю, что устройство пока не совершенно и недостаточно надежно. Через него можно передавать ограниченное количество информации.

— Вы можете точно пересказать мне полученную от директора информацию?

— Пересказать? У меня есть перевод с виброграммы, — сказал Хаилин и вытащил из портфеля лист с текстом.

Ахимас принял из лап министра печатный лист и прочел вслух:

Уважаемый и почтенный Бирон Бененгрей. Вечно сиять и да светиться во все времена! Мне, Вольфу Догбару, вашему старому знакомому, стало известно, что вы назначены, новым министром осв. промышленности при дворе Леопольда IV.

«Любопытно. Откуда ему это известно?» — подумал Ахимас и продолжил читать:

Совет предпринимателей Осванны, уполномочил вас расследовать происшествия на фабрике Герсонгер, в настоящий момент, находящийся под моим управлением. Я располагаю достоверной информацией о причинах аварий и хочу рассказать вам все, что знаю. Если вы заинтересованы в личной встрече, прошу прислать ответ как можно скорее.

— Бирон, что вы ему ответили? — спросил Дорий, все еще стоявший у камина.

— Я ветрографировал ему, что готов встретиться. Назначил место и время.

— Так это вы выбрали ресторан «Океанская глубина»? — спросил Дорий.

— Да, господа, это как-никак, лучшее заведение в городе. Только от вас я узнал, о его нехорошей репутации. А тогда я решил, что смогу нанять для расследования данного дела, достойного специалиста.

— Все-таки хорошо, что я вам встретился, Бирон, — сказал Ахимас утвердительно.

— Согласен с наемником. Не хватало еще, чтобы с вами работал один из людей Раверрида, — присоединился Дорий.

— Однако, Бирон, мне не дает покоя, то, что вы сообщили швейцарам у входа, о вашем коллеге. Помните? Выходит, что Мальтомайн мог узнать о вашей встрече... — сказал

Ахимас.

— Вы думаете, он в этом замешан?

— Маловероятно, но всякое может быть. Просто это неприятное предположение.

— Помню, там еще странная рыба была... — сказал Бирон

— Да именно, — согласился Ахимас и подумал: «В кабинете Мальтомайна был прибор.

И в нем словно изображение аквариума. Если та штука записывала звуки, то Мальтомайн в курсе нашего разговора».

— Так что вам ответил Вольф Догбарт? Он, разумеется, принял ваши условия? — спросил Эйрингросс.

— Да он их принял. Бирон вытащил из портфеля следующий лист. Вот что он ветрографировал:

Многоуважаемый Бирон Бененгрей. Я получил ваше ветрограмму. Сегодня же отправляюсь в дорогу. С собой я беру генеральную документацию по оборудованию завода. Это лишь малая часть, необходимая для детальной демонстрации причин аварии.

Во избежание недопонимания предупреждаю! Если меня не будет в ресторане «Океанская глубина», к назначенному времени, то, вероятнее всего, я уже мертв. Не пытайтесь разыскивать меня. Это может угрожать вашей жизни. В случае моей смерти отдайте копию этого письма моей жене Эвелин Догбарт. Адрес...

— Не информативно, — с досадой сказал, Ахимас. — Единственное, что мне тут показалось странным: «Это лишь малая часть». Но не будем пока об этом... Надеюсь, вы не пересылали его жене письма?

— Сегодня собирался.

— Не делайте этого.

— Почему?

— Объясню чуть позже, — уклончиво сказал Ахимас. — Пока расскажите, что известно о самой аварии? Какие результаты заседания? Что сказал вам Грегорбоннский бургомистр?

— Ничего полезного они не сказали нам, — серьезно ответил Дорий.

— Вы тоже участвовали в заседании?

— Да участвовал.

— Вы можете сообщить, кто все остальные участники этого заседания?

— Наместник Истериан Пьескуиндор, бургомистр Джон Граег, мы с господином Бененгреем и трое министров.

— Эти министры, они?..

— Вам необходимо это знать? — опередил вопрос Ахимаса Дорий.

— Желательно.

— Реплицированные. Они не сообщили ничего полезного, никак себя не проявляли, а просто соглашались с наместником и бургомистром.

— Скажите, а бургомистр тоже пересадьш?

— Граег? Да, вне всякого сомнения. В отсутствие, господина Бененгрея он участвовал в так называемой комиссии. Она и провела инспекцию завода.

— Комиссия? И какими были результаты?

— Результаты такие: — сказал, Бирон. Ахимас посмотрел на него. — Авария на заводе Герсонгер произошла по причине разрыва плавильного чана. Из-за этого по цехам завода разлился густой раскалённый Арахит. Теперь правительство Рунаборга требует от Осванны выслать новое оборудование.

— Вы считаете, что это заключение не верно, так? — спросил Ахимас.

— Я считаю, что в чане был не арахит, а другое вещество. Поэтому он и взорвался, — зло сказал министр Бененгрей.

— Ахимас, вы знаете, что такое арахит? — внезапно спросил стоявший у камина Дорий.

— Да. Это особопрочный материал. Из него много что изготавливают.

— Верно. На заводе Герсонгер из него делали реаксическое оружие для Рунаборгской и Агеноридской армий.

«Выходит, это не просто завод, а стратегически важное предприятие», — подумал Ахимас.

— Вы говорите, что в чане был не Арахит. Тогда что это было за вещество? — спросил наемник.

— В том то и дело, — сказал Дорий, — что это теперь не установишь. Инспекция прошла и весь завод очистили от следов этой субстанции.

— Оперативно, нечего сказать... Наверное, им действительно было что скрывать. Но откуда тогда, вам вообще известно, что в чане было другое вещество? — спросил наемник.

— Из-за симптомов пострадавших. В результате этого происшествия пострадало две сотни рабочих. Бургомистр и наместник умолчали о них. У многих замечены симптомы частичного дизраспада, — сказал Дорий.

— Стоп-стоп-стоп, — выпалил Ахимас и выставил вперед обе руки. — Господа, я хорошо знаю, что это такое. Но причем тут он? Дизраспад — это проклятье частиц, при котором функции организмов меняются и это приводит к чудовищным последствиям. Но как такое могло произойти на заводе? Известно, что в Пиджетее, где погибло сразу несколько правителей рода Теллур, произошел гнев частиц и, как следствие, дизраспад. А еще, вчера он тоже мог... — начал было Ахимас, но Дорий злобно посмотрел на него.

— Вы, кажется, забыли, господин наемник.

— Да-да, — ответил Ахимас и улыбнулся.

— Так вот, господин наемник, вы забыли: Я сказал, что у рабочих завода обнаружены признаки этого самого дизраспада. И это факт!

— Факт? Кто изучал пострадавших?

— Медики. Грегорбоннские больницы переполнены людьми с изменившимся предназначением частиц. Несколько тяжело пострадавших увезли в Эрнбург. Но они скончались по дороге. Их тела словно растворяются. Моя сестра изучила то не многое, что осталось от их тел и этого хватило ей, чтобы сделать заключение. По прибытии в Грегорбонн вы сами можете изучить пострадавших. На момент моего расследования — сказал Дорий, — дизраспад у многих был только в зачаточном состоянии. Но к вашему прибытию он проявится в полной мере. К н и г о е д . н е т

— Ну хорошо, допустим, это действительно дизраспад, — сказал Ахимас Арден, — Как, по-вашему, проклятье частиц и вещество в чане, чем бы то оно ни было, могут быть связаны? Это же невозможно.

— Звучит это, и в самом деле фантастически. Завтра я отправляюсь в Грегорбонн.

Там я займусь этим вопросом, Ахимас, — сказал Бирон Бененгрей. — Тогда и посмотрим, как это связано.

Все на минуту замолчали. Прервал тишину Ахимас:

— Вы упоминали, что была и другая авария?

— Взрыв в шахте Чирен, — сказал хаилин.

— Что это за шахта?

— Там добывают позитивный или же положительный траумарин. Из него и делают арахитовый сплав.

— И что же, этот взрыв произошел до или после происшествия на заводе?

— Взрыв произошел в тот же день. Разница составила три часа.

— Вот как? Траумарин поступает на завод именно с этой шахты? — спросил наемник.

— Да-да, с нее, — подтвердил хаилин.

— Тогда тут, очевидно, есть связь. Нужно только найти ее. Сколько людей погибло?

Сколько выживших?

— Бургомистр говорил о 45–55 шахтерах. Но, я не уверен, что это точные данные, — грустно сказал Дорий и сел в кресло справа от Ахимаса.

— Странно это, — задумался Ахимас. — Ну, допустим, выживших все же нет. Какие настроения ходят среди самих шахтеров и работников завода? Как они на это реагируют?

— Шахтеры до сегодняшнего дня устраивали забастовки, — сказал Дорий.

— Забастовки?

— Они отказывались работать. Так говорят наместник и бургомистр.

— Какие требования у шахтеров?

— Этого на заседании не сообщали. Вероятно, это как-то связано со взрывом, возможно, они боятся, что история повторится.

— С шахтерами надо поговорить, — сказал Ахимас и подумал: «Они могут рассказать про эту шахту больше, кого бы то ни было. Возможно, и причину взрыва, удастся выяснить. Кто-то что-то да видел, слышал». — Вы сказали, что забастовки устраивали до сегодняшнего дня? Что изменилось?

— Рунаборг постановил направлять всех шахтеров на работы под надзором солдат.

— Бред! — сказал Ахимас раздраженно, а затем задумчиво добавил: — Кстати о взрывах. Пока нельзя утверждать наверняка, но у меня есть предположение, что их, не должно было быть.

— Само собой, не должно, — сказал Дорий отстраненно. — К чему вы клоните?

— У меня есть две версии, — изрек Ахимас. — Первая — банальная, что это действительно взрывы и с помощью них планировали вывести завод и шахту из строя. Ну и вторая — более интересная. Вещество в чане, хотели использовать по назначению. А именно, сделать оружие, вызывающее у людей дизраспад частиц. Просто, что-то пошло не по плану.

В первом случае. План удался. Но зачем? Это не принесло каких-то особых результатов. Прошла неделя, а завод и шахта уже функционируют. А вот во втором случае план сорвался. И, возможно, люди, стоящие за всем этим, попытаются повернуть план вновь, когда все успокоится.

— А кто, по-вашему, стоит за этим? — спросил Дорий Эйрингросс.

— Тут тоже все не так однозначно. Главные подозреваемые — Черный доминион и Рунаборг.

Если, это Черный доминион, а им это выгодней всех, то действия Рунаборга, мне совершенно непонятны. Почему бургомистр и наместник тщательно скрывают улики? Им, напротив, было бы проще не прятать, а выставить все напоказ, предать огласке. Но вместо этого они проводят липовые инспекции и убирают все следы. Смысла в этом мало, потому что две сотни работников завода с частичным дизраспадом никуда не денешь. Затем они

посылают шахтеров на работы под присмотром своих рунских солдат.

— Моих солдат, — поправил Дорий.

— Ваших солдат? — удивился наемник.

— Да, я договорился с Истерианом.

— Хорошо под присмотром, ваших солдат. Отчего ваши солдаты будут их там защищать?

— Я думаю, что если бы в этом и был замешан Черный доминион, — начал Дорий. — то он бы сконцентрировал усилия на другом объекте.

— Каким?

— Группинитовой шахте. Запасы группинита в Грегорбонне почти иссякли. Без него нельзя, как говорит Бирон, облучить траумарин. Не облученный траумарин не получится переплавить в арахит. А тут, взрыв в траумариновой шахте. Зачем? Его в Грегорбонне по-прежнему навалом.

— Но, если так, — рассуждал Ахимас, — если предположить, что это Рунаборг замешан в диверсиях, недаром они улики скрывают, все начинает выглядеть еще страннее. Совершать диверсии на предприятиях, что поставляют им оружие. Затем закрывать предприятия, терять много времени и людей. Но, с другой стороны, вы, Бирон, сказали, что они требуют от Осванны новое оборудование. Насколько оно ценное?

— Безумно ценное, Ахимас. Это уникальные разработки. Их стоимость несколько сотен тысяч риппе, — сказал Бирон.

«Неужели все это ради оборудования? — подумал Ахимас с разочарованием. — А особенно мне не понятна роль директора Догбарта во всем этом. Если он на стороне Бирона, то почему не предотвратил эту инспекцию? Как он позволил убрать все следы аварии? В любом случае все это не могло пройти без ведома главы предприятия. Но главное, за что же его убили? Что такого он хотел сообщить Бирону?»

Дорий встал из кресла и подошел к окну. Он отдернул одну из штор. По улице проехала красивая белая карета.

— Что вы будете делать? — спросил он.

— Мне нужно изучить завод и шахту, — сказал Ахимас. — Я хочу поговорить с рабочими, возможно, кому-то что-то известно. Осмотрю кабинет директора на заводе. Надеюсь, там остались какие-нибудь записи. И еще одно, о чем я не сказал сразу: директор просил, в случае его смерти отдать ветрограмму жене. Я поговорю с ней, возможно, она знает что-то и мне удастся выйти на след Догбарта.

— Верно, верно, — согласился Дорий.

— Завтра с утра я отправлюсь в Грегорбонн, — сказал Ахимас и добавил: — Но есть одна проблема.

— Какая? — спросил главнокомандующий, не отворачиваясь от окна.

— Порт заблокирован Рунаборгом. Выходит, что мне придется добираться в Грегорбонн через горы Аркафт. Не могли бы вы, господин Эйрингросс, выделить мне охрану? Должно быть, вам известно про дурную славу этих гор.

— Нет, поступим по-другому, — возразил Дорий и обернулся. — От флота Агенориды осталось несколько кораблей. На одном из них вы поплывете. Я позабочусь, чтобы его пропустили Руны. Но отправитесь вы сегодня.

— Сегодня?

— Да, сейчас утро. Через 6 часов вы будете в Грегорбонне. Начнете расследование

сегодня же! — сказал Дорий, приказным тоном и подошел к Ахимасу. — И это не последнее мое условие. Вы будете работать с напарником.

— Я бы предпочел работать один, — возразил наемник.

— Это также не обсуждается. Во-первых, я должен быть в курсе хода расследования, а вы под надзором. Во-вторых, вам потребуется человек, который сможет обеспечить вам доступ в шахту и на завод — объекты особо охраняемые. А в-третьих, вам нужно где-то жить.

— И кто этот ваш человек?

— Его зовут Хельбрам Мальрас.

— А поподробнее?

— Он мой бывший боевой товарищ — майор в отставке. Хельбрам отлично знает город и, в общем, человек умный и смелый. Ему можно доверять.

— Грегоррбонн и я знаю. Бывал там. А что до вашей лестной характеристики... Она бесполезна. Лучше скажите, насколько в расследовании ваш человек полезен? Может он найти, сопоставить улики? Допросить? Или, быть может, он хорошо разбирается в производстве арахита?

— Это будете делать вы, Ахимас. Главное, что он хороший организатор и поможет вам получить доступ туда, куда без него вас не пропустят. А что до арахита... Вам в этом поможет Бирон.

— Бирон, вы плывете со мной? — спросил Ахимас и посмотрел на министра.

— Я отплываю завтра утром, Ахимас. Дорий посоветовал сделать именно так, — возразил Хаилин.

— Почему бы не плыть вместе?

— Потому что вы должны изучить все до того, как это подготовят к прибытию Бененгрея. Я, считаю, что представителю будут пускать пыль в глаза. Все будет обставлено так, словно бы и ничего не произошло. А вы же загляните за кулисы этого спектакля.

— Знаете, признаю, вы правы. И это действительно верная мысль, — с уважением сказал Ахимас. — Но у меня есть вопрос. Бирон, могу я узнать, план вашей инспекции?

— Я буду изучать преимущественно оборудование. Вам это навряд ли что-то скажет, Ахимас. Однако я также загляну в больницу к пострадавшим от дизраспада, — сказал Бирон.

— Хорошо. Как мы сможем связаться, если вдруг возникнет такая необходимость? Мое появление рядом с вами может вызвать некоторые вопросы.

— Вот вам тут вам и поможет Хельбрам, — вмешался Дорий. — Он человек известный в Грегоррбонне. Думаю, что его встреча с Бироном не вызовет вопросов.

— Ну ладно, — кисло сказал Ахимас. — Когда я приплыву в Грегоррбонн, где он будет меня ждать? Как он, собственно, выглядит?

— На пристани. Ему 49 лет. Светловолосый с усами и небольшими бакенбардами. Последнее время предпочитает одеваться в штатское. Преимущественно щеголяет в белых сюртуках. Думаю, он сам вас найдет. Хельбрам очень открытый и контактный человек.

— Выходит, с планом действий мы определились? — спросил Бирон.

— Есть у меня еще несколько вопросов... — сказал Ахимас.

— Спрашивайте, — сказал Дорий

— Возможно, мне понадобится специалист — химик и тот, кто разбирается в технике.

«Хотя я и сам мог бы изменить свои частицы так, чтобы обладать нужными навыками в химии и технике, — подумал Ахимас. Но на это потребуется время. Да и без лаборатории я

ничего не смогу».

— Все что посчитаете нужным, отправляйте лично мне через Хельбрама. Моя сестра Анна Филиппа — лучший ученый. Она поможет.

— Отлично, — сказал Ахимас, а сам подумал: «Анна Филиппа. Похоже, это она придумала идею воздействовать на частицы равновесия императора Леопольда. Интересная женщина! Нужно будет поговорить с ней лично». — Главный мой вопрос. Какую награду я получу? Свободу?

— Деньги вас больше не интересуют, Ахимас? — спросил Бирон.

— Сейчас они не главное для меня. Я согласился помочь вам, Бирон по старой дружбе. Я же работал на вас когда-то и думал, что все это касается только вашей промышленности. Но сейчас я вижу, что вы из своего кармана заплатите и за армию. Расклад не слишком честный.

— Не деньги... А что для вас главное, Ахимас? — бесстрастно спросил Дорий.

— Сейчас для меня главное — найти брата. Вы, Дорий, близки к императору. Если сможете организовать мне разговор с Его Величеством, или, что мало вероятно, узнаете сами. Этого будет более чем достаточно.

— В этом нет нужды. Ибо я знаю, где ваш брат, — сказал Дорий.

— Как вы можете это знать? — удивился наемник. — Мне известно, что 12 лет назад, мой брат Иохим, был на аудиенции у императора Леопольда. Он просил убежища.

— И он его получил, Ахимас. Кто, по-вашему, организовал вашему брату охрану? И кто сопровождал вашего брата в это убежище? Это был мой отец Эйрих Эйрингросс — тогдашний глава армии. Он умер три года назад и передал информацию только мне. Поэтому, в вашем условии, нет ничего трудного для меня. Установите причину, цели, а главное, заказчика этих диверсий, и вы узнаете, где находится ваш брат, — серьезно сказал Дорий.

— Да, вы говорите правду. Я это чувствую, и мне это нравится, — сказал Ахимас. — Я проведу это расследование. Но есть еще одна небольшая мелочь...

— Слушаю. Я сделаю все возможное, чтобы помочь расследованию, — сказал Эйрингросс.

— Верните мне ундосокпический паспорт осванны, а также выдайте оружие.

— С первым есть проблемы, — уклончиво сказал Дорий. — Второе я без проблем устрою.

— Что за проблемы?

— Это поддельные документы. Я как глава правопорядка, обязан конфисковать их. И где вы только достали их.

— Да так, есть одна, конторка под прикрытием цветочной лавки... — намекнул Ахимас. — Однако, Дорий, мне нужна подстраховка. Если вдруг у меня их спросят.

— Я выслал Хельбраму документ. Эта бумага дает вам право спокойно передвигаться в пределах Грегорбонна. Пока вы с ним, вам не грозит арест Рунаборгом.

— Слабое утешение ходить под присмотром словно пес.

— Сожалею, но это лучший вариант, что я могу предложить сам сейчас.

— Ладно, тогда, по крайней мере, выдайте мне оружие.

— Могу предложить вам, винтовки: Герсонгер 33–30 или Герсонгер 42–40.

— Дорий, я знаю оно у вас есть... Выдайте мне хорошее диссоническое оружие, а не эти трауроидные не пойми что...

— Для этого нет времени, — отрезал Дорий. — Напоминаю, вы должны отплыть

непозднее, чем через час.

— Выходит, что вы и эту просьбу не можете выполнить, сказал Ахимас с сожалением.

— Поступим вот как, — сказал Дорий Эйрингросс и вытащил из кармана мундира кошелек. Здесь 2 тыс. риппе. В Грегорбонне делают оружие. На черном рынке там можно достать почти любую модель из любой страны. Купите себе то, что считаете нужным.

— Благодарю, — ответил Ахимас, принимая деньги. — Теперь я готов.

— Тогда не будем медлить, господа. Выезжаем! — сказал Бирон.

— Вы едете со мной? — спросил Ахимас.

— Да, мы с Дорием проводим вас до порта. На моем данлоро мы будем там уже через 20 минут!

— Нет, Бирон, я вас разочарую, мы едем на моем экипаже. Ваш аппарат, боюсь, слишком обращает на себя внимание, — сказал Дорий и крикнул дворецкому:

— Скажи готовить экипаж! Мы уезжаем!

— Слушаюсь, ваше превосходительство! — донесся ответ откуда-то из соседней комнаты.

— Бирон не забудьте свой портфель, — предупредил хаилина Дорий.

В дороге говорили мало. Экипаж почти все время спускался с горы. Портовый район был самым низменным местом Эрнбурга.

— Бирон, я не разбираюсь в производстве арахита, — сказал Ахимас, сидящему напротив Хаилину.

Тот повернул уши в его сторону и сказал:

— Я дам вам небольшую брошюру. Из нее вы сможете подчерпнуть базовые знания по этому вопросу, а заодно скоротаете время в пути.

Хаилин достал из красно-черного портфеля небольшую книжечку.

— Вы лучше всех разбираетесь в производстве арахита. Зачем она у вас в портфеле?

— Думал, что придется объяснять некоторым членам заседания.

— Во время плавания не расслабляйтесь, — серьезно сказал Дорий. — Залив Элин прекрасное место, но сейчас его воды форсируют рунские и пиратские суда. Возможно, руны захотят проинспектировать корабль. У капитана есть бумаги на вас. Однако будьте начеку!

Экипаж остановился на пристани. Ахимас отдернул шторку на окне и увидел огромный, источавший величие имперский скумбриносец производства «Флоссе Васерлайн». Его острый, стилизованный под рыбий, нос выдавался далеко вперед. А высокие чёрные трубы уже пускали в небо угольный дым. Наверху развивался Агеноридский флаг с Аистом.

— На нем вы и поплывете на юг, — сказал Дорий

С корабля по трапу спустились шестеро подтянутых морских пехотинцев и подошли к наемнику. Старший из них спросил:

— Вы Ахимас?

— Да, — ответил наёмник. — Вечно сиять!

— И вам. Меня зовут Марк я шкипер этого судна и мне поручено отвечать за вас на время плавания. Прошу, проследуйте с нами на корабль.

— Как называется судно?

— Вита Акара, — ответил офицер.

— Что значит «Белый корабль», — сказал Ахимас.

— Именно.

— Название, вселяющее надежду, — сказал Ахимас и проследовал за солдатами.

По широкой деревянной палубе сновали матросы. Боцман отдавал приказы. Корабль готовился к отплытию. Ахимас обратил внимание, что на все ниши для пушек и крупнокалиберных орудий были пусты. Некогда грозное военное судно было полностью разоружено.

— Путь до Грегорбонна займёт шесть с половиной часов. Мы ждали только вас. Можем отплывать, — сказал Марк и добавил: — Я покажу вам корабль и вашу каюту.

Они направились в сторону надстроек.

— Скажите, неужели этот корабль снарядили только для того, чтобы доставить меня в Грегорбонн?

— Нет. Точно нет. Этот корабль лично по приказу господина Эйрингросса доставляет особо ценные грузы. Вы лишь важный гость.

— Лишь важный гость... — сказал Ахимас еле слышно.

— О, а вот и ваша каюта.

Они стояли перед стальной дверью с иллюминатором. Марк отпер дверь. За ней была маленькая, но чистая и светлая каюта с кроватью, белыми столом и комодом, надежно привинченными к полу.

— Как там с погодой на море? — спросил Ахимас, глядя на привинченную к полу мебель.

Лицо военного омрачилось, и он сказал:

— Честно сказать, не очень. Да, что там уже на протяжении нескольких месяцев, все хуже некуда. Сильные шторма с молниями и громом. Почти каждый день приходят вести о кораблекрушениях.

— Вот как? Выходит, нам есть о чем переживать?

— Нет. Переживать нам не о чем. Погода пока хорошая.

— Это маловероятно, судя по приборам. Вы не беспокойтесь, Ахимас. «Вита Акара» — судно крупное, надежное, не один шторм выдержало. Но есть другие проблемы.

— Какие?

— Господин главнокомандующий не сказал вам про Рунаборгские корабли?

Ахимас кивнул.

— От них можно ждать чего угодно. Не понравится какая-то мелочь и не пропустят.

Прозвучал гудок корабля.

— Чтож мы отплываем. Если я понадобится, найдете меня на капитанском мостике, — сказал Марк и спешно удалился по коридору.

«Постоянные шторма, — подумал, Ахимас. — Похоже, этой сфере действительно недолго осталось существовать!».

Он вышел на палубу, чтобы посмотреть на отплытие. Корабль урчал мотором словно кот и будто лапами нетерпеливо перебирал восемь гребными плавниками по воде. Они крутились все быстрее и быстрее. Судно набирало ход. Ахимас видел удалявшийся причал и ветхие портовые домишки с черепичными крышами, раскаленными жаром вечносферы. Он покидал Эрнбург — столицу Агенориды, построенную на развалинах города старосферов унку. Эрнбург и сам еще вчера мог перестать существовать, не останься жив император Леопольд — хранитель частиц равновесия. Громадный город накрыло бы ужасным гневом частиц, облаками Тарникос Гнуэ. В одночасье все горожане исчезли бы с лица сферы, как

когда-то это произошло в Пиджетее.

Ахимас размышлял: «Сохранив жизнь одному старику, я, возможно, спас жизнь сотням тысяч. Но одного умирающего носителя частиц равновесия недостаточно, чтобы спасти всех на сфере. Поэтому я должен найти Иохима и вернуть ему трон. Даже сложно представить какой длинный и тяжкий путь у меня впереди». Ахимас посмотрел на воды залива Элин. Там вдали, на опустошенном полуострове находился Грегорбонн — крупнейший город юга. На душе у наемника вдруг стало тошно. Ахимас почувствовал, что тучи сгущаются над пустошью, и много будет смертей, если он ошибется на этом тяжелом пути.

«Большие скопления людей всегда притягивают смерть!» — подумал Ахимас.

Конец первого тома

Больше книг на сайте - Knigoed.net